

Annotation

«Сад наслаждений» — загадочнейшая работа самого таинственного из фламандских живописцев Иеронима Босха...

Триптих, в котором историки и искусствоведы до сих пор находят мотивы множества еретических учений — от катарского до адамитского...

Триптих, который едва не погиб, когда на него плеснул кислотой полубезумный католический священник...

Для восстановления «Сада наслаждений» приглашен знаменитый реставратор Михаэль Кайе — первый, кто попытался расшифровать тщательно скрытые в триптихе буквы и цифры.

КАКОВ ИХ СМЫСЛ?

Возможно, погребенная под пылью веков ТАЙНА ИЕРОНИМА БОСХА скоро будет раскрыта...

-
- [Петер Демпф](#)
 - [КНИГА ПЕРВАЯ. В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [XV](#)
 - [XVI](#)
 - [XVII](#)

- [XVIII](#)
- [XIX](#)
- [XX](#)
- [XXI](#)
- [XXII](#)
- [XXIII](#)
- [XXIV](#)
- [XXV](#)
- [XXVI](#)
- [XXVII](#)
- [XXVIII](#)
- [XXIX](#)
- [XXX](#)
- [XXXI](#)
- [XXXII](#)
- [XXXIII](#)
- [XXXIV](#)
- [КНИГА ВТОРАЯ. В САДУ НАСЛАЖДЕНИЙ](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [XV](#)
 - [XVI](#)
 - [XVII](#)
 - [XVIII](#)
 - [XIX](#)

- [XX](#)
- [XXI](#)
- [XXII](#)
- [XXIII](#)
- [XXIV](#)
- [XXV](#)
- [XXVI](#)

- [КНИГА ТРЕТЪЯ. И ВКУСИЛИ ОТ ДРЕВА ПОЗНАНИЯ...](#)

- [I](#)
- [II](#)
- [III](#)
- [IV](#)
- [V](#)
- [VI](#)
- [VII](#)
- [VIII](#)
- [IX](#)
- [X](#)
- [XI](#)
- [XII](#)
- [XIII](#)
- [XIV](#)
- [XV](#)
- [XVI](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)

- [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
-

Петер Демпф
Тайна Иеронима Босха

**КНИГА ПЕРВАЯ. В НАЧАЛЕ БЫЛО
СЛОВО...**

Кайе нервно постукивал пальцами по подоконнику. Вот уже полчаса он ждал своего помощника Антонио де Небриху, который собирался сообщить о сенсационном открытии. За последние две недели Кайе не раз убеждался, что часы в Мадриде показывают время иначе. Вообще-то он гордился фактом, что входит в узкий круг специалистов, которых привлекают к самым ответственным реставрационным работам, однако сегодня Кайе был в высшей мере недоволен, и работа едва продвигалась вперед.

Кайе потянулся и взглянул в окно на парк Ретиро. Его до сих пор поражал особый матовый цвет выеденной солнцем зелени. Что значит юг!

Сразу же после телефонного звонка в Берлин он сел на самолет и прилетел сюда. Не так часто тебя вызывают для работы с самой великой и таинственной картиной мира — «Садом наслаждений» Иеронима Босха. Как стало известно Кайе, какой-то сумасшедший священник подошел к триптиху и, прежде чем охрана музея Прадо смогла вмешаться, выплеснул на картину несколько капель едкой жидкости из маленькой бутылочки. К счастью, ущерб оказался незначительным, и Кайе был уверен, что сможет закончить реставрацию в течение нескольких недель.

С бульвара Прадо доносился гул, какой бывает только в час пик, в конце рабочего дня. И все же теплый ветер, проникавший в открытое окно, приносил хоть какую-то свежесть в удушливую атмосферу расположенных над мастерскими Прадо офисов.

Наконец в дверь постучали, и, прежде чем Кайе успел ответить, она распахнулась. Невысокий мужчина с красными пятнами на шее и седыми волосами, падающими на бледное лицо, прихрамывая, быстро прошел к столу Кайе. Отдышавшись, он заявил:

— Михаэль, подойдите. Невероятное открытие! Посмотрите внимательно!

Он бросил на стол две фотографии. На первой был изображен плывущий утконос размером с хомяка. У утконоса имелись руки, и в одной он держал книгу, которую внимательно читал. Кайе склонился

над фотографией. Неравномерно разбросанные светлые пятна — следы повреждений, вызванных кислотой. По книге в руках утконоса протянулась широкая полоса от ядовитого химического вещества.

— Ну? Видите?

Кайе тяжело вздохнул:

— Нет, Антонио, боюсь, я ничего не вижу. Не вижу.

Антонио де Небриха запустил руку в волосы, а потом несколько раз провел ладонью по лицу.

— Вы ничего не замечаете. Вы слепы и не хотите ничего видеть. Но там что-то есть. Это похоже на... похоже на буквы. No comprendes? ¹ Там кто-то что-то написал. Иначе зачем у утконоса в руках книга? Понимаете?

Кайе поборол раздражение. В конце концов, Антонио де Небриха был для него находкой. Хотя этот человек давно уже перешагнул границу пенсионного возраста, он продолжал неустанно трудиться и его уже смело можно было считать неотъемлемой частью Прадо. Никто не знал мастерских музея так хорошо, как этот старый искусствовед, никто лучше его не понимал технику нанесения красок, не знал тайны изготовления холстов и лаков XVI века. Он был настоящим кладом, этот седовласый чудак, обладающий невероятной интуицией, когда речь шла о распутывании замысловатых ребусов, связанных с картинами. Между коллегами сразу же возникла профессиональная дружба, и они обращались друг к другу по имени, как и принято в Испании.

— Подождите-ка, Антонио, я посмотрю внимательнее. — Кайе выдвинул ящик письменного стола, достал лупу и взглянул на снимок. Он действительно смог различить на смазанных контурах книги странное скопление штрихов, похожих на текст, которые с таким же успехом могли быть тонкими, как волос, трещинами на одереженевшем фунте картины. Ведь триптиху Босха уже почти пятьсот лет.

— Ну, теперь видно лучше?

Кайе покачал головой. Затем взял второй снимок. На нем были видны полголовы сойки, куст чертополоха, покрытого голубыми цветами, и обрывки бабочек. А дальше контуры исчезали на фоне бледных вздутий и выеденных мест. Эта часть картины была повреждена сильнее всего, хотя и здесь кислота затронула только лак. Включив всю свою фантазию, Кайе смог различить глаза и даже нос.

Возможно, следовало бы рассмотреть размытые формы спокойно, подрисовать с помощью лупы контуры, добавить недостающие линии.

— Ну теперь наконец скажите что-нибудь, Михаэль. Вы ведь не можете ничего не видеть.

— Послушайте, дорогой Антонио, единственное, что я могу вам предложить: сделайте снимок с увеличением. А затем мы вместе решим, кто из нас ошибается.

— Я не ошибаюсь, Михаэль.

Антонио де Небриха склонился над письменным столом и провел пальцами по мнимым контурам.

— Вот здесь буквы. А на другой картине можно различить птиц. Вероятно, это сыч, сова или что-то в этом роде. Но приподнимите лупу повыше.

Теперь Кайе действительно стал различать на снимках смутные очертания. По его спине пробежал легкий холодок. У старого лиса отменный нюх. Если он не ошибается, перед ними научная сенсация: скрытые знаки на самой известной в истории искусства картине, и он принимает участие в их расшифровке.

— Вы убедили меня, Антонио. Завтра я...

— Завтра, mañana, mañana. Сегодня, сеньор Кайе. Такие дела непозволительно откладывать.

Он не должен участвовать в этой аванюре! Однако Небриха относится к тому типу людей, которые не успокоятся, пока проблема не будет решена. Смирившись, Кайе со вздохом поднялся с кресла.

— Негативы лежат...

— ...в сейфе. Пока исследования не будут завершены, полиция хотела...

— Антонио! Я прошу вас не перебивать меня и дать возможность сделать свою работу. Вы знаете, как я ценю вас. Вы также знаете, что я...

— Вы считаете меня занудой!

Небриха провел рукой по лицу и ухмыльнулся:

— Не смешите меня. Да, я увеличу снимки. И сейчас же. Потому что знаю: вы испытываете священный ужас перед всякой электроникой и никогда не смогли бы включить принтер. Но ради Бога, оставьте меня одного! Я сам принесу увеличенные снимки.

Антонио де Небриха изобразил на лице обиду, запустил руку в свои белые как снег волосы и захромал к двери. Бросив на Кайе веселый взгляд, он изрек:

— Мне не понять вашу немецкую тягу к уюту.

Антонио де Небриха произнес слово «уют» через «у» («уут»), и Кайе уловил в этом иронию. Старик добился чего хотел. Вслед за Антонио Кайе вышел из кабинета и погасил за собой свет.

Когда Кайе сделал увеличенные снимки, у него перехватило дыхание. Он торопливо прошел по коридорам, ведущим мимо мастерских. В руках реставратор держал два отпечатка, негативы же сунул в карман рубашки. Антонио де Небриха будет плясать от радости, когда он покажет ему фотографии.

Кайе достиг коридора, ведущего к кабинету Небрихи, и замер как вкопанный.

Из его кабинета, расположенного напротив бюро Небрихи, пробивалась узкая полоска света. Кайе охватила тревога. Кто-то забрался в его кабинет! За последние недели с его стола исчезли ноутбук и принтер. Что же делать теперь?

Нужно попытаться задержать злодея, но сначала следует избавиться от фотографий и посмотреть, у себя ли еще Небриха. Кайе осторожно подкрался к двери Антонио и бесшумно проник внутрь. В помещении никого не было, и он положил фотографии на видное место на столе. Затем снова вышел в коридор и приблизился к двери своего кабинета. В узкую щель заглянул внутрь, однако никого не обнаружил. Кайе невольно нащупал в кармане швейцарский нож, затем налег на дверь, и она бесшумно отворилась.

У книжной полки в стороне от входа стояла женщина. Темные волосы до плеч, темное платье, туфли на невысоком каблуке. И только зеленый пояс ярким пятном выделялся на мрачном фоне. Она перелистывала фолиант.

— Que desea? Чем я могу вам помочь? — резко произнес Кайе.

Женщина захлопнула книгу и обернулась.

— Вы меня испугали.

В ее голосе слышался упрек. Незнакомка говорила четко и уверенно, несмотря на неожиданное появление Кайе. В ее интонациях слышался голландский акцент.

— Вы всегда роетесь в чужих бумагах? Кто вас впустил? — спросил Кайе по-немецки.

С открытой улыбкой женщина подошла к Кайе и протянула ему руку:

— Грит Вандерверф! Психолог и психотерапевт. Мне нужен доктор Михаэль Кайе.

Кайе медлил. Ему не нравилось, когда на его вопросы не отвечали.

— А что вам нужно от доктора Кайе?

— Я курирую преступника, совершившего покушение.

Кайе, входя в комнату, осторожно оглянулся.

— Какого преступника?

— Того, что хотел уничтожить «Сад наслаждений».

Кайе сел на стул и откинулся на спинку.

— Я — доктор Кайе.

Хотя напротив находилась привлекательная женщина, он избегал взгляда ее серых глаз. Ему совсем не хотелось начинать с ней разговор.

— Вы позволите мне сесть? — спросила Грит Вандерверф после продолжительного молчания и показала на второй стул, стоявший перед письменным столом.

— Пожалуйста. Что привело вас сюда?

— Как уже сказала, я курирую преступника. Как психолог.

— Голландка в Мадриде?

— Моя мать уроженка Испании. Я приехала сюда учиться и в какой-то момент поняла, что меня больше не тянет на север. И теперь я занимаюсь проектом, имеющим отношение к крупным европейским музеям. А по поручению испанских властей в качестве психолога курирую преступников, покушавшихся на картины, пишу заключения, принимаю решения о диспансеризации и оцениваю шансы на выздоровление.

Кайе закашлялся. Ему стало неловко, что он был так резок с ней.

— Но как вы... попали ко мне в кабинет?

— Какой-то пожилой человек показал мне...

В этот момент в комнату ворвался Антонио де Небриха;

— Фантастика, мой друг, видите, я был прав! Увеличенные снимки прекрасны и читаются как наилучшие средневековые письма. Но не могли бы вы представить меня?

Кайе поморщился.

— Грит Вандерверф, психолог. Она работает с парнем, который повредил «Сад наслаждений».

— Buenas tardes, senora!². Антонио де Небриха.

— Моя правая рука.

Кайе был рад, что нашел нить разговора, прерванного появлением коллеги.

— Он старше самого музея и притом жуткий педант. Вот сегодня на фотографиях, которые мы сделали с поврежденных мест «Сада наслаждений», он нашел...

Антонио де Небриха обернулся, и его предостерегающий взгляд заставил Кайе замолчать. Лишь сейчас он заметил, как внимательно Грит Вандерверф слушает его. Как только Кайе замолк на полуслове, дама сразу же подхватила нить:

— Для моей работы очень важно узнать кое-что о состоянии поврежденной картины. Вид повреждений часто помогает выяснить истинные причины болезни и мотивы преступника.

— Может, лучше обсудить дела за чашечкой кофе, госпожа Вандерверф? — предложил Кайе. — Что вы думаете по этому поводу? Я смог бы рассказать вам о своей работе, а вы мне — о своей. Здесь поблизости есть уютное кафе, куда я часто заглядываю. Мне бы это доставило особое удовольствие.

— А я прощаюсь с вами, — сказал Антонио де Небриха. — Работа зовет.

Повернувшись к Кайе, он вскинул брови и незаметно покачал головой. Кайе не совсем понял, что коллега имеет в виду, но решил быть осторожнее с высказываниями о картине.

II

На улице царила нещадная жара. Асфальт просто плавился, и даже тень платанов не давала облегчения. Кайе со спутницей побрели по бульвару Отшельников к площади Колумба. На скамьях в аллеях сидели изнуренные жарой люди, воздух над бело-зелеными кафельными ромбами павильона «Кафе де Эспехо» плыл от жары.

— В павильон или на террасу?

Тротуар был плотно заставлен столами и стульями, и, как только от ближайшего столика встала парочка молодых людей, Кайе устремился туда и занял место под бело-зеленым зонтиком. Они сели, и официант, рассчитав посетителей за соседним столиком, подошел к ним.

— Два кофе с молоком! И несколько бутербродов.

Они сидели рядом и смотрели на площадь Колумба, на которой возвышалась фигура великого мореплавателя.

— Вы хотели рассказать мне о своей работе, — продолжил Кайе прерванный разговор.

Сигналы машин, доносившиеся с дороги, и шум людских голосов вынудили Грит Вандерверф подойдуться к Кайе. Она взглянула на него и без промедления перешла к делу:

— Одна из моих задач состоит в том, чтобы выявить мотивы преступника и его вероятных пособников. Мы, то есть мой институт и полиция, полагаем, что он был одиночкой. Но нам нужны доказательства.

Кайе устроился на металлическом стуле поудобнее. Официант принес кофе с молоком и тарелку с бутербродами.

— А вы, господин Кайе? Я читала о настоящих чудесах вашего метода анализа картин. Вас называют волшебником в области искусства.

— Рефлексография с помощью инфракрасных лучей — не волшебство, — развеселившись, заметил Кайе. — Хотя в Европе лишь немногие владеют этой техникой. И только единицы способны расшифровать изображение. А так как я еще и реставратор, меня и вызвали сюда. «Сад наслаждений» — не обычная картина. К тому же

сейчас я свободен. Я имею в виду семью. Мне легче приехать в Мадрид на несколько месяцев.

Грит пододвинулась еще ближе. Казалось, шум вокруг нее исчез совсем.

— Ни жены, ни детей?

— Никого.

Грит Вандерверф перевела взгляд на площадь Колумба. В какой-то момент Кайе показалось, что она ушла в себя. Через секунду женщина очнулась, посмотрела на него и непринужденно спросила:

— А вы задавали себе вопрос, господин Кайе, почему люди портят картины? Что побуждает их приносить с собой в музей бутылку с кислотой, нож, стекло или другие предметы и уродовать произведения искусства?

— Я могу лишь предполагать. — Он пригубил кофе. — Потому что они чувствуют угрозу, исходящую от картины, или хотят сделать больно почитателям картины, или руководствуются чувством мести... Почему еще? Потому что хотят привлечь к себе внимание, то внимание, которого заслуживает картина, а не они. Потому что они психически больны и воспринимают картины как живые существа. Я что-нибудь забыл?

Слушая его рассуждения, тонущие в уличном шуме, Грит пила кофе.

— Вы правы, господин Кайе!

— Очень рад слышать это. Мои дилетантские знания по поводу психологических причин преступлений, связанных с порчей картин...

— Знаете, почти все преступники выполняют чей-то заказ. Иногда это требования высшей морали. Они разрушают что-то шокирующее. Или следуют зову некоего внутреннего голоса, который повелевает им уничтожить картину, зачастую беспочвенно. А иногда действуют по поручению реально существующей или вымышленной организации, преследующей вполне определенные цели: повышение стоимости других картин, уничтожение плохих копий или информации о художнике, его натурщике или других биографических данных. У нас был случай, когда заказчиком преступления стал директор музея, который хотел тем самым скрыть существование копии и к тому же получить солидную страховку. Лишь небольшой процент преступников психически больные.

Высокий голос Грит Вандерверф заглушал уличный гул. Она на мгновение замолчала, пропуская мимо группу мадридцев, с шумом пробиравшихся к столику.

— За большинством преступников действительно кто-то стоит. И моя задача заключается в том, чтобы оградить душевнобольных одиночек от подобных заказчиков.

Спинка стула врезалась Кайе в самый позвоночник. Он нервно заерзал. Грит Вандерверф продолжила:

— И последний вариант: заказчик хочет избавиться от картины, чтобы таким образом уничтожить информацию. Важную информацию.

Она говорила совершенно бесстрастно. У Кайе сложилось впечатление, что в мыслях она далеко отсюда.

— Уничтожить информацию? Что вы имеете в виду?

Он тотчас подумал об открытии Небрихи, о знаках, которые тот прочел, о фигуре и глазах, которые увидел сам.

— Послания, — пояснила Грит. — Картина может являться художественным изображением такого послания: например, речь идет о любовном торге. Намеки могут быть спрятаны в самой живописи, в рамке или в грунтовке. Фантазия здесь не знает границ.

— Но это же абсурд.

Кайе подался вперед, спина болела. Грит Вандерверф сделала глоток кофе и ответила:

— Такое случается чаще, чем вы предполагаете.

— Итак, вы считаете, что покушение на картину «Сад наслаждений» было спланированным, целенаправленным актом?

— Я ничего не утверждаю.

— Тогда получается, нападение было проведено не так уж дилетантски. Я попросил бы вас...

Раздумывая над услышанным, Кайе покачивал головой.

— О чем?

Кайе стал рассказывать о своей работе. Он сообщил, что кислота повредила картину только в некоторых местах.

— Если бы парню удалось плеснуть кислоту выше, жидкость растеклась бы по всему холсту и в большей степени разрушила красочный слой. А так пострадал только пруд с фигурой читающего. К тому же кислота была разведенной. Она даже не разъела лак, а лишь оставила на картине несколько белесых пятен. И на них...

По глазам Грит Кайе понял, что зашел слишком далеко.

— Получается, вы действительно что-то нашли на картине. Вы еще в музее на это намекали. А вам не приходит в голову, что жидкость должна была не уничтожить картину, а обнажить информацию?

Кайе удивленно приподнял брови.

— Я поведаю вам еще кое-что. Вы знаете, что преступник был священником? Членом конгрегации доминиканцев в Саламанке. И к тому же служил там библиотекарем.

Кайе поперхнулся последним глотком кофе и закашлялся.

— Неужели картина была для него чересчур аморальной? Слишком много обнаженных тел? Слишком много секса и порока?

— Надеюсь узнать об этом от вас. Но частично вы уже ответили на вопрос.

Кайе чувствовал, что Вандерверф медлит.

— Можно увидеть поврежденные места? Вы сделали снимки?

Кайе понял, что его загнали в угол. Он не хотел лгать, однако не желал говорить и всей правды. Перед глазами стоял Антонио де Небриха.

— Мы посмотрим картину. Непременно.

Грит Вандерверф улыбнулась и допила кофе. Кайе обратил внимание, как изящны ее руки, держащие фарфор. В глазах, устремленных на Кайе, появился мягкий блеск.

— Мне нужна ваша помощь, доктор Кайе, — тихо произнесла женщина и умоляюще посмотрела на реставратора. — Этот патер — он называет себя патером Берле — известен полиции как серийный преступник. «Сад наслаждений» — его четвертая картина за последние пять лет. Берле исключили из конгрегации, потому что он уничтожил произведения монастырской библиотеки, содержащие сведения о женщинах средневековья и раннего периода современной истории: доклады инквизиции, документы, письма и многое другое.

Кайе не прерывал Грит Вандерверф. Ее голос завораживал его.

— У меня возникла проблема. Патер Берле не разговаривает с женщинами.

Кайе улыбнулся:

— И что я могу для вас сделать? В полиции или в других учреждениях достаточно мужчин, чтобы допросить преступника.

— Конечно. Но никому не удалось что-либо выудить у него. Именно поэтому полиция и обратилась к нам. Старый сумасшедший чудака требует, чтобы пригласили знатока живописи, человека, хорошо разбирающегося в творчестве Босха.

Вандерверф наклонилась к столу, поигрывая чашкой. Ее лицо оказалось совсем близко к лицу Кайе.

— Специалистов в Мадриде очень много, и я сначала даже не подумала о вас. Но теперь знаю: вы тот, кто нужен. Вы пытаетесь свести его преступление к нулю. Это должно спровоцировать патера. Вероятно, вы обнаружили на картине что-то, способное возбудить его любопытство, и к тому же вы — мужчина. С вами он станет говорить. Не важно, накричит он на вас или же объяснит свои мотивы. Я полагаю, это интересно для всех нас, поскольку он уже намекнул нам, что во время своей работы в библиотеке монастыря в Саламанке наткнулся на рукопись, связанную с «Садом наслаждений».

Кайе отчетливо понял, что последнее заявление и есть наживка, на которую он должен клюнуть. И еще понял, что заглотил ее вместе с крючком.

— Хорошо, — услышал Кайе свой голос, — я помогу вам. Когда поговорить с этим патером?

— Если хотите — немедленно. На такси уйдет полчаса, на метро получится быстрее.

Вместо того чтобы ответить, Кайе кивнул официанту и расплатился.

— Да, еще одна деталь. Патер Берле утверждает, что именно я подтолкнула его к совершению этого преступления. Абсурд. Типичное проецирование себя на врача. И еще одна причина отказаться от разговора со мной.

Кайе прищурился — солнечные лучи слепили его.

— Абсурд, — повторил он.

Когда они шли в сторону площади Сибелес, Грит взяла Кайе под руку. Реставратор не возражал. Они миновали широкую пешеходную зону парка, остановились у фонтана перед площадью, послушали журчание воды и спустились в метро на станцию «Ретира».

III

Грит Вандерверф привела Кайе к старому монастырю на окраине города. Мощные стены здания казались нежилыми. Штукатурка повсюду обсыпалась, лопнувшими пузырями со стен свисала краска. Зарешеченные окна черными пятнами выделялись на фоне побелки. Старые стекла светились на солнце.

— Вы работаете в монастыре? — спросил Кайе.

— Не совсем так. Здесь, в покоях Третьего ордена³, есть несколько терапевтических комнат и помещения персонала для ухода за пациентами средней степени тяжести. Полиция отдала патера на наше попечение: находясь под присмотром, он не представляет опасности для окружающих. Патер Берле находится на полном обеспечении и в условиях, очень приближенных к домашним.

Они прошли под огромным порталом. Грит Вандерверф предъявила сестре на входе официального вида документ, заполнила формуляр, дала Кайе расписаться и повела его по бесконечным коридорам и переходам в глубь монастыря. На их пути встречались санитарки в белых одеждах Ордена, здоровались и проскальзывали мимо с тележками с едой и медикаментами, и так продолжалось, пока они не добрались до цели.

Им открыла монахиня Третьего ордена. Кайе увидел щуплого человека, встающего с кушетки. Он был явно удивлен поздним визитом. Черные одежды патера контрастировали с белыми стенами комнаты. Только лицо и руки слабо светились в тон побелке, и даже волосы блестели какой-то желтоватой сединой, будто отполированные.

— Патер Иоганнес Берле, — произнесла Грит. — Доктор Кайе, реставратор и доктор искусствоведения, специализируется в области голландской живописи.

Патер Берле кивнул и протянул Кайе руку. Она была холодной и сухой.

— Наконец-то мужчина!

Кайе натянуто улыбнулся.

— Присядем, — предложила Грит и взяла раскладной стул, стоявший у стены.

Комната была обставлена по-спартански просто. Рядом с кушеткой маленький письменный стол, на нем бумага и огрызки карандашей. Перед столом табуретка, белая, как и все в этой комнате, напоминавшей келью. Справа у окна на стене книжная полка с одной-единственной книгой — Библией. Рядом с дверью открытый шкаф, зияющий пустотой. И надо всем этим, на высоте добрых трех метров, матовая трубка светильника без плафона.

В комнате было душно, стоял резкий запах дезинфицирующих средств. Патер Берле сидел на краю кушетки, поджав под себя ноги, и ждал, когда с ним заговорят. Взгляд его покрасневших глаз блуждал по комнате.

— Как вы себя сегодня чувствуете? — спросила Грит, прервав молчание.

— Теперь хорошо, когда я, наконец, вижу в этих стенах мужчину. Решительно слишком много юбок. Слишком много.

— С вами плохо обращаются, патер Берле?

— Это как посмотреть. Даже мой врач — женщина! Вам нравится использовать мужчин, сеньора Вандерверф? Вот видите. Мой запрос о предоставлении врача-мужчины был отклонен!

Патер Берле шепелявил, будто его язык все время упирался в зубы. Кайе почувствовал, как у него по спине побежали мурашки.

— Что ему здесь нужно? — спросил патер, кивнув в сторону Кайе. — Он должен меня допросить?

Грит Вандерверф покачала головой. Она наклонилась к Берле и попыталась коснуться его руки. Однако патер оказался проворнее и успел отдернуть руку.

— Он реставрирует поврежденную вами картину! К тому же вы хотели получить собеседника-мужчину.

Услышав это, Берле вскочил с кушетки.

— Поврежденную... поврежденную мной? Вы не имеете об этом никакого представления. Я уже тысячу раз говорил вам.

Он опустил голову и снова сел. Потом обратил взор к Кайе:

— Она подействовала? Скажите, жидкость подействовала?

Кайе испугался. Глаза Берле сверкали. Такими в старых фильмах показывали ученых-фанатиков, перешедших границу безумия.

— Картина почти не пострадала, если вы это имеете в виду, патер. Жидкость разъела лишь поверхность лака, не более. Однако химикат

вызвал непонятную нам пока реакцию красок. Требуется время, чтобы разобраться во всем. Лак следует удалить и заменить, но картина и без того нуждалась в реставрации. В остальном полотно не повреждено. Я исследовал его с помощью своей методики, хотя вряд ли вы с ней знакомы.

Патер слушал Кайе с усмешкой, опустив голову. Затем резко повернулся к реставратору и с иронией в голосе осведомился:

— Вы полагаете, я не знаю, как разрушить картину? Вы так глупы или считаете таковым меня?

Кайе не обратил внимания на замечание. Но прежде чем ему удалось ответить, Берле продолжил нападение:

— Где вы работаете, господин Кайе? В старых мастерских музея неподалеку от парка Ретира?

Кайе с нескрываемым удивлением посмотрел на него. Зачем патеру такие подробности?

— Это сейчас так важно? — бросила Грит.

— Меня больше интересует, почему вы вообще это сделали, — сказал Кайе.

— Патер Берле, может, вы расскажете господину Кайе то, чего не хотели рассказывать мне?

Берле снова встал и подошел вплотную к Кайе. Его лицо было так близко, что реставратор отодвинулся в сторону. Неожиданно он почувствовал у своего уха горячее дыхание.

— Помогите мне, пожалуйста. Иначе меня убьют.

Внезапно Берле снова сел и пристально смотрел на Кайе, пока тот не опустил глаза. Затем он спросил:

— А почему я должен все рассказать ему?

— Ваше вмешательство явно положило начало цепи неких событий, патер Берле. Обнажило что-то скрытое, — осторожно заметила Грит Вандерверф.

Патер вскочил, его лицо исказилось.

— Что вы обнаружили? Рассказывайте же! — набросился он на реставратора.

У Кайе закружилась голова. Воспаленные глаза патера, угрожающе сверкавшие в тусклом свете кельи, завораживали. Он ничего не расскажет ни сумасшедшему патеру, ни этой женщине. Он

будет молчать о догадках Антонио де Небрихи. Слишком многие неожиданно заинтересовались картиной и ее тайнами.

Реставратор беспокойно теребил перочинный нож в кармане брюк, пока не заметил, что патер пристально наблюдает за ним.

В воцарившейся тишине слышалось дыхание трех человек. Сквозь решетку окна в комнату пробивались слабые солнечные лучи.

— Ну хорошо, храните свою тайну, сеньор Кайе. Пожалуй, мне следует начать первым и рассказать мою историю. Доверие за доверие. Хотя я не уверен, что в этих стенах... Ладно, оставим.

Берле посмотрел на Грит — та не шевелилась. Он говорил медленно и с сильным акцентом, так что Кайе было нелегко его понимать.

Реставратор наморщил лоб и задумался над тем, что хотел сказать ему священник. Возможно ли, что пастору что-то угрожает? Кайе плохо разбирался в методах испанской психиатрии и порядках в больницах при монастырях. Назойливый голос священника сбивал с мысли:

— ...отвечал за отдел рукописей в библиотеке Саламанки и интересовался прежде всего процессами инквизиции. Моя задача заключалась, так сказать, в том, чтобы перепроверить определенные приговоры с точки зрения теологии. Во время поисков документов я наткнулся на протоколы. Чрезвычайно поучительные. Речь шла о какой-то рукописи. Я искал ее долгие годы и, наконец, нашел в документах из Кельна. Они были в полном беспорядке, лежали в запыленных ящиках. И, к сожалению, многого не доставало. Рукописи датировались 1511 годом, были созданы в подземельях Святой Инквизиции в Брабанте, родине Босха, в Хертогенбосе. Автором являлся мужчина по имени Петрониус Орис — псевдоним художника, как было принято в те времена. Его настоящее имя осталось невыясненным. Орису велели изложить свою историю для Святой Инквизиции. Я прочитал ее...

IV

Вокруг Хертогенбоса было полно разбойников, головорезов и грабителей, подстерегавших благопристойных граждан в час, когда ясный день переходил в тусклые сумерки, предвестники приближающейся ночи. Когда Петрониус Орис увидел приближавшуюся повозку, он вышел вперед, желая показать вознице, что у него нет дурных намерений. Солнце только село, и в сумерках Петрониус разглядел, что возница натянул поводья.

— Вот это правильно! Выйти и показать, что вы не замышляете дурного, — услышал он голос мужчины. — А если так, то можете забираться в повозку.

При этом возница ударил хлыстом, так что волы подняли головы и сильнее уперлись в ярмо. Украдкой он наблюдал, не появится ли из-за кустов и деревьев прочий сброд. Извозчик почесал шершавый, небритый подбородок, но, кроме Петрониуса, чья одежда хоть и была в дорожной пыли, но выглядела прилично, не увидел никого. Он резко натянул вожжи, и волы тяжело притормозили.

— Вы направляетесь в Ден-Бос? Если хотите попасть в город до закрытия ворот, пошевеливайтесь.

Засмеявшись, Петрониус поднял с земли свой мешок и забросил на повозку, потом взобрался на козлы рядом с возницей. Подмастерье знал, что кучер изучает его с ног до головы, а он со своей спутанной черной бородой выглядит достаточно подозрительно. Взгляд возницы остановился на сапогах Петрониуса из тонкой телячьей кожи, что указывало на небедное происхождение попутчика.

— Надеюсь, эти сапоги не принадлежали несколько часов назад кому-то другому, — бросил он и сплюнул. — Впрочем, у вас открытый взгляд, и я хотел бы вам доверять. Ну, быстро назовите ваше имя. Честные христиане должны знать имена друг друга.

— Петрониус Орис. Художник из Аугсбурга. Направляюсь в Ден-Бос. Я надеюсь получить работу у мастера Иеронима. Вы знаете его?

— А, живописец. Я всегда хотел увидеть, как выглядят эти творцы!

Возница еще раз с любопытством оглядел Петрониуса ударил кнутом над головами волов и щелкнул языком.

— Не вижу никакого отличия от обычных людей, мастер Орис. Нос, рот и уши на месте, как у всех честных христиан. Остальное, надеюсь, тоже.

Он громко рассмеялся — смех эхом отозвался в сумерках тающего дня, — потянул носом и шумно сплюнул в кусты. Затем протянул художнику руку. Орис пожалел ее. Лицо возницы с лукавыми глазами не внушало опасения.

— Добро пожаловать ко мне и моим волам. Майнхард из Аахена, никакой латинской чепухи. Присоединяйтесь. До Ден-Боса можете составить мне компанию. А что касается вашего мастера Иеронима, то почему бы мне не знать его, если полмира только о нем и говорит.

— Правда? Вы можете отвести меня к нему?

— Если вы действительно этого хотите!

— С ним что-то не так?

Кучер снова подстегнул волов — дорога поднималась вверх, и с одной стороны появился обрыв. Взгляд Петрониуса скользил по простиравшейся перед ними долине, поросшей редкими деревьями и кустарником.

— Собор Ден-Боса скоро должен показаться над холмами. Но, ленивые животные! Вперед, неповоротливые обжоры! Зарабатывайте свой ужин. Но! А что касается художника, другая половина мира предпочла бы отправить его ко всем чертям, в ад.

Петрониус держался обеими руками за козлы, чтобы не упасть от тряски. Вот меж двух холмов на горизонте показалась церковь Святого Иоанна. Она была похожа на большой зуб, окутанный лесами. Строилась башня, и колонны главного нефа выступали вверх над высокими сводами. На фоне незаконченного храма Христова Орис увидел три столба дыма, поднимавшихся в небо рядом с остовом башни.

— Почему же прямо в ад? Он что, плохо рисует?

— Нет! — прогремел возница. — Я так не думаю, хотя и не видел ни одной его картины. Но то, что он рисует, мешает людям. Некоторым людям. Посмотрите туда. Собаки снова сорвались с цепи. — Он показал на столбы дыма, поднимавшиеся выше и выше и исчезающие в голубых сумерках.

— Что это? И что вы имеете в виду, говоря о сорвавшихся с цепи собаках?

— Не спешите, художник. Скоро вы оцените гостеприимство Ден-Боса. И будьте рады, если не почувствуете его на своей шкуре.

Скрип открывающейся двери прервал рассказ патера. Неожиданно все снова стало белым: стены, мебель, лицо священника Берле, ехидное и одновременно застывшее. Дверь закрылась.

Сестра, которая провожала их сюда, принесла на эмалированном подносе с отбитыми краями три чашечки кофе, который, как показалось Кайе, также пах дезинфицирующими средствами. Реставратор медленно вернулся к реальности и понял, что рассказ патера Берле захватил его.

— Что это за история? Или вы собираетесь рассказывать нам сказки?

Патер Берле стал мрачнее тучи.

— Вы уверены, что хотите ее узнать?

— Не смею ставить под сомнение вашу репутацию, патер Берле, но что конкретно вы намерены рассказать нам? И как все это связано с картиной?

Патер закрыл глаза и прислонился к стене, так что бледный цвет его лица слился с цветом побелки. Сестра поставила поднос и одноразовые чашки на край узкого стола. Когда она торопливо проходила мимо Кайе, от ее стерильной чистоты у него защекотало в носу. Он дважды сильно чихнул.

— Беда нашего времени в том, что люди потеряли терпение, — проговорил патер Берле.

Он произнес это таким тоном, что сестра даже забыла сказать «будьте здоровы», лишь молча постучала, чтобы ей отворили дверь, и вышла.

— Разве вас не интересует, почему я пытался уничтожить картину, сеньор Кайе? Я могу кое-что вам сообщить, и это имеет самое непосредственное отношение к моей истории. Но вы тоже увязнете во всем этом, дорогой мой искусствовед, если не будете осторожны.

Патер Берле выпрямился, наклонился вперед и ухмыльнулся, глядя реставратору в лицо.

— А если хотите знать почему, если вы действительно хотите знать... — последние слова он выкрикнул с такой силой, что они

отозвались эхом, — тогда закройте рот и слушайте!

Кайе удивленно вскинул брови. Патер угрожает ему? Или хочет напугать? Смягчив тон, как, будто всплеска эмоций и не было, Берле прошептал:

— Здесь все связано между собой, как колесики в часовом механизме. Итак, терпение.

Он сделал паузу и посмотрел на Кайе водянистыми серыми глазами. Грит Вандерверф, хранившая до сих пор полное молчание, успокаивающе похлопала его по колену.

— Рассказывайте дальше, патер Берле, пожалуйста, — мягко попросила она священника, избегавшего ее взволнованного взгляда.

— Ради вас, мадам, — язвительно заявил священник и театрально взмахнул рукой, — ради вас я не произнесу ни единого слова. — Обращаясь к Кайе, он продолжил: — Вы должны будете кое-что сделать для меня, когда я закончу свою историю. Если я не повинуюсь, мне потом придется раскаиваться. Меня лишают пищи, не дают спать. Эта лампа там, вверху, всего лишь шестьдесят ватт, но она горит день и ночь...

— Патер! — попыталась прервать его жалобы Грит.

— ...кроме того, она виновата в том, что я выплеснул на картину кислоту. Она хотела этого! Она! Она! Она!

Последние слова патер выкрикивал снова и снова, пока в изнеможении не опустился в своем уголке на пол. Кайе посмотрел на Грит. Та молча пожала плечами.

— Я обещаю вам: вы узнаете все, что нам известно, патер Берле, — смущенно пробормотал реставратор.

Рука Кайе потянулась к перочинному ножу, будто он мог гарантировать безопасность. Патер опять оживился:

— Вы обещаете?

Кайе кивнул ему и протянул руку, которую священник, казалось, не заметил. Он собрался с духом, глядя на Кайе, потом безучастным тоном продолжил рассказ:

— Поэтому я попросил о том, чтобы меня выслушал мужчина, специалист, который понимает, о чем идет речь.

Он снова замолчал на минуту, чтобы продолжить рассказ монотонным голосом, каким начал свое повествование. И говорил патер как умелый рассказчик.

— Что вам известно о Босхе, Иерониме Босхе, настоящее имя которого Ван Акен, так как его семья была родом из Аахена и получила имя по названию местечка Босх, где они жили? Что? Ничего! Или почти ничего. Благопристойный горожанин из Хертогенбоса, уважаемый член братства Богоматери церкви Святого Иоанна, как и десятки, сотни других в те времена. Больше мы ничего не знаем. Еще несколько деталей из его жизни: женитьба, приобретение земельных участков, пиршества, дата смерти. Таинственная личность, которой удалось, несмотря на огромную известность, оставаться в тени истории. Кое-что я могу прояснить для вас. Босх был очень популярным учителем, к нему съезжались одаренные ученики из всех стран, для того чтобы получить образование в его школе живописи. Они прибывали из Аугсбурга и Венеции, Бреслау и Нюрнберга, Парижа и Мадрида. Художники самые разные. Лучшие подмастерья со всей Европы.

VI

Повозка подъезжала к городу, темные стены которого с каждым оборотом колеса становились все выше и выше.

После сказанного возницей Петрониус насторожился и зорко вглядывался в сумерки, чтобы не пропустить ни малейшего намека, который может дать ответ на его вопрос.

В глаза бросалась ухоженность деревьев: никаких сучков и свисающих ветвей, ни одной шишки, или желудя, или колючих сучьев орешника. Настоящего леса он не встречал уже давно, с самого Айфеля; впрочем, на Рейне было немного леса, но с тех пор как Петрониус шел пешком от Ниимегена против течения реки, ему лишь изредка встречались деревья. От стука деревянных колес юноша задремал. Куда лучше проехаться на повозке, чем идти в сумерках пешком.

Они медленно приближались к столбам дыма, пока в нос Петрониусу не ударил запах жареного мяса.

— Костер инквизиции!

— Вы не ошиблись. Псы Господни больше всего любят жареное!

Возница наклонился к Петрониусу и прошептал ему на ухо, прикрывая рот рукой:

— Будет лучше, если вы не станете выражать свое мнение о доминиканцах вслух. Кто слишком громко говорит, не живет в этом городе долго. В воздухе в последнее время часто пахнет паленым. Городские власти и инквизиция ссорятся. Доминиканцы хотят взять городскую управу за горло.

Когда повозка, запряженная волами, проезжала мимо костра, рухнул один из длинных шестов, на нем были подвешены жертвы, чтобы сразу не задохнулись от едкого дыма, а успели почувствовать адское пламя. Тело упало, ударилось о кострище из соломы и дров и вспыхнуло с новой силой, будто огонь хотел последовать за душой на небеса.

— Еще немного, и мы проедем через городские ворота. Теперь о деле. Я провезу вас в город — вы мой помощник, не местный. Не возражайте, иначе вам придется ночевать за воротами, а в худшем

случае вы окажетесь за решеткой в подземелье доминиканцев. Не произносите ни слова. Делайте то, что буду говорить я.

Петрониус кивнул. Он решил молчать, пока не окажется за воротами города. Он слишком хорошо знал тревоги горожан, которые боятся всех чужестранцев, так как думают, что те приносят с собой эпидемии или приходят кланчить милостыню. Перед воротами города движение стало оживленнее. Повозки с мрачными кучерами на облучке, с двух сторон стекавшиеся в город, собрались у подъемного моста.

— Все это бедняки, — произнес возница, указывая на вереницу повозок. — С тех пор как доминиканцы пытаются утвердиться в городе, торговля идет на убыль. Тюки с товаром прибывают из Эйндохвена, Кельна, Утрехта. Одни прибыли из Англии, другие из Риги, а третьи из Венеции. Большая часть товаров даже не выгружается из повозок. Перевозчики боятся, что доминиканцы объявят тот или иной товар дьявольским и конфискуют его.

Когда приблизились к городским воротам, Петрониус вздрогнул — перед воротами на длинных шестах торчали отрубленные головы; на многих уже обнажились черепные кости.

— Жуткий обычай, от которого святоши никогда не откажутся. Считают это весьма поучительным. Вот мы и прибыли.

Повозка застучала по деревянным доскам моста, пролежавшего через узкий канал. Из тени дозорной будки появился стражник, подошел к ним и, криво ухмыльнувшись, поприветствовал:

— Ну, Майнхард, вернулся? Тяжелая была поездка? — Он похлопал волов по крупам и косо посмотрел на возницу. — С каких это пор ты стал брать пассажиров?

— Он не пассажир, а мой помощник. Старею потихоньку, а четыре руки могут сделать больше, чем две.

— Это верно. Но в следующий раз приезжай раньше. Ворота были бы уже заперты, если бы я тебя не разглядел.

Майнхард поторопил волов. Слова стражника он оставил без ответа, так как позади в очереди на въезд стояли еще четыре повозки. Они проехали ворота и покатали по извилистым улочкам города.

Их провожали жаждущие взгляды нищих, искавших свое счастье у ворот и грозивших кулаками возницам, которые не подали им ни одной монетки. Торговцы из-под навесов с подозрением смотрели на

проезжающие мимо повозки. Но Майнхард, казалось, не замечал злых взглядов и сжатых кулаков.

— Гостеприимный народец! При виде каждой въезжающей в город повозки они прикидывают, не упадут ли цены. Недалеко от рынка я разгрузу товар и отведу волов на отдых в южную часть города. А ты можешь идти на все четыре стороны, только не подведи меня. Тот прохвост у ворот точно знает, кого я привез в город и кого увезу. И если ты окажешься в тюрьме, я вскоре попаду туда же. Понятно? А теперь проваливай. Мастерская твоего художника расположена рядом с рынком, со стороны собора. Не ошибешься. А мне нужно позаботиться о волах.

Петрониус почти не слушал, он украдкой наблюдал за нищим, который не сводил глаз с повозки и корчил рожи. В руке у него была палка с необычным набалдашником. Заметив, что на него смотрят, нищий погрозил кулаком и исчез в переулке.

В этот момент к повозке подошел изможденный монах в черно-белом одеянии доминиканца, протянул руку и выкрикнул:

— Ради Бога, подайте страждущему милостыню!

Майнхард пробормотал что-то невнятное, шумно вздохнул и плюнул монаху в руку.

— Мой огромный привет приору. Он не оплатил ковры из последнего привоза. Когда деньги поступят, тогда и поговорим. Прошу простить, что осквернил плевком вашу руку. Я приду исповедоваться. Завтра же. Простите, патер.

Петрониус усмехнулся:

— Какой вы бессердечный, Майнхард.

— Не думайте так. Просто эти святоши вызывают у меня ненависть. Если бы у меня не было сердца, я бы не злился. Я чертовски устал от жизни.

— От монахов?

— Нет, — прошептал Майнхард и кивнул в сторону переулка: — От него. Вот он — кровавый дьявол. Палач. Остерегайтесь его.

Петрониус посмотрел в указанном направлении. Сухой, почти невидимый мужчина переходил дорогу и, прежде чем свернуть с главной улицы, бросил на них короткий взгляд. Затем пожал плечами и скрылся в суматохе рыночной площади.

Интересно, видел ли он сцену с монахом?

— Патер Иоганнес Берле, инквизитор. Ходячая смерть!

VII

— Что вам здесь нужно, чужестранец? — прямо за спиной Петрониуса раздался скрипучий голос.

Он обернулся. Перед ним стоял тот самый нищий, который недавно грозно тряс кулаком. Он держал наготове палку со странным набалдашником, готовясь отразить возможный удар. Кожаная шапка едва прикрывала маленькую сморщенную голову, с которой свисали серые струпья, похожие на снег. Мешковатая одежда окутывала худое и немного сгорбленное тело, а ноги были обмотаны рваным тряпьем, сквозь которое проглядывали красно-синие пятна на распухшей коже. Взгляд глубоко посаженных глаз буквально прожигал насквозь.

— Нам не нравится, когда пришлый сброд пытается искать счастье в нашем городе! Мы не рады вам! Ясно?

Говоря это, мужчина так близко подошел к Петрониусу, что художник почувствовал зловоние гнилых зубов.

— В городе хватает нищих, которые не могут выпросить денег даже на смерть. Чтобы мы лучше поняли друг друга, скажу, что просить милостыню здесь нельзя, даже если в город тебя привел Майнхард из Аахена. Здесь не хватает своим нищим, а делиться мы не собираемся.

Петрониус только что попрощался с возницей, пожав ему руку, взял свой узелок и спрыгнул на землю. Несмотря на поздний час, жизнь в переулках кипела: купцы, торговцы, нищие, возницы, приличные дамы и проститутки, девушки, кружащие головы вьющимся вокруг ветреным парням. Петрониус сразу же почувствовал себя легко в этой праздничной атмосфере великолепия и богатства, наполненной ощущением полной свободы. Повсюду чувствовалась открытость брабантской души: в улыбках на губах гуляющих женщин и в прямых, открытых взглядах мужчин. Проходя по площадям города, Петрониус не раз легко вздохнул полной грудью. Казалось, воздух был напоен ароматом райской свободы.

Он с трудом пробрался к собору, который величественно возвышался над городом. Главного нефа и крыши еще не было. Колонны торчали на фоне неба словно редкие зубы.

— Я... — хотел было возразить Петрониус нищему, но вовремя заметил еще семерых таких же оборванцев, окружавших его.

— Исчезни, путник, — прошипел недоброжелатель, — прежде чем мы покажем тебе, чей это город.

Петрониус ощутил запах ладана. Из-за угла вышла колонна доминиканцев, которая с помощью колоколов и пения прокладывала себе дорогу сквозь толпу. За ними следовала повозка.

Неожиданно Петрониус почувствовал, как изменилась атмосфера — она стала угнетающей. Улыбки горожан исчезли, люди отворачивались, переходили на другую сторону улицы, опускали глаза.

Окружившие Петрониуса разделились на две части. Они прижались к самой стене дома. Один из оборванцев оказался совсем близко к художнику. Воцарилась тишина, и лишь стук колес по мостовой и звон цепей на ладанках ритмично звучали в застывшем воздухе.

— Простите, вы ошибаетесь на мой счет, — прошептал Петрониус, но, взглянув на повозку, замолчал.

На досках стояла молодая женщина со связанными руками. Ее волосы были всклокочены, из одежды на несчастной была лишь разорванная нижняя рубашка, которая уже ничего не могла скрыть. Вся кожа в ранах и ожогах, успевших почернеть и нагноиться. Под глазами кровавые синяки, руки и ноги в сине-зеленых кровоподтеках, а неестественно растопыренные пальцы свидетельствовали о страшных пытках. Лишь лицо женщины излучало пугающее спокойствие и уверенность.

— Уже пятая за сегодня. Они ненасытны. Дочь местного банщика. Якобы она принадлежала к братству адамитов и занималась с ними дьявольским развратом. Только все это чушь, — облокотившись на посох, говорил нищий.

— Кто такие адамиты? — пробормотал Петрониус, не отрывая глаз от женщины.

Нищий беззвучно рассмеялся:

— Лжецы от имени Иисуса, скажу я тебе, или же святые. Или еретики. Кто знает точно? В любом случае католики боятся их как чумы, даже сильнее. И потому истребляют. Кроме того, это так просто — причислить тебя к адамитам, и тогда твое место на костре. Кто сможет доказать обратное?

Нищий медленно поднял голову и плюнул одному из проходящих мимо монахов под ноги.

— Адамиты устраивают оргии и при этом читают проповеди. Разве не богохульство? Жаль, меня туда ни разу не пригласили.

Петрониус перевел взгляд на нищего. К запаху ладана и паленого мяса прибавилась вонь грязного человеческого тела, проводящего ночи в хлеву.

— Послушайте! Я приехал в город не для того, чтобы просить милостыню. Я ищу мастерскую и жилище художника, мастера Иеронима Босха.

— Как вы можете думать о своей шкуре при виде лица; этой женщины, душу которой надо спасти?

— Мы ничем не в силах помочь телу и душе этой девы. А моя шкура мне дороже.

Вся улица провожала безмолвным взглядом повозку и исчезавших в дымке ладана монахов, направлявшихся в сторону городских ворот. Пение и шум затихали.

— Повторяю еще раз, — настойчиво произнес Петрониус, удерживая нищего за руку. — Я — благочестивый художник, ищу работу и ничем не помешаю вам. Буду вам очень благодарен, если покажете, где я смогу переночевать.

Нищий поднял вверх указательный палец, и выражение лиц окружавших художника оборванцев смягчилось.

— Это меняет дело. Простите меня.

— Да что уж, — ответил Петрониус. — Вы имеете право предостеречь незнакомца, вошедшего в город.

— У вас добрые намерения, незнакомец. Если пойдете назад к городским воротам, то попадете в гостиницу «У орла». Скажите, что вас прислал Длинный Цуидер. Будьте осторожны впредь.

С этими словами нищий растворился в толпе, будто провалился сквозь землю. Петрониус остался один. Посмотрев вперед, он заметил одеяние убежавшего в просвет между домами доминиканца.

VIII

Зажгли первые фонари. Петрониус поплелся к рыночной площади, расположенной в центре города и имевшей форму треугольника. Он с любопытством бросил взгляд на ратушу, убранство которой свидетельствовало о силе и богатстве города, прошел мимо купеческих лавок, где еще продолжалась торговля. Пахло рыбой и хлебом, овощами, сыром и свежими фруктами. Художник окунулся в этот мир благовоний и суеты и медленно брел по улице, ища гостиницу, о которой говорил нищий. По переулку разносились звуки арфы, смешивающиеся с хлюпаньем сапог по болотистой почве. И вот перед художником возник дом с черными балками и черной дверью, построенный в стиле фахверк. Окна были закрыты ставнями. Когда Петрониус открыл дверь, навстречу ему вышел великан, вынужденный пригнуться, чтобы не задеть дверной косяк.

— Мы закрылись!

Петрониус удивленно приподнял брови.

— А музыка за дверью — это перешептывание духов?

Лицо великана помрачнело.

— Я не слышу музыки.

— Тогда звенит у меня в ушах, — неловко рассмеялся Петрониус.

Он не был готов к такому приему. Разве нищий не сказал ему, что гостиница открыта? Или он просто хотел подшутить?

— Мне сказали, я могу найти здесь приют на одну ночь.

— Из этого дома выходят только пьяными или мертвыми.

Петрониус хотел тотчас повернуться и уйти, однако сильная рука схватила его за плечо.

— Разве я не сказал? Пьяными или мертвыми!

Одним махом великан повернул Петрониуса к себе. Художник собрался с духом и произнес:

— Я не подумал, что это относится ко мне. Кроме того, меня прислал сюда Длинный Цуидер!

Лицо великана посветлело.

— Другое дело! Для друзей наши двери открыты, — громко произнес он и пропустил Петрониуса вперед.

Переступив порог пивной, художник был приятно удивлен. В нос ударил резкий запах пивных дрожжей, затхлости и мужского пота. На тяжелых деревянных скамьях вокруг засаленных столов сидели несколько дюжин мужчин и горстка женщин. Некоторые играли в кости. Кружки стояли в светлых лужах пива, рядом в коробах лежал хлеб. Посреди комнаты сидел арфист, за которым не отрываясь следили большинство присутствующих. Тонкие пальцы музыканта легко скользили по струнам, почти не касаясь их, но инструмент издавал чудные звуки. Хриплым голосом арфист читал стихи, подбирая к ним звучные аккорды. И каждая строфа принималась с громким ликованием.

Никто не может мудрым быть,
Когда решает много пить,
Чтоб радость и восторг постичь.
Напившись, добрый человек
Не знает меры и различья,
Теряет всякое приличие.

Петрониус улыбнулся. Атмосфера пивной возбуждала. Здесь царили необузданное веселье, шутки и песни. И хорошо пилось. Он поискал свободное место и вскоре оказался за столом, где уже сидели нищий и два его друга, весело аплодировавшие певцу. Петрониус смотрел на краснолицего мужчину, который пел о глупости и бренности человеческих забот.

Кто слишком много каждый день забот имеет,
Тот все худеет и бледнеет.
Глупец один в заботах хочет жить,
Но ничего не в силах в этой жизни изменить.

Крики, визг и стук кружек по столам не смолкали. Петрониусу показалось, что он не до конца понял смысл песни.

Из-за стола поднялся карлик, одетый в огромный кафтан, свисавший до пола. Его тотчас подхватил сосед, поднял над столом и заорал раскатисто:

— Давайте заботиться о самых важных в этой жизни вещах, а работать предоставим тем, кто считает, что без работы никак!

Публика бесновалась и молотила кружками по столам.

— Я рад, что вы пришли сюда. Вы находитесь в самом лучшем обществе. — Нищий указал на собравшихся вокруг. — Мы называем это место нашим раем. Здесь перед лицом Бога свершается истинное чудо: вот зрячие слепцы, скачущие парализованные, безногие калеки на двух ногах, безрукие, нашедшие обе руки, — одним словом, скопище святых и блаженных, истории которых церковь не сможет записать и за сто лет!

Нищий позвал девушку, которая принесла кружку пива и поставила ее на стол перед Петрониусом.

— На здоровье! — поприветствовала она новичка и протянула руку. — Здесь платят сразу, таков обычай!

Петрониус достал из-за пояса несколько монет и положил на стол. Он с интересом рассматривал руку девушки, потом взгляд его поднялся выше, к затянутой в корсет груди, и наконец добрался до лица. Почти черные волосы обрамляли мягкое, смуглое лицо, на котором сияли голубые глаза. Тонкое обоняние художника подсказало ему, что девушка старалась защитить себя от слишком любопытных туалетной водой, запах которой был несколько отталкивающим, но не оскорбительным. Она спокойно дала художнику осмотреть себя.

— Глаза не сломай, — произнесла она, кокетливо подбоченившись.

Петрониус улыбнулся, сделал глубокий вдох, будто принюхивался, и сказал:

— Лаванда... этот запах подошел бы тебе, если бы не...

Теперь настала ее очередь удивляться, и она с нескрываемым любопытством посмотрела на незнакомца:

— Если бы не что?

— Если бы к нему не примешивался другой запах «не тронь меня», броня против мужчин, щит от мужских взглядов и мозолистых рук. Горький как лук!

— Все-то ты знаешь! — язвительно бросила девушка, уходя. Однако Петрониус уловил в ее голосе дрожь. Сосед наклонился к художнику:

— Никому не удастся приклеиться к Зите. Она набожнее самого папы римского. И остается в этом скопище греха такой же чистой, как Дева Мария до встречи с Иосифом.

Шутку за столом восприняли громким смехом. Все пожелали новичку здоровья, подняли кружки и большими, жадными глотками осушили их.

Петрониус уже несколько раз слышал громкий стук, однако не придал ему значения. Но когда неожиданно кругом все стихло, он обернулся к входной двери и замер от испуга. В дверном проеме стоял патер Берле, одетый как все доминиканцы. Ничто не указывало на то, что перед ними самый влиятельный священник города.

— Сильно! — прошептал нищий. — Никто из них еще не отваживался на такое!

Доминиканец медленно пробирался сквозь толпу, заглядывая каждому в лицо, будто искал кого-то, и остановился наконец у стола, за которым сидел Петрониус.

— Не найдется ли, уважаемые господа, места за вашим столом? — преувеличенно вежливо осведомился он.

Нищий и Петрониус подвинулись.

— Кружку воды! — крикнул патер в тишину и получил в ответ, что здесь не подают воду. — Ну хорошо, тогда вина.

— Красного или белого?

— Красного, мое дитя. Но полкружки. Вино запутывает чувства.

Доминиканец запустил руку в складки сутаны, достал монету и положил на стол. Затем обратился к сидящим вокруг:

— Что это вы будто окаменели? Я умею ценить настоящее веселье. Веселье — Божий дар.

Как по приказу все снова заговорили, но приглушенно и настороженно.

Патер обратился к Петрониусу:

— А вы так не считаете? Хорошая шутка не нарушает принципов настоящей веры. Напротив, смех освобождает чувства, прогоняет темные мысли и дает возможность предвкусить радость рая. И к тому же воодушевляет слабых людей. У вас же есть подобный опыт, чужестранец?

Петрониуса бросило в жар. Итак, патер все же заметил плевков нищего. Он закашлялся и не нашел что ответить.

— Вам необязательно что-либо говорить. Я могу лишь посоветовать каждое воскресенье присутствовать на публичном очищении души, что даст вам правильное понимание того, как подобает вести себя по отношению к представителям церкви. Это полезное действие, которое углубляет веру и рисует картину ада такой, что ее трудно забыть. Ну? Вы снова промолчите? Что ж, хорошо. Тогда по крайней мере выпейте за мое здоровье, чужестранец.

С этими словами он пододвинул свою кружку Петрониусу и встал. По пути к выходу священник остановился, повернулся к присутствующим и благословил их:

— *In nomine patris et filii et spiritus sancti*⁴. Не забывайте. Да будет так. И подумайте над тем, что я сказал. Своевременное раскаяние сокращает время пребывания в Чистилище в этой и той жизни.

Произнеся эти слова, доминиканец исчез. Но прежде чем за ним затворилась дверь и возобновился шум голосов, четко и ясно прозвучало предостережение:

— Держитесь подальше от мастера Иеронима!

IX

Лучи солнца, запах лаванды, варившейся пшенной каши и чисто вымытой посуды, монотонные удары каменотесов, доносившиеся из церкви Святого Иоанна, хлопанье тентов на рыночной площади, скрип колес по мостовой — все это означало, что Хертогенбос просыпался. Подавали голос осипшие петухи, лаяли собаки, доносилась утренняя брань хозяев на подмастерьев.

Петрониус стоял перед домом великого художника, мастера Иеронима Босха, и медлил. Потом все-таки поднялся на две ступеньки и постучал в темную дубовую дверь. Опустив голову, прислушался к звукам за дверью. Там было тихо. Петрониус шагнул назад на улицу, подождал еще немного, наблюдая за рыночной суматохой. Повозки уже спешили от городских ворот к центру, в кузнице надували мехи, площадь наполнялась запахом угля. Первые выкрики торговцев, зазывающих покупателей, становились все громче. От порта по улицам распространялся запах свежей рыбы и соленой воды. Мимо сновали работники с корзинами.

После короткой и беспокойной ночи, проведенной на чердаке, Длинный Цуидер в серых утренних сумерках привел Петрониуса к мастерской художника. Петрониус долго ходил туда-сюда, ловко уворачиваясь от содержимого ночных горшков, выплескиваемого с верхних этажей, ждал, прислонившись к стене дома, наблюдая за палатками на рыночной площади. Ноги художника едва не вросли в землю, пока он, наконец, не убедился, что жильцы дома проснулись.

Первый этаж был на две ступеньки выше мостовой. Петрониус еще раз поднялся по лестнице и сильно постучал в дверь. Теперь за ней ощущалось оживление.

Приглушенные шаги, шорох, шепот, скрип открывающегося запора. Петрониус едва не вскрикнул, увидев в дверной щели бесформенную голову с зелеными волосами и красными глазами на страшной роже. Прозвучал пронзительный голос:

— Что вам угодно, чужестранец?

Петрониус не сразу пришел в себя и вежливо произнес:

— Могу я узнать, кто прячется за этой ужасной маской, или я должен сам разгадать тайну? Прежде чем меня разорвут на части, прожуют и съедят, я хотел бы попасть к величайшему и учнейшему из живущих художников Брабанта, благочестивейшему доктору живописи Иерониму, сыну Антониса ван Акена, названному Босхом.

При этом Петрониус так низко поклонился, что голова его едва не коснулась верхней ступеньки.

— Ну, тогда мы приоткроем завесу над нашей тайной. — Человек снял маску, и открылось красное лицо от души смеющегося человека.

— Добро пожаловать. Мы готовимся к мистическому представлению для братства любимых женщин. Это моя маска. Чудесная, не правда ли? Меня зовут Питер. Я подмастерье и одновременно художник в школе Иеронима ван Акена. Рад приветствовать вас и готов заверить, что ваше дерзкое желание попасть на стол к самому великому человеку всех времен неосуществимо. Но смело заходите. Сегодня он уже позавтракал одним из своих учеников, и его жажда отведать человечины удовлетворена.

Дом был просторнее, чем казалось снаружи. Из мастерской справа доносились смех и шутки по меньшей мере троих мужчин. Петрониус предположил, что там находятся подмастерья. Крутая лестница слева вела на второй этаж, и оттуда раздался громкий крик:

— Быстро сюда с ним! Он уже несколько часов простоял под дверью.

Питер указал на лестницу.

— Не волнуйся, брат. Каждый из нас так начинал.

Петрониус кивнул и полез вверх по узкой крутой лестнице. Сверху распространялся аромат масла, спирта и воска, смешанный с запахами металла, пыли и мела. Только сейчас Петрониус понял, почему лестница была такой крутой: она вела не на второй этаж, а прямо на крышу. Чем выше поднимался Петрониус, тем светлее становилось вокруг. Крыша была полностью открыта солнечному свету. Петрониус прищурился от ярких лучей.

— Коротко и ясно! Я не беру учеников.

Петрониус обернулся. За его спиной стоял мужчина. Небольшая голова с покатым лбом и тонкими губами сразу привлекала внимание. Глаза светились мягким светом, редкие волосы уже подернула седина.

Борода торчала во все стороны, будто мужчина неделю не был у цирюльника. Весь облик мастера был каким-то изящно-нежным, особенно руки с необычайно длинными пальцами. Одетый в грубую серую льняную рубаху и штаны из той же ткани, на крыше под открытым небом стоял не кто иной, как сам Иероним Босх. В левой руке он держал палитру и мольберт, в правой — кисть. Полотно, над которым работал художник, было аккуратно закрыто тканью.

— Продовольствие и деньги на дорожные расходы, как предписывают правила цеха, вы получите. Но работы у меня нет. На средства гильдии я могу приютить вас на три дня, братство дает еще три. Через неделю вы должны покинуть город. Чувствуйте себя как дома и не мешайте мне в работе. Питер проводит вас на кухню.

— У меня есть рекомендации, — быстро сказал Петрониус и полез под полы куртки, где во внутреннем кармане лежали два письма.

— Спрячьте, я же говорил: заказов стало мало и работы в последнее время нет.

Петрониус опустил голову. Он не так себе все представлял. Это был полный крах.

На крыше появился Питер, вслед за ним еще один художник.

— Два письма, одно от Дюрера из Нюрнберга... — пробормотал Петрониус.

— Оставьте это, я уже сказал.

— ...другое от Йорга Бройе. Он...

Босх насторожился и неожиданно резко повернулся к художнику:

— От Бройе, говорите? Йорга Бройе? Давайте же его сюда.

Босх нетерпеливо кивнул, и Петрониус торопливо достал из кармана нужное письмо и с поклоном протянул его мастеру. Тот разорвал конверт и начал читать послание. Время от времени он кивал, бросал взгляды на Петрониуса и читал дальше.

— Он рекомендует вас как портретиста... интересно. В вашем возрасте. Смело, но у Йорга наметанный глаз.

Босх несколько раз облизнул губы и, продолжая читать, бросал внимательные взгляды на новичка.

— Мы с Йоргом хорошо понимаем друг друга. Я окажу ему любезность. Возьму вас на полгода, но только потому, что Йорг тоже берет моих учеников, даже в самое трудное время.

Босх вернул Петрониусу письмо, отвернулся и стал смешивать на палитре краски. Не обращая никакого внимания на прибывшего, он громким, пронзительным голосом провозгласил условия:

— Покажите ему переднюю комнату, для начала этого будет достаточно. Полтора гульдена в месяц, бесплатная еда и жилье, за это работа по заказам или помощь мастеру. Воскресенье — выходной. Раз в месяц можно выпить, но не чаще. В мастерскую приходите с восходом солнца. После обеда и в сумерках смешиваем краски и толчем пигмент. И никаких ссор с другими подмастерьями. Для начала хватит.

Петрониус кивнул и последовал вниз за другими подмастерьями. Только сейчас он заметил отверстие на уровне пола, откуда хорошо просматривалась улица. *Insignis pictor*⁵, похоже, человек подозрительный. Прежде чем голова Петрониуса исчезла за порогом, мастер снова повернулся к нему. С лица его исчезло спокойное, задумчивое выражение, и оно стало похоже на маску, что была на открывшем дверь человеке.

— И никаких контактов с доминиканцами! Кто скажет им лишнее слово, может сразу же идти зарабатывать хлеб в церковь! Это закон!

Кто-то бесшумно спускался по лестнице, будто хотел скрыть, что находился вверху, в мастерской. Шаги были странные — неизвестный или хромал, или сильнее наступал на одну ногу. Петрониус прислушивался к ритму шагов, пока они не затихли. Мимо его комнаты прошмыгнули, и через некоторое время почти беззвучно щелкнул дверной замок. Петрониус улыбнулся. Если его не подвела интуиция, шаги принадлежали женщине.

Его комната оказалась чуланом под лестницей, таким маленьким, что там едва помещался мольберт. На обшивке лестницы он нашел крючок для одежды и других вещей, а на уровне колен — полку для бумаги. Небольшое окно над кроватью выходило на пожарный люк между домом Босха и соседним зданием. Окно было таким узким, что Петрониусу пришлось в голову протиснуться на улицу, чтобы узнать, возможно ли это. Оказалось — возможно, но с большим трудом.

Петрониус с любопытством обследовал чулан. На подоконнике он нашел огрызок свечи и задумался о предостережении мастера. Питер, отвечая на его вопрос о серьезности замечания, предупредил:

— Послушай, новичок, если во всем сказанном и было что-то серьезное, так это последнее предложение. Наш хозяин не любит доминиканцев. И они его тоже. Мастер Босх заседает в городском совете, а совет выступает против зарвавшихся священников. Тебе придется принять решение, и очень скоро.

Вслед за этим Питер пожелал новичку хорошего дня и на прощание добавил:

— Последний, кто здесь жил, бежал сломя голову, и черт его знает почему. Во всяком случае, Ян связался с этой собачьей сворой церковников. Никакого вреда от него не было, мы над ним не насмеялись. Ну, так или иначе — его нет, а ты прекрасно заполнишь пустоту. С рекомендациями от Дюрера и Бройе. Мое почтение!

Петрониус сел на кровать и осмотрелся в своей комнате. Кроме кровати и полки, на которую он положил свои наброски и карандаши, в помещении ничего не было. Неудивительно, что предыдущий подмастерье бежал отсюда, не оставив и намека куда. Из страха?

Может, он совершил какое-нибудь преступление? Драки, дуэли и небольшие кражи случались повсюду. И тот, кто не хотел очутиться в тюрьме или долговой яме, чтобы кормить там крыс, должен был уносить ноги.

Петрониус окинул комнату внимательным взглядом. Он обратил внимание на дверную обшивку. Краска в нижней части верхнего квадрата была содрана, будто кто-то острым предметом пытался забраться за обивку и приподнять ее. Петрониус достал нож и просунул в щель. Оттуда выпал листок величиной с ладонь. Листок был треугольной формы, на нем ничего не было написано. Зачем кому-то нужно было прятать этот обрывок бумаги? Или его оставил Ян де Грот? Может, это намек, послание?

Петрониус вздрогнул от стука. Он едва успел спрятать листок среди разбросанных по кровати вещей, как дверь распахнулась и быстро вошел Босх.

— Устроились? Места не много, но спать есть где. Визиты дам запрещены.

Говоря это, мастер улыбался, понимая, что последнее требование — чистая формальность, и многозначительно посмотрел на открытое окно.

— Бумагу, краски и угли вам покупать не нужно. Получите у меня. В достаточном количестве. Требуйте все. А теперь послушайте. Сделайте мне наброски сцены в раю. Адам, Ева и Господь Бог. Постарайтесь разместить их необычно. Под моей крышей сначала думают, а потом берут в руки кисть и уголь. Нарисуйте что-то свое, что приходит вам на ум, когда вы думаете о рае, о том, что мы все потеряли, что питало нашу фантазию. Даю три дня! Можете работать в дальней мастерской вместе с остальными подмастерьями. Ко мне на крышу никто не приходит. Только Питер может вас туда проводить. А сейчас идем завтракать! Вы наверняка голодны!

Петрониус не мог разглядеть выражения лица мастера, так как на него падала тень, но ему показалось, что глаза Босха светятся, как у кошки, в пламени свечи. Наверное, он способен видеть во мраке ночи.

Петрониус встал и последовал за мастером в столовую. Вставая, незаметно взял пустой листок и с удивлением подумал, что не слышал шагов Босха на лестнице. Вероятно, мастер прошел другим путем.

Следуя за Босхом, Петрониус поклялся держать ухо востро и постараться найти потайную лестницу.

— Это не понравится мастеру. А что не нравится мастеру, вызывает его гнев.

Питер через плечо смотрел на сцену рая, которую Петрониус рисовал углем. Они находились в дальней мастерской, выходящей в яблоневый сад. В помещении рядом работали над заказами другие ученики: Энрик, Якоб и Герд. Оттуда доносилась их болтовня.

— Но здесь есть все, что делает сцену рая привлекательной, — ворчал Петрониус.

Питер отвел взгляд, взял со стола, который стоял рядом с табуреткой и мольбертом и был единственной мебелью, ступу и смешал в ней желтоватый пигмент. Рядом забубнил Энрик:

— У мастера другие представления о привлекательности. Не похожие на те, что можно увидеть в каждой церкви. Он называет их незавершенными и недостаточно продуманными. Заурядный халтурой! Слишком приукрашенной ложью.

Петрониус застонал и снова посмотрел на свою работу. Ему нравилась фигура Господа Бога — тот склонился к Адаму и доставал из его груди ребро, которое превращалось в Еву.

— Чего же он хочет?

Питер листал книгу с золоченым обрезом, читая соотношение смесей, которые находил там. Затем отсыпал порошкообразный пигмент в ступку, отмерил масло, добавил белка и стал смешивать все костяной лопаткой. Подмастерье углубился в работу и, казалось, забыл о вопросе Петрониуса. Благодаря его терпению и нескольким каплям лака получилась бледно-желтая масляная краска. Он несколько раз перепроверил ее качество.

— Довольно быстро справился! — гордо возвестил Питер о своем успехе в изготовлении желтой краски. — И все прошло легко. Последний раз мастер так кричал на меня, что чуть не лопнули перепонки. А теперь краска получилась на славу. Она не растекается, хорошо ложится на холст.

Питер взял краску на лопатку и переложил в какой-то горшок, который тут же закрыл пробкой.

— Теперь вернемся к нашим баранам. Ты хочешь знать, какой фантазии ожидает от тебя мастер. Пошли, я покажу тебе кое-что.

Питер слегка прикоснулся к плечу Петрониуса и пригласил следовать за ним.

— Почему Босх не может объяснить мне сам, чего хочет?

— Ты слишком любопытный. Радуйся, что тебя вообще взяли в ученики. Работай кистью и не задавай лишних вопросов. Ты еще не начал рисовать, а хочешь знать, что будет дальше. Возьми лучину.

Словно два заговорщика, они шмыгнули в проход к двери, которую Петрониус заметил еще по пути на кухню. Питер приложил палец к губам и очень осторожно нажал на ручку, а потом с таким шумом рванул дверь, что у Петрониуса от страха сердце ушло в пятки и он уронил лучину. Питер прислонился к дверному косяку и затрясся от смеха.

— Невероятно! Почему ты крадешься за мной, как преступник? Мы не совершаем ничего противозаконного, и к тому же в доме никто нам ничего не запретит. Трое работающих рядом не выдадут нас, даю на отсечение руку. Мастер выполняет заказ братства вне дома, а хозяйка находится в имении Босхов в Оиршоте. Натурщики придут только после обеда. Понимаешь?

Петрониус почувствовал, что угодил в ловушку. В этом доме надо быть осторожным.

— Что ты хочешь показать мне?

Петрониус попытался отвлечься и поднял почти потухшую лучину. Питер взял с висевшей рядом с дверью полки свечу и зажег от лучины. Затем подошел к стоящей на мольберте завешенной полотном картине.

— Возьми. — Питер протянул свечу Петрониусу. Потом он приподнял полотно с левого края картины и приказал товарищу посветить на нее. От увиденного у Петрониуса перехватило дыхание. Его взору открылся необычный пейзаж с высоким, уходящим вдаль горизонтом. Он был разделен на четыре плоскости. Вверху, на небесах, на троне восседал Иисус Вседержитель с земным шаром в левой руке. С небес на землю устремились ангелы, голубоватые сатанинские создания. На следующей плоскости доминировала не сцена создания Евы, которая выростала из Адама, а бьющий из скал источник бледно-желтого цвета, такую краску только что приготовил Питер. Желтый

сильно контрастировал с красным одеянием Христа. Следующая сцена, где внимание зрителя было привлечено к разделению леса и луга, являла собой картину грехопадения. Но в облике змея не было ничего ужасного или соблазнительного, а Адам и Ева, казалось, беседовали о вкусе плода, не понимая, что нарушают запрет. Вся нижняя плоскость представляла собой сцену изгнания из рая: архангел Михаил с помощью своего меча выбрасывал грешников вон, однако они не казались подавленными оттого, что должны покинуть небеса. Адам втолковывал архангелу, что нет ничего особенного в том, чтобы вкусить плод с дерева познания. А Ева и вовсе отвернулась и не замечала архангела. Картина было просто невероятная по композиции.

— Понимаешь, что я имел в виду? — прошептал Питер. — Даже сошествие с небес ангела и изгнание из рая выполнены своеобразно. Никто не ожидал от мастера такого.

Петрониус не сводил с полотна глаз. В мерцающем свете огня луга, казалось, ожили. Небо, выплевывая адские существа, рассыпало порчу и разврат на мирный пейзаж. Петрониусу стало не по себе. Насколько он понял, не грехопадение было ключевой темой. Здесь буквально царило Зло...

— Ну, понял? Вот что мастер называет фантазией!

— Думаю, теперь понимаю. Зло завладело миром до того, как Адам и Ева попробовали яблоко. В самом Зле нет ничего ужасного. Поэтому они не боятся изгнания из рая в другой мир. Он им уже знаком.

Питер опустил ткань и дал понять, что пора уходить.

— Необычная трактовка. Думаю, мастер именно поэтому еще не продал картину. Иногда он рисует такие... такие необычные вещи, чтобы набить руку. Даже братство не любит подобные картины.

Петрониус кивнул. Понемногу он стал понимать, почему мастер запретил ему общаться с доминиканцами. За этим запретом скрывалось нечто большее, чем простые споры городского совета и монахов инквизиции.

— И все же, Питер, могу я просить тебя еще кое о чем? Подмастерье закрыл дверь и прислонился к стене.

— Конечно, именно для этого я здесь.

— Ты только что упомянул о братстве. Что это за братство?

Питер закашлялся, отодвинулся от стены и пошел назад в мастерскую. Петрониус почувствовал, что перешагнул черту, которую не должен был переступать. И все же он настойчиво переспросил:

— Братство! Он дважды упоминал о нем. Что это...

— Не сейчас! — резко оборвал его Питер — Я расскажу тебе, когда придет время. Иди работать. Ты получил достаточно пищи для размышления. Завтра вечером мастер захочет посмотреть твою работу, и если она ему понравится, ты останешься. В противном случае мы видимся в последний раз. Мне нужно смешивать краски.

Петрониус подошел к мольберту, ошеломленный впечатлением от картины Босха. И полученным от Питера отказом. И то и другое было как-то связано, Петрониус ощущал это почти физически. Что-то в этой мастерской скрывали от посторонних глаз.

XII

— Какие же мысли возникают у вас, когда вы смотрите на картину?

Петрониус не мог сосредоточиться на вопросе Босха. Он не сводил глаз с двусторочатой картины, на которую мастер осторожно наносил лак. Гризайль, техника, при которой один и тот же цвет наносят вновь и вновь, например, серый на серый, для достижения эффекта рельефности. В мастерской пахло мастикой и спиртом.

— О чем вы спрашивали, мастер?

Босх повернулся к подмастерью и внимательно осмотрел его с ног до головы.

— Что такое? Вы разве никогда не видели картину, которую покрывают лаком?

— Видел, — пролепетал живописец из Аугсбурга. — Но не столь необычную.

Босх ухмыльнулся, взял чашу и обмакнул ткань в жидкость. Затем легкими круговыми движениями стал втирать ее в картину, пока вся поверхность не пропиталась и не заблестела.

— Я спрашивал вас, о чем вы думали во время работы над своей картиной.

Петрониус отвел взгляд от картины мастера. Его собственная работа была прикреплена к стропилам крыши.

— Вам не нравится?

Босх начал раздражаться.

— Ответьте на вопрос!

Петрониус встрепенулся. От запаха спирта у него пересохло горло.

— Как вы пожелали, я нарисовал картину, не руководствуясь общепринятыми критериями. Бог создал Еву, но Адам отвернулся от Господа, потому что ему не нужна была женщина. Господь навязал ее Адаму. И сначала Адам не знал, что с ней делать. Ева не появляется из ребра Адама, как описано в Библии. Она появляется из головы Господа. Я связываю это с сюжетами греческой мифологии...

— И это приведет вас на костер инквизиции. Вы глупец. Если бы я не был Босхом, то велел бы сжечь вас вместе с вашими еретическими мыслями. Позволить Еве выйти из головы Господа, как богиня Афина вышла из головы Зевса! Единственная греческая богиня, с которой считались и к мнению которой прислушивались боги-олимпийцы. Глупец! Будто у мужчин и женщин одинаковые права. Какая дерзость! Я повторяю еще раз: возьмите картину, разорвите ее в клочья и сожгите здесь же и немедленно!

Босх указал рукой на таз с углем, стоявший в углу. Его наверняка использовали для обогрева в прохладные вечера или для приготовления черной краски. Петрониус снял картину со стропил и стал медленно отрывать полосу за полосой и бросать в таз.

Босх добавил туда немного спирта и поджег с помощью лучины. Голубоватые языки пламени быстро набросились на бумагу, края почернели, бумага вспыхнула от жара и тут же превратилась в черный пепел. От райского сада ничего не осталось.

Лишь теперь Петрониус отважился спросить:

— Я выдержал экзамен?

— Я еще не прочел, что написал о вас Дюрер. Но и сейчас ясно, что у вас есть воображение, Петрониус Орис. Одобрю. Никто в этом городе не отважился бы показать такой рисунок. Что я говорю: никто в Брабанте и за его пределами! Одни — потому что не могут, другие — потому что боятся инквизиции и рисуют дерьмовые картины при одной только мысли об инквизиторах.

Мастер, глядя в пол, обошел вокруг подмастерья.

— Я оставляю вас. В борьбе против доминиканцев мне способны помочь только бесстрашные люди. У кого вы научились так мыслить?

Петрониус нахмурился. Он не хотел обманывать Босха и боялся признаться ему в своем с Питером проступке, но все же решился сказать правду:

— У вас, мастер Босх. Питер показал мне одну из сцен вашей картины. Позавчера. Она стоит внизу, в темной комнате.

Петрониус почувствовал, что Босх остановился, однако не отважился повернуться к нему.

Подмастерье снова обратил взгляд на стоявшую перед ним картину, две боковые створки триптиха. Центр картины заполняла земная сфера — огромных размеров мыльный пузырь, хрустальный

шар. Внутри был заключен и спрятан окруженный морем пустынный диск Земли, парящий над преисподней. Шел третий день сотворения мира. Земля только что отделилась от воды, растительность бурно цвела.

Сквозь тяжелые облака на Землю падали слабые лучи солнца. Слово создало цвета и формы. Но Петрониуса не оставляло ощущение, что слово Творца было понято неверно. Поросль казалась странной, горы необычными, образы будто вышли из лаборатории алхимиков. Колбы, трубки, дистилляторы.

Босх словно угадал мысли Петрониуса, так как подмастерье неожиданно услышал тихий шепот мастера у своего уха:

— И над всем этим восседает на троне Господь Бог! Он создал мир в химической реторте. *Rotornar al segno* — назад к первобытному. Но пар поднимался с земли, и орошал лицо земли, сказано у Моисея. Созидательная влага, рождающая жизнь. Лишь по этой причине мир должен быть серым. Я знаю, Питер показал вам картину. Он сделал так по моему пожеланию. Хорошо, что вы оказались честны. Никакой Дюрер не мог привить вам эту честность. Та картина — копия моего триптиха «Воз сена». Копия. Оригинал продан!

Босх засмеялся. Лишь теперь Петрониус решился повернуться к нему:

— А что бы вы сделали, если бы я скрыл нашу вылазку с Питером?

Мастер подошел к своей картине, взял чашу с лаком, обмакнул тряпку, вновь оросил земной шар и натер до блеска.

— Вам бы пришлось искать себе новое пристанище. *Ipse dixit et facta sunt. Ipse mandavit et create sunt*⁶.

Петрониус, хорошо знавший как латынь, так и Библию, сразу же вспомнил нужное место и связал его с надписью в верхнем краю триптиха.

— Псалмы: Хвалите Его, небеса небес и воды, которые превыше небес. Да хвалят имя Господа, ибо Он повелел, и сотворились... сказано в последних псалмах, из которых вы взяли это предложение.

Босх медленно повернулся к подмастерью. Его глаза расширились и светились особым флюоресцирующим светом, который поразил Петрониуса при первой встрече. Казалось, мастер смотрел сквозь него. Едва шевеля губами, он произнес:

— У меня есть для вас заказ, Петрониус Орис из Аугсбурга.

XIII

— Он отправил две створки в Оиршот, в свое имение. Там живет хозяйка. Думаю, здесь, в Ден-Босе, стало слишком опасно для таких картин.

Петрониус пожал плечами. Они с Питером поднимали наверх, в мастерскую, свежую деревянную доску. Просмоленные ставни были закрыты, так как всю ночь дождь лил как из ведра.

— И даже если ты видел их во сне...

— Послушай, Питер, ты тут дольше других, и я не обижаюсь за то, что ты мне не веришь. Но я видел эти створки так же, как вижу сейчас тебя.

— Значит, он работает теперь над чем-то, что не хочет показывать нам. А то, что тебе было позволено увидеть картину...

Они уже едва дышали, такая тяжелая оказалась доска.

— Почему он велел тебе рисовать здесь, наверху? Я три года сижу внизу, и мне ни разу не предложили работать в мастерской! Я прокаженный, что ли?

Петрониус окинул Питера взглядом и проговорил:

— Ну, побриться тебе не мешало бы. По крайней мере стал бы похож на человека. Может, попробуешь?

Питер закатил глаза.

— Я-то всегда думал, что швабы неразговорчивы и глупы, а ты трещишь без остановки, будто у тебя язык без костей.

Они подняли доску на мольберт и теперь с удовлетворением смотрели на результат своих трудов. Петрониус закрепил доску. Питер достал из мешка кисти и баночки с красками, освободил место в центре стола и расставил краски в строгом порядке. Затем он подошел к мольберту и тщательно осмотрел дерево.

— Отличная работа! Гладко выструганная липовая доска, из самой середины ствола. Стоит дорого. Похоже, картина будет особенная.

Петрониус пожал плечами: а что он мог ответить, если и сам не знал, что получится?

— Не имею понятия. Мастер сказал мне только, что заказчик очень близкий ему человек. И что он хорошо заплатит. Очень хорошо.

Питер провел рукой по поверхности доски, обошел мольберт, осмотрел обратную сторону и обнаружил знак: темную ладонь с широко раздвинутыми пальцами.

— Посмотри сюда. Доска сделана в Антверпене. Это знак гильдии антверпенских художников. Как мастеру удалось заполучить ее?! Один этот знак удваивает стоимость доски. Обычно столько платят за готовую картину. Она не покоробится и за сотню лет Должно быть, заказчик — важная персона.

Питер присвистнул. Петрониус подошел к нему и тоже провел рукой по доске.

— Она не только остругана, но и покрыта масляным лаком. Это сделано для того, чтобы грунтовка лицевой стороны не покоробила дерево. Доска удивительно легкая.

— И это называется «легкая»?! Мне хватило, не хотел бы я таскать такую каждый день. Все руки оборвал. Во время дождя ее нельзя поднимать на лебедке, она промокнет.

Неожиданно Петрониус поднял руку, и оба замолчали. На лестнице послышались шаги. Кто-то взбирался на крышу. Петрониус и Питер переглянулись. Затем Питер кивнул и шмыгнул за лестницу, туда, где хранились ткань и веревки для упаковки картин и сырых досок. Петрониус взял в руку палку и стал ждать гостя. Он стал так, чтобы шедший увидел его сразу.

— *Salve!*⁷ — поприветствовал Петрониус гостя. Человек поднялся на верхнюю ступеньку и высоким мелодичным голосом ответил:

— *Salvete!*

— Кто удостоил нас чести? И кто впустил вас?

По лицу мужчины пробежала улыбка, немного ехидная и виноватая в то же время:

— Сам мастер. Он может прийти в любую минуту. Мы встретились перед домом.

Петрониус кивнул. Питер опустил палку за спиной посетителя.

— Ваш друг может спокойно выйти из укрытия, — произнес неизвестный, — я чувствую, он у меня за спиной.

Когда Петрониус хотел возразить, мужчина остановил его жестом:

— В наше смутное время можно понять вашу осторожность. В мире все меньше доверия. Рискну предположить, что именно вы будете рисовать мой портрет? Тогда за дело!

Гость прошел в центр мастерской, взял один из стульев для натурщиков со специальным приспособлением для поддержки головы и плеч и передвижной спинкой. Сел и выжидающе посмотрел на художника.

Незнакомец был закутан в плащ из тончайшего сукна, который скрывал руки. Овальное лицо обрамляли гладкие, коротко подстриженные волосы. Когда он сажился, плащ распахнулся, и показались тонкие пальцы. Все в облике посетителя было изящным и хрупким, только что-то в лице не соответствовало всему его облику. Оно казалось круглым и бесформенным по сравнению с исхудавшим телом, укутанным в широкий плащ. И запах, исходивший от незнакомца, смущал Петрониуса. Интуиция подсказывала: с посетителем что-то не так. Но художник не мог понять, что именно.

— Позвольте поинтересоваться, с кем я имею честь работать? Меня зовут Петрониус Орис из Аугсбурга. Художник и ученик Дюрера и Бройе. Мастер Босх доверил мне написать ваш портрет.

— Якоб ван Алмагин!

— Якоб ван Алмагин, а дальше? Могу я спросить вас о вашем ремесле и происхождении?

Незнакомец одарил Петрониуса таким взглядом, что у художника по спине побежали мурашки. Казалось, Якоб ван Алмагин видел юношу насквозь. Он словно обладал ключом, который открывает человеческие души.

Петрониус с трудом оторвал взгляд от гостя и повернулся к нему спиной.

— Скажите мне, как вас нарисовать? — спросил он и откашлялся.

Петрониус тщательно расположил рамку, покрытую сетью нитей, установив ее так, чтобы сквозь нити хорошо видеть лицо натурщика.

— Вы уже обдумывали, что хотите видеть на заднем плане? Это будет какое-то внутреннее пространство или типичный для моего учителя высокий горизонт? Мне рисовать итальянский пейзаж или равнину, характерную для Брабанта?

Быстрыми движениями Петрониус сделал грубый набросок. Нанес на доску контуры, какими видел их сквозь сеть рамки. Другие

подмастерья уже сделали на ней едва заметную сетку, белым по белому, в соответствии с грунтовкой.

— Нарисуйте мне рай, Петрониус Орис, райский сад до грехопадения.

Незнакомец произнес это тихо, почти беззвучно, но тоном, не терпящим возражений. Питер, молча наблюдавший за происходящим на крыше, открыл одну из просмоленных ставен. Дождь уже кончился, и из-за туч показалось солнце. В солнечном свете кожа и волосы мужчины выглядели неестественно прозрачными, казалось, будто на стуле сидел не человек, а ангел.

XIV

Шум просто оглушал. Гортанное пение дюжины глоток сопровождали звуки арфы, в то время как кружки пива отбивали ритм на столах. Те, кому было нечего пить, били кулаками по столам так, что гремела посуда. Повсюду стояли или сидели на корточках, играя в кости, буйные парни. Перед входом Петрониус заметил человека, смотревшего в его сторону. Лицо незнакомца скрывал капюшон.

Когда пение смолкло, Петрониус наклонился к Длинному Цуидеру:

— Мне нужна твоя помощь.

Лицо нищего помрачнело.

— Проблемы с инквизицией? Твоя первая встреча со здешним инквизитором не была радостной.

— Нет. Речь о другом. Сейчас я работаю над одной картиной, и работа идет медленно.

— Мне что, взяться за кисть? — улыбнулся Длинный Цуидер. — Или тебе нужна иная помощь?

Он кивнул в сторону Зиты, которая обходила посетителей с подносом и одновременно отбивалась от назойливых рук. Петрониус не сразу понял смысл вопроса.

— Нет! Дело серьезное! Я пишу портрет, однако работа продвигается слишком медленно. С натурщиком что-то не так. Я уже создавал портреты нескольких людей, но никогда кисть не слушалась меня так плохо. Ты не мог бы разузнать об этом человеке? Сам он не считает нужным говорить о себе.

Длинный Цуидер сделал большой глоток, вытер рукавом губы и позвал Зиту. Петрониус посмотрел по сторонам — и в тот же миг человек в черном капюшоне отвернулся от него.

— Что тебе известно о нем?

— Только имя. Якоб ван Алмагин. Больше ничего!

Зита с улыбкой подошла к столу. Между ней и Петрониусом протянулась ниточка взаимопонимания с тех пор, как он стал заглядывать в трактир выпить пива. Девушка всегда улыбалась ему, а Петрониус ухаживал за ней, преподнося небольшие подарки.

— Два пива! — Длинный Цуидер кивнул.

— И хлеба, — добавил Петрониус.

Зита улыбнулась, взяла пустые кружки и поплыла назад к стойке. Нищий покачал головой:

— Здесь полно мужиков, а она смотрит только на тебя. Невероятно!

Петрониус смущенно перевел взгляд на лужицы пива, образовавшиеся на столе перед ними.

— Ты думаешь, она?..

— Конечно. Посмотри, как она тебя обслуживает. Но вернемся к твоему клиенту. Я постараюсь помочь, однако ничего не обещаю.

Петрониус кивнул и отодвинулся от Длинного Цуидера, так как вернулась Зита. Большую кружку она поставила перед нищим, а маленькую протянула Петрониусу. На мгновение их пальцы соприкоснулись. Девушка быстро повернулась и ушла. Петрониус посмотрел ей вслед.

— И еще одна проблема, Цуидер. Как думаешь, что это?

Петрониус достал из кармана клочок бумаги и осторожно опустил на стол перед нищим. Тот взял листок, повертел и положил назад.

— Клочок бумаги, что еще?

— Ты стал бы прятать его?

Цуидер покачал головой:

— Глупый вопрос! Конечно, если бы он имел какое-нибудь значение. Так ведь?

— Это было спрятано в обшивке моей двери. Я делал с этой бумагой все: мочил, нагревал, посыпал пылью гранита, — ничего не получилось. И все же я уверен: в ней содержится какое-то послание. Тайнопись, понимаешь?

— Выходит, послание осталось на другом клочке бумаги. Или нанесено неизвестным нам средством.

Петрониус закусил верхнюю губу.

— Ты не знаешь какого-нибудь алхимика в городе, который мог бы мне помочь?

— О чем ты говоришь! Все они бежали от Святой Инквизиции. Тот, кто что-то знает, уже лишний, мой друг. Только глупость безгрешна и дает возможность выжить среди доминиканцев, да и то не всегда.

Нищий подумал, сделал большой глоток пива, и глаза его заблестели.

— Можно поискать в Оиршоте на старой мельнице. Туда еще не дотянулась рука патера Иоганнеса. На старой мельнице поселился чудаковатый малый, который знает толк в магии. Я поинтересуюсь.

Петрониус одобрительно кивнул и хотел спрятать обрывок бумаги. Внезапно чья-то рука выхватила его у подмастерья, и человек одним прыжком очутился у двери и исчез. Петрониус вскочил, разлив пиво. Он успел рассмотреть черный капюшон, упавший с головы беглеца.

— Что это было? — закричал Цуидер и бросился к двери.

Сидевшее вокруг ничего не заметили и с удивлением уставились на нищего и художника. Питер смотрел на свою руку, в которой только что находилась бумага, а по столу медленно растекалась светлая лужа пива, просачиваясь через трещины в столе и капая на пол.

— Ты просто счастливчик, Петрониус! Тебя пригласили в Оиршот!

— А тебе этого еще ни разу не предлагали. Я угадал?

Петрониус рассмеялся, а Питер криво усмехнулся. Подмастерье протянул ему сумку с провизией на дорогу и обнял в последний раз.

— Ну, будь здоров. Вот, выпей за святую Гертруду, чтобы уберегла от встреч со всяким сбродом.

Петрониус взял стакан красного вина, осушил одним глотком, и серое, холодное утро сразу же потеплело.

— А это медальон Христофора, он даст тебе дополнительную защиту в пути.

— Ты ведешь себя так, будто мне предстоит паломничество в Иерусалим. Питер, я вернусь самое позднее через три дня.

— Буду скучать без тебя.

Петрониус знал: Питер очень рад, что не ему пришлось идти в Оиршот. Дорога была нелегкой. Да и подготовка к мистерии в церкви Святого Иоанна отнимала у Питера уйму времени. Она должна была стать необычным представлением. Как рассказывал Питер, в центре представления будут игра, песни, танцы. Все в честь Господа Бога и ради сбора средств на завершение строительства собора.

Петрониус вышел на пустынную площадь. Торговые ряды уже убрали. Со стороны реки стелился густой туман и растекался по улицам города. Там и тут по переулкам пробегали крысы. С юга на площадь выехали первые повозки, направлявшиеся к северным воротам. Петрониус уверенно направился к мосту, чтобы оказаться на южной Дороге.

Перед воротами в ожидании момента, когда опустится мост, уже собрались повозки. Над головами сонных волов раздавались крики возниц. Лишь редкое подрагивание спин и шей животных свидетельствовало о том, что они живы. Петрониус вышагивал мимо повозок, собираясь попроситься в компаньоны, и тут заметил Майнхарда из Аахена. Тот сидел сгорбившись, зажав в правой руке

вожжи, и, казалось, спал. Радуюсь встрече, Петрониус взобрался на козлы.

— Вот так встреча, Майнхард! Ты покидаешь город? Куда едешь, на юг или запад?

Возница не шелохнулся и не подвинулся, когда художник сел рядом. Мрачно глядя на Петрониуса, он осведомился:

— Я приглашал вас?

Петрониус вздрогнул.

— Что на тебя нашло?

Майнхард пробурчал что-то, но стук цепей опускающегося моста заглушил его слова. Мост медленно двигался вниз. Едва балки коснулись другого берега, Майнхард сильно хлестнул волов, и они пошли. Майнхард не стал ждать команды стражника «вперед»; он так быстро гнал волов, что солдат едва успел отскочить в сторону, грозно тряся кулаком. И прокричал им вслед:

— Чтобы я тебя здесь больше не видел, собака!

Майнхард сплюнул и бросил презрительный взгляд на город. Он, не останавливаясь, хлестал волов, и повозка неслась с грохотом. Волы изо всех сил тянули повозку через мост. Едва они достигли противоположного берега, как возница заговорил:

— Мне удалось-таки вынуть голову из петли.

Майнхард свободно вдохнул полной грудью, высморкался и вытер руку об облучок.

— Послушайте, художник, до Оиршота — ведь вам нужно именно туда — я вас довезу, но не дальше. Вы притягиваете к себе несчастье словно магнит.

— Но что такого я еде...

— Всё! С тех пор как я привез вас в город, постоянно происходят странные вещи. Из-за вас я провел в тюрьме три недели!

Он стукнул себя по животу, который заметно спал. Лицо кучера тоже было серым и похудевшим.

— Из-за меня? Но как это может быть связано со мной?

— А почему это не может быть связано с вами? Я же сказал вам: будьте осторожнее с художником Босхом. Чем вы занимались эти три недели? Спали? Разве вам не известно, что происходит в городе? Вы забыли, что здесь две силы бьются не на жизнь, а на смерть? Совет города и псы инквизиции. Меня из-за вас допрашивали! Посмотрите!

Майнхард показал Петрониусу левую руку; правой он управлял волами. Все пять ногтей были темно-синими, будто от тяжелого удара. И пальцы вывернуты. Похоже, Майнхард до сих пор испытывал сильную боль, однако его лицо оставалось невозмутимым.

— В Эйндохене или Венло я удалю ногти, иначе начнется воспаление. А на пальцы нужно наложить лангеты.

— Вас пытали?!

Петрониус был потрясен. То, что он услышал от возницы, казалось невероятным. И он, человек, не связанный ни с доминиканцами, ни с представителями города, — причина этого ужаса. Три недели Петрониус только рисовал, смешивал краски и работал над сценой рая и портретом...

Майнхард прервал ход его мыслей:

— Они всё хотели знать. Всё. Ваше происхождение. Возраст. Что вы делаете в городе, почему хотели попасть именно к Босху, как это связано с нашим знакомством...

У Петрониуса не было слов.

— Я и понятия не имел!.. Кто вас пытал?

— Собаки патера Иоганесса. Конечно, не он сам — священники не марают рук. Но городские палачи готовы любому выкручивать руки, чтобы получить отпущение грехов.

Впереди расстилалась широкая равнина, к югу болотистая и топкая, на которой было разбросано множество деревьев. Зеленый, багровый и золотой определяли цветовую гамму пейзажа. Тут и там на высушенной солнцем и ветром земле стояли стога сена. Взгляд Петрониуса устремился к горизонту. Где-то там через два часа пути покажется Оиршот, имение великого художника.

— Но почему с вами случилось такое, как вы попали на крючок?

— Первую неделю я часто задавал себе этот вопрос. На второй уже не помнил, что привез вас в город. Еще через неделю не помнил ничего, а на четвертой неделе был готов продать свою мать. Так бы и получилось, если бы меня неожиданно не отпустили. Потом я думал только о том, как убраться из города.

В голосе Майнхарда слышалось бессилие.

— Откуда вы узнали, куда я направляюсь?

Возница громко рассмеялся:

— У нас один заказчик. Мастер Иероним сказал мне, что я встречу вас у ворот. Он один осмелился дать мне заказ. Никто не хотел доверять мне свой товар — мне, сидевшему в подвалах инквизиции и имевшему дело с доминиканцами. Ваш мастер — дальновидный и чрезвычайно мужественный человек.

Майнхард неустанно подгонял волов, но животные не очень торопились. Петрониус задумался. Почему Майнхарда из Аахена допрашивали не о монахе, которому он плюнул в руку, а о нем, Петрониусе? По какой причине он стал таким известным, чем привлек к себе внимание? Может, среди подмастерьев Босха затаился доносчик, который рассказал о его любопытстве?

Утреннее солнце высоко поднялось над горизонтом и ослепляло путников, следовавших на юг. Влажный жаркий воздух затруднял дыхание. Линия горизонта слилась с голубизной неба и растворилась вдали.

Солоноватые озера болот, будто глаза совы, темными пятнами были разбросаны по равнине, а головки полевых цветов покачивались, словно прислушивались к голосам людей.

— Вы можете поспать, — сказал Майнхард, заметив, что Петрониус закрыл глаза.

Художник тут же забрался на тюки с товаром и, пока не задремал, гадал, что в них находится.

XVI

— Тысяча чертей! Мерзкие бандиты! Сброд! Проклятие!

Петрониус очнулся, услышав крики возницы, лязг металла и брань. Плетка Майнхарда хлестала направо и налево. Волы ревели. Петрониус осмотрелся: кусты и небольшие, в человеческий рост, деревья с обеих сторон, ложбина. Одним прыжком художник соскочил с повозки, помчался вверх по склону, упал в заросли кустарника и закрыл глаза. Засада!

Петрониус лежал, не шелохнувшись, и прислушивался, не приближается ли кто к его укрытию. Доносились крики, проклятия, брань. Хлыста Майнхарда больше не слышно — только шум борьбы, хрип, а затем воцарилась зловещая тишина.

Петрониус лежал на спине, едва дыша и не смея пошевелиться. Воцарившаяся тишина, которую не прерывал даже стрекот кузнечиков, была пугающей. Петрониус напряженно вслушивался в тишину, пытаясь понять, есть ли кто-нибудь у повозки. И тут неподалеку от него неожиданно выросла голова. Петрониус едва сдержал крик. Перевернувшись на живот, он пополз в кустарник. На повозке Майнхарда, повернувшись к нему спиной, стоял мужчина.

— Ты нашел второго? Ян сказал, их было двое!

— Он мог быть пьян. Тогда все двоится. Или второй сошел раньше.

Петрониус вжался в землю. Мужчина на повозке не мог видеть его, но береженого Бог бережет.

Вдруг раздался резкий голос, от которого у Петрониуса похолодело внутри:

— Не теряйте времени! Ищите картину!

Голос был знаком Петрониусу, и он приподнялся в надежде увидеть говорившего. Кроме того, юноша хотел выяснить, что с Майнхардом. До художника донесся приглушенный стон.

— Ничего, кроме костюмов и масок, господин. Картонные носы, рожи и платья, крылья и прочая ерунда. Картины здесь нет!

Простые разбойники так не говорят, это явно был образованный человек. Тогда зачем ему заниматься разбоем на дорогах, если можно

найти более приличную работу, к тому же без всякого риска?

— Она должна быть здесь! Я знаю! Он сам мне сказал!

— Ничего нет! В прямом смысле слова — ничего! Только странные костюмы и несколько книг.

— Уходим. Нас обманули.

— Но... — возразил мужчина, стоявший на повозке.

— Никаких «но». Поджечь. Нельзя оставлять следов!

Петрониус не мог больше ждать, он хотел увидеть лицо говорившего. С большой осторожностью подмастерье пополз к краю склона и выглянул из укрытия. Прямо перед ним один из нападавших зажег факел и бросил на солому. Впереди Петрониус рассмотрел группу мужчин, ждавших на безопасном расстоянии, пока пламя не охватило всю повозку. Среди них Петрониус заметил тощую фигуру, выделяющуюся среди остальных: патер Иоганнес фон Берле, инквизитор.

Огонь жадно пожирал разбросанные костюмы и маски из папье-маше. Патер быстро двинулся за остальными в направлении Ден-Боса.

Петрониусу не сразу удалось выбраться из зарослей. Он обошел повозку, охваченную пламенем, в поисках Майнхарда. Волы, стоявшие запряженными, уже почуяли запах гари и заревели, но Петрониусу было не до них. Он должен найти Майнхарда.

Художник собрался исследовать местность вокруг повозки, когда увидел ноги возницы, торчавшие из кучи тряпья. Он наклонился и с силой потянул. Тут подмастерье вспомнил о дорожной сумке с провиантом, которая висела у него на шее. Петрониус хотел было сбросить ее, но вовремя одумался. Он оттащил Майнхарда от горячей повозки и, оказавшись на безопасном расстоянии, наклонился к бездыханному телу. Майнхард был мертв. Петрониус закрыл ему глаза и набросил на тело тряпье. Когда он снова наклонился, сумка опять напомнила ему о себе. Художник снял ее и тотчас же замер. Разбойники искали картину! Может, она в сумке? После выхода из города он не заглядывал в нее. Петрониус осторожно открыл сумку. Рядом с сыром, хлебом и вином лежал свиток. Петрониус развернул его и замер. Теперь он знал, что искал патер Берле. И знал почему.

XVII

Петрониус смотрел на стены города. Это была крепость. Хертогенбос величественно заявлял о гордости и богатстве Брабанта. Молодой художник решил прервать путешествие в Оиршот. Слишком велика опасность попасть в руки инквизиции. Теперь нужно найти способ проникнуть в город. Через южные ворота пройти невозможно: там стоит стражник, который еще на выезде косо смотрел на Майнхарда. Кроме того, он явно связан с патером Берле. Не оставалось ничего другого, как обойти город с севера.

В сумерках, совсем выбившись из сил, Петрониус добрался до моста перед северным въездом в город. Стража недоверчиво посмотрела на него, но, после того как художник предъявил удостоверение гильдии живописцев, пропустила.

Петрониус осторожно приближался к дому на площади, однако в обычной рыночной суете не было ничего настораживающего. Люди делали покупки, тащили мешки с просом и, толкая тачки, везли молоко. Кто-то шел в церковь. Петрониус быстро проследовал мимо соседних домов к жилищу Босха и решительно постучал в дверь.

Тишина. Мастерская, казалось, вымерла.

Петрониус оглянулся, не наблюдает ли кто за ним, но прохожих не интересовал оборванный парень. Через мгновение юноша открыл форточку пожарного люка и нажал на оконную раму. Сам не зная почему, художник, уходя, оставил окно открытым. Петрониус забросил сумку внутрь и с трудом протиснулся в дом. Потом рухнул на кровать и закрыл глаза.

Какой-то шорох пробудил его. Петрониус очнулся в поту после короткого кошмарного сна, полного страшных чудовищ и черепов животных. В комнате было так темно, что он не видел даже своих рук. Кто-то проскользнул мимо пожарного люка. Петрониус знал, что не закрыл окно. Оконный проем зиял серым пятном во мраке ночи. Кто-то прошел мимо его каморки, щелкнула дверная ручка, и все стихло.

Петрониус всматривался в темноту. Куда пропал неизвестный? Запах, оставшийся после посетителя, показался художнику знакомым. От напряжения он был как натянутая струна и почувствовал легкое

сотрясение — кто-то поднимался по лестнице вверх. Подмастерье понял, куда спешит ночной посетитель: в мастерскую Босха. Незвестный знал тайный путь.

После того как смолкли все звуки, Петрониус встал с кровати, закрыл створки окна и нашарил в сумке трут. С трудом зажег свечу и начал размышлять, что делать дальше. Искать потайной ход или просто подняться по лестнице? Он выбрал последнее. В конце концов, посетитель не знает, что в доме кто-то есть. Петрониус снял сапоги и сунул под кровать. Встал и, когда собрался открыть дверь комнаты, увидел записку. Быстро схватил ее, осмотрел. На обратной стороне четким почерком Питера было написано: «Постоялый двор „У орла“». Петрониус покачал головой. Обращено ли послание к нему? Питер ждал Петрониуса только через три дня. Значит, встреча назначена на субботу. Петрониус поднес записку к огню, она вспыхнула и сгорела. Пепел подмастерье растоптал на полу, тщательно загасив все искры.

Бесшумно открыв дверь, Петрониус скользнул к лестнице. Сверху пробивался тусклый свет. Подмастерье стал осторожно подниматься вверх.

— Вы совершаете преступление! Поднимайтесь и покажитесь!

Петрониус испугался. Очевидно, острый слух посетителя уловил шаги на лестнице. Дрожая, художник ступил на последнюю ступеньку. Перед его глазами лежали веревки и ткань, в которую заворачивали свежие доски, чтобы поднять в мастерскую. Художник повернулся к стене и осмотрел помещение. На одном из мольбертов стоял портрет, над которым работал Петрониус, а рядом, на большом мольберте, — другая картина. Ее освещал мерцающий огонек свечи, но издали подмастерье некоторое время ничего не мог разглядеть. Справа от картины стоял Якоб ван Алмагин.

— Вы? Что вы здесь делаете?!

— Тот же вопрос я могу задать и вам. Если не ошибаюсь, вы должны направляться сейчас в Оиршот, в имение вашего мастера.

Петрониус кивнул и тут же уловил движение в дальнем углу мастерской и услышал тихий стон. Здесь был кто-то еще.

— Что вы тут делаете? Я живу в этом доме, и даже если мне пришлось вернуться, я имею право на это жилище. Вы же...

— ...проникли сюда тайно. Вы это хотели сказать, Петрониус Орис? Ему нужна моя помощь, и я не могу отказать в ней.

Якоб ван Алмагин кивком указал в сторону лежащего на досках человека, который беспокойно метался из стороны в сторону.

— Кто это? — спросил Петронис, но, задавая вопрос, он уже знал ответ.

Якоб жестом подозвал его ближе. На низком деревянном столе, полуголый, лежал мастер Иероним Босх. Ноги и руки его были привязаны ремнями к столу. Тело блестело, будто натертое маслом. Голова обвязана платком, чтобы он не разбил ее. Из рта шла пена. Мастер корчился в судорогах.

— Что с ним? — Ужас охватил Петрониуса. — Он болен?

Якоб ван Алмагин покачал головой:

— Нет, он совершенно здоров. Но сейчас находится не в этом мире, а между небом и адом. Дай Бог, чтобы он попал в рай!

Петрониус повернулся к посетителю и посмотрел ему в глаза. Хотя подмастерье не понимал, что здесь происходит, вид мастера его обеспокоил и по спине побежали мурашки.

— Он умрет?

Тонкие губы гостя тронула улыбка.

— Пока я с ним — нет.

Только теперь Петрониус заметил, что руки Якоба ван Алмагина такие же жирные, как и тело мастера Босха.

— Что вы с ним сделали?

— Только то, что он сам приказал мне.

XVIII

Петрониус лежал на койке, подложив руки под голову, и думал. Не выходила у него из головы та картина, что стояла рядом с деревянным столом, — центральная часть триптиха. Боковые створки юноша уже видел раньше. Не тот искусственный мир, яйцо, из которого на шестой день мироздания должен выскользнуть рай, а сам рай. Но что за рай предлагал художник вниманию зрителя!

Петрониус не знал, что внушает ему больший страх — сам мастер или манера, в которой написана картина. Якоб ван Алмагин увлек его разговором, и Петрониус не мог понять, чего этот человек хотел больше: отвлечь его от созерцания мук мастера или раскрыть тайну картины.

— Что вы видите, Петрониус Орис?

— Мастера Босха, корчащегося в судорогах, господин!

Алмагин указал на картину:

— Посмотрите сюда и забудьте о художнике. С ним ничего не случится. Он ищет путь в лабиринтах познания. Вы должны посмотреть на райский сад. Ну?

Петрониус подошел ближе. Иероним Босх стонал и метался из стороны в сторону. Тяжелое дыхание мастера преследовало ученика, пока он изучал картину. Неожиданно юноша понял, что пугает его в полотне. Картина была разделена на три различные по цвету плоскости, и каждая имела свой сюжет. Внизу на нежно-зеленом фоне Иисус подводил Еву к Адаму. Посередине на зеленовато-желтом господствовал источник, выдержанный в красном цвете, как и одеяние Христа Спасителя, и на небесно-голубом заднем плане был изображен искусственный мир.

— Это действительно рай? — переспросил Петрониус. Якоб ван Алмагин снова подошел к нему. Юноша вновь почувствовал едва уловимый запах, так смущавший его. Голос Алмагина тоже изменился, став мягким и певучим.

— Это рай особый! Ложный путь наших чувств, если вы понимаете, о чем я говорю. Вы должны пройти по нему, если хотите понять самого себя.

Петрониусу казалось, будто он только что пробудился от сна. А когда утро медленно проникло в окно его комнаты, он отправился внутрь картины. Все было как прежде: стоны и метания мастера, голос Якоба ван Алмагина и картина рая.

В этом раю поселилась смерть. В то время как Адам рассматривал Еву, кошка ловила мышей, птица пожирала лягушку, пойманную в пруду. А из болота рождались существа, принадлежавшие совсем другому миру: трехголовые птицы, читающие утконосы, лошади, похожие на белок, летающие рыбы. Никто ничего подобного раньше не видел и не слышал. Петрониус знал: красный цвет туники Христа означает любовь. Он догадывался, что эта любовь распространяется только на людей, а не на весь живой мир. Петрониус удивлялся лишь тому, как любовь и смерть сосуществуют в раю. И все же в настроении картины было что-то не так. Адам и Ева не выглядели виноватыми. Адам смотрел вверх, а Ева — вниз, на землю, будто стыдилась.

— Не стыд заставляет ее смотреть на землю. — Якоб ван Алмагин прочитал его мысли.

— Тогда что же?

Петрониус знал, что первые часы, проведенные в раю, были полны нежности и невинности. Никто еще не отведал запретного плода с дерева познания.

Петрониус посмотрел Еве в лицо, вплотную приблизился к ней и понял, что беспокоило ее. Она не хотела склоняться перед Адамом. Она сопротивлялась, но сдалась под давлением силы Иисуса и Нового Завета. Ева стала женой первого жителя рая не добровольно. Возможно, это нарушило идиллию и побудило мастера Босха наполнить игры животных насилием?

Петрониус указал на фонтан в центре картины и спросил:

— Это источник живительной влаги, господин?

Якоб ван Алмагин повернулся к мастеру, который снова застонал, изогнулся и прерывисто задышал. Он подошел к Босху и смазал его еще раз с ног до головы. Тело мастера медленно расслабилось, на лице вновь появилась умиротворенная улыбка.

— Он прибыл на место! Сейчас он в раю! — прошептал Алмагин и опустился перед художником на колени.

Фонтан поднимался над серо-голубым островом, состоявшим из камней и колб.

— Этот мир будто раздвоен, — рассуждал Петрониус. — С одной стороны, звери мирно уживаются друг с другом, а с другой — из озера, которое питает вода источника жизни, рождаются адские создания, к примеру, трехголовая амфибия.

Он указал на животное, вылезаящее из воды на правом берегу озера и изучающее окрестности тремя головами на тонких шеях.

И тут будто туман рассеялся перед глазами Петрониуса. Он выпрямился на кушетке. Картина стала оживать на глазах.

В отверстии фонтана сидела сова и наблюдала за внешним миром. Эта птица была символом мудрости и фальши одновременно, атрибутом сатаны и знаком ереси. Это могло означать: будь бдителен, не дай себя обмануть! Голубизна острова предостерегала. Голубой цвет — цвет обмана. Здесь были собраны камни мудрости и колбы, с помощью которых ученые пробовали найти *Quinta essential*⁸.

— Зло всегда существовало в этом мире, — коротко подытожил Петрониус.

— Зло и обман! Лишь тот, кто внимательно взглянет на картину, заметит послание, вплетенное в полотно вашим мастером.

Якоб ван Алмагин вымыл руки в тазике с водой, которого Петрониус раньше не заметил. Он добавлял какое-то вещество, заставлявшее воду пениться. Кивнув в сторону мастера, Алмагин сказал:

— Мы должны укрыть его. Через час он снова проснется. И тогда я рекомендую вам исчезнуть отсюда. Никто и никогда не видел его в таком состоянии, и он точно не пожелает, чтобы кто-нибудь об этом узнал.

Петрониус украдкой наблюдал за пенящимся веществом, которое легко удаляло жир с рук Якоба.

— Только один вопрос, господин! — произнес Петрониус. — Птицы на заднем плане... они появляются на свет, облетают мир и возвращаются к исходной точке. И тут разделяются на темных, уходящих в яйцо, и светлых, которые уходят в рай и могут развлекаться там. Я понимаю, это всеобщий круговорот природы от жизни до смерти. Но почему птиц разделяют?

Якоб ван Алмагин укрыл дрожащего мастера одеялом. Провел рукой по лицу художника, и снова на нем появилась странная улыбка. Затем Алмагин пояснил:

— Ответ даст понимание, Петрониус Орис. Подумайте. А теперь оставьте нас. Я буду здесь и дождусь его пробуждения. Идите спать!

Петрониус спустился вниз по лестнице и лег на свою койку. Но сон не приходил, воспоминания не давали заснуть. Пережитое бродило внутри, как плохо переварившаяся пища. Он что-то упустил на этой картине. Если Иероним Босх упрекнул его за сцену рая, где Ева выходит из головы Господа Бога, и сказал, что это прямой путь на костер, то сам он — первейший кандидат для псов инквизиции.

Внезапно Петрониус вспомнил, что у него спрятана картина, ставшая причиной гибели Майнхарда. В голове все смешалось. Он должен найти Длинного Цуидера и спрятать картину!

Петрониус решительно поднялся с постели и надел сапоги. День обещал быть трудным, и начать его нужно было пораньше.

XIX

На несколько дней солнце и жара накрыли город бархатным покрывалом. Горожане были измучены душными летними днями. Женщины в легких платьях привлекали восхищенные взгляды мужчин, которые, собравшись в группы, обсуждали, как идут торговые дела в Брюгге и Антверпене, подшучивали над причудами политики Максимилиана и удивлялись быстрым темпам строительства собора Святого Иоанна.

Свежий дневной ветер с необычайной легкостью нес Петрониуса сквозь уличную толпу к собору.

Длинного Цуидера он увидел перед храмом. Нищий сидел на корточках с вытянутой вперед ногой, спрятав голову под капюшоном и протянув для подаяния костлявую руку.

— Подайте, пожалуйста, самую малость, самую малость!

Петрониус узнал Цуидера по палке с характерным набалдашником, сунул нищему медную монетку и прошептал, чтобы тот следовал за ним. Длинный Цуидер кивнул. Вскоре Петрониус открыл тяжелую дубовую дверь собора и скользнул внутрь. Он прошел по еще строящемуся храму, в котором разносился стук топоров каменотесов и гул многочисленных голосов, улетающих в небо, — крыша до сих пор не была завершена. Через северные ворота Петрониус снова вышел на улицу. Величественные своды храма бросали мрачную тень на переулок, и молодому человеку на мгновение стало холодно. К большому удивлению, нищий уже ждал его там.

— Художники в этом городе становятся все щедрее, — съязвил Цуидер и повертел медной монеткой. — Мне отложить ее на черный день? Ну не смущайся, Петрониус, что тебе нужно?

Петрониус рассказал о нападении на возницу и о разбойниках.

— Я уверен, это были доминиканцы. Монахи, переодетые в разбойников!

Длинный Цуидер кивнул:

— Я знаю. Босх выехал из своего имения навстречу. Он нашел сожженную повозку и костюмы, сразу же отправился в Ден-Бос и

рассказал о нападении в ратуше. Однако вряд ли он чего-нибудь добился бы, даже если бы схватил патера Берле за руку.

Петрониус укутался в куртку. От собора веяло холодом. Он собирался задать следующий вопрос, когда из-за угла показалась процессия.

— Кающиеся! — прошептал нищий и увлек приятеля в тень собора.

Процессия проследовала на рыночную площадь. Звон цепей на ладанках, монотонное пение в такт шагов и удары плетки сопровождали шествие. Лица кающихся были скрыты черными шапками, грудь обнажена, черные штаны едва прикрывали ноги. Они стегали себя по спинам плетками-семихвостками, пропитанными потом и кровью.

Пока процессия приближалась, нищий ворчал:

— С тех пор как монахи стали платить кающимся супом и медными монетами, появилось много желающих. Почти каждую неделю такая процессия проходит по городу. Нельзя допускать, чтобы кровавые следы последнего бичевания были видны на спине. Поэтому умельцы заменяют металлические шарики на концах плетки узелками из ткани. Кожа остается целой, и кающиеся могут через неделю снова выходить на улицу зарабатывать деньги. А спрос на бычью кровь растет.

Процессию в черных капюшонах сопровождали несколько доминиканцев; те размахивали ладанками и держали в руках свечи.

— Если попадешься им на пути, они заставят и тебя взять в руки плетку. Таким образом они хотят очистить тебя и весь мир. Тупые болваны! — добавил он. — Что еще ты хотел узнать?

Петрониус оторвал взор от кающихся.

— Что говорят о Якобе ван Алмагине? Тебе удалось что-нибудь выяснить?

Нищий ухмыльнулся, подождал, пока бичующие себя грешники не прошли мимо и не свернули к соборной площади.

— Я могу выяснить все, мой друг! Якоб ван Алмагин — еврей. Добрых сорок лет назад — это было еще до моего прихода в Ден-Бос — он сменил веру. Но не так, как все. Влиятельный человек. Если бы ты назвал мне настоящее имя, под которым он живет здесь, я бы сразу сказал тебе, кого ты имеешь в виду. Его имя магистр Филипп ван

Синтиан. Большой ученый с непререкаемым авторитетом и высоким положением. Весь мир стекается к нему, если речь идет о церковных и научных делах. Он академик и профессор в университете.

Петрониус присвистнул.

— Подожди, друг, самое интересное впереди. Представь себе, на его крещении присутствовал Филипп Прекрасный со свитой. Правитель Брабанта. С Босхом он познакомился в братстве любимых женщин. Ладно, для начала хватит, мой друг. Надеюсь, это удовлетворит тебя. Ты рисуешь одного из самых известнейших людей мира. Не много и не мало. Он переписывается с величайшими умами.

Длинный Цуидер подошел ближе. С соборной площади к ним приближалась еще одна группа доминиканцев.

— Ну а теперь — самое интересное. Про него говорят, что он тайно занимается алхимией. Хотя никто до сих пор не мог доказать это. Филипп Прекрасный запретил проверять ученого, но четыре года назад он умер. Господь Бог на стороне Алмагина. С тех пор ничего не слышно про эксперименты этого ученого. Одно время он путешествовал по Европе. И вот полтора года назад снова появился в городе.

Монахи подошли совсем близко. Нищий увлек Петрониуса к боковой двери собора.

— Уйдем отсюда. Здесь пахнет паленым! — проворчал он, когда закрылась дверь.

Вслед за ними дверь снова скрипнула, но они не обратили на это внимания.

Петрониус не видел монахов, однако почувствовал их присутствие. Когда он вошел в трактир, в нос ударил запах пива и вина, да еще аромат ладана. И действительно, в дальнем углу рядом со стойкой, перед выходом во двор он нашел святош. Один из жестянщиков, сидевших вокруг старой бочки, поймав взгляд Петрониуса, шумно потянул носом и плюнул на пол.

— Сброд! — проревел он.

Петрониус кивнул. Если псы Господни сидят в трактире, это означает только одно. Они готовятся к проповеди прямо здесь. Художник уже слышал, что в своем миссионерском усердии монахи сами шли к тем, кто не хотел по доброй воле посещать храмы. Они проникали во все трактиры и проповедовали там, служили мессы и вечерни и провозглашали, что Бог среди них. А в конце посылали по кругу шапку.

После нападения на Майнхарда Питер не появлялся в доме мастера Босха. Петрониус стал всерьез подозревать товарища в том, что тот предал его, но выяснить это можно было только при встрече. К тому же его удивляла странная манера назначить свидание: зачем понадобилось прибегать к записке?

В трактире было необычно тихо, и виной тому являлись монахи. Своим присутствием они убивали свободу и веселье.

Петрониус протискивался сквозь толпу, мимо широких спин и потных кожаных кафтанов. Раздался свист. Петрониус прислушался. На другом конце пивной он увидел странный головной убор Питера, незаметный от дверей. Петрониус помахал рукой. Пробираясь к приятелю, он получал пинки и удары, слышал брань, но добрался до места целым и невредимым.

— Где ты был? — спросил Питер и снова опустил голову.

— Мне помешали. Но что случилось? Почему ты прячешься?

Питер взглянул на Петрониуса, и тот обратил внимание на странный блеск в его глазах.

— У тебя неприятности? Тебе нужны деньги? Я могу тебе чем-нибудь помочь?

Питер покачал головой. В этот момент Зита поставила перед Петрониусом кружку пива, кокетливо прижалась к нему, игриво щелкнула по лбу и исчезла.

— О чем ты хотел поговорить со мной? — нетерпеливо спросил Петрониус.

Увидев Зиту, он вспомнил, что едва не погиб во время последнего путешествия.

Питер опасливо огляделся. Сидевшие вокруг пили пиво, болтали с соседями или остекленевшим взглядом смотрели на кружки. Питер перешел на шепот, и Петрониус наклонился к нему, чтобы лучше слышать слова.

— Ты хотел узнать о братстве!

Петрониус кивнул и весь обратился в слух.

— «Братья лебеда», или братство любимых женщин, как эти люди себя называют, много делает для города. К братству принадлежат влиятельные мужи. Они собирают своих членов на проповеди, провожают умерших горожан в последний путь, раздают бедным хлеб и предоставляют собору Ден-Боса музыкантов. Кроме того, они поставляют украшения и картины для алтаря. Несколько заказов от братства получил и мастер Босх.

— Послушай, Питер. Ты не открываешь никому никакой тайны. Я узнал все сам. По этой причине тебе не нужно скрываться. Примерно тем же занимаются в других городах похожие братства, — прервал его Петрониус.

Он был раздражен, но, увидев красные, опухшие от бессонницы глаза Питера, смягчился:

— Где ты провел последние ночи?

Питер усмехнулся, глаза его блестели:

— В разных местах.

Сделав глоток из кружки, Петрониус перехватил жадный взгляд Питера.

— Выпей, пока тебе принесут пива, — предложил он. Приятель с благодарностью отпил из кружки и продолжил:

— Это еще не все. Каждый год братство выделяет деньги на мистические представления, сатанинские танцы, проделки и прочие развлечения. На эти деньги покупают дорогие ткани и костюмы.

Петрониус снова прервал его:

— Зачем ты мне это рассказываешь? Переходи к главному.

Прежде чем Питер смог продолжить рассказ, по трактиру пронесся голос монаха:

— Будь благословен, Иисус Христос!

В ответ медленно прозвучало:

— Во веки веков, аминь!

— Братья и сестры!

Недовольный тем, что им помешали, Петрониус повернулся и стал наблюдать за происходящим в трактире. Одетый в черно-белые одежды монах был преисполнен чувством ответственности. Петрониус обвел взглядом присутствующих: каким разным было выражение их лиц! Отсутствие интереса и скука на одних, фанатизм — на других.

Священник оказался опытным проповедником. Он быстро протиснулся в середину толпы, работая руками и ногами, чтобы освободить для себя место. Одну руку поднял над собой ладонью вверх и начал проповедь. Худой аскет с впалыми щеками и беззубым ртом — он стоял и вещал в толпу громовым голосом, пока все кругом не смолкло. Доминиканец наслаждался наступившей тишиной, все взгляды были прикованы к нему.

Питер потянул Петрониуса за рукав и прошептал:

— Ты собираешься это слушать?

Петрониус покачал головой и снова повернулся к товарищу:

— Какая наглость! Я думал, доминиканцы не читают проповедей.

Питер закатил глаза и крепче вцепился в рукав товарища:

— Послушай, пожалуйста! «Братья лебедя» — очень почтенное и достойное общество!

Тут снова раздался громовой голос доминиканца. Его глотка-труба провозгласила волю Господа. Монах шепелявил. С шипением змеи, которая, казалось, опутывает всех присутствующих, он обрушился на обжор и развратников тоном, не терпящим возражений:

— ...и сытые, у которых все есть и которые наслаждаются жизнью, должны бояться адского пламени, так как они хотят сохранить все для себя. Их ждет вечный огонь, сжигающий не только плоть. Дьявол и его душа и души тех, кого он увлекает своими когтями в это пламя, потому черны, что огонь этот прожигает все в человеке до бессмертной души, плавит ее и варит, пока она не превратится в дым, подобно маслу на сковороде.

Питер снова потянул Петрониуса за рукав.

— А теперь ты наконец слушаешь меня! Братство — только вершина, красивый фасад. За ним скрывается другое...

Петрониус сразу забыл про монаха.

— Что же не так с этим братством?

Питер схватил его за руку и приложил палец к губам. Упорный монах продолжал шипеть:

— Если он перечит и топчет законы любви к ближнему и к Господу Богу и если при этом верит, что заслужит милосердие церкви и будет принят в ее лоно, как она принимает нас, то он ошибается и его настигнет гнев Божий.

Питер почти лег на стол, чтобы говорить Петрониусу в самое ухо. В этот момент к столу подошла Зита. Она принесла пиво для Питера. Было видно, что девушку злит проповедь монаха. Заказов стало меньше, многие покидали трактир.

Петрониус поднял кружку и предложил Питеру составить ему компанию. Они сделали по большому глотку, поставили кружки и продолжили разговор. Петрониус наклонился к Питеру, чтобы узнать, что еще тот может рассказать о братстве.

— Оно... оно лишь видимая часть.

Питер смотрел на него с невыразимым ужасом. Петрониус оторопел.

— ...его поразит молния, и тот, кто думает, что может отвернуться от лика церкви и не воздать ей должное... — кричал монах.

В это мгновение Питер сполз со стула, ударился подбородком о стол и упал, закатив глаза, на пол. Окружающие начали оборачиваться на шум. Даже монах замолчал. Петрониус услышал хрип приятеля.

Возгласы удивления прорезали тишину трактира. Петрониус замер.

— Дьявол соберет урожай среди предателей и призовет их к себе в любой час, отравив их ядом, опьянив и развратив! — с пеной у рта прокричал монах и указал пальцем в сторону Петрониуса и лежавшего под столом Питера.

— Убийца!

Произнесенное в задних рядах слово эхом разнеслось по пивной. Возницы, носильщики, жестянщики, скорняки, дубильщики, кузнецы, сапожники отодвинулись от Петрониуса. Он склонился к Питеру, схватил его за руку и вытащил из-под стола. Посиневший язык подмастерья виднелся между зубов, глаза были неестественно выпучены. Питер был мертв.

«Яд, — пронеслось в голове Петрониуса, — яд в пиве!»

— Убийца! — повторились крики.

— Убийца!

Кто-то схватил Петрониуса за плечо и оторвал от Питера. Художник узнал монаха, шепеляво повторявшего обвинение. Посетители медленно окружали Петрониуса. Он смотрел им в глаза, ошеломленный произошедшим, и видел лишь ненависть и жажду расправы. Только присутствие монаха сдерживало толпу.

Питер хотел что-то сообщить ему, но он не слушал. Теперь Петрониус понимал, чего боялся его товарищ.

— Я не делал этого! — защищался художник, однако его голос звучал робко и неуверенно.

Наконец монах отпустил Петрониуса и громовым голосом заявил:

— Опальные останутся опальными, осужденные — осужденными, проклятые — проклятыми.

Будто по команде из первых рядов раздались крики:

— Повесить его!

Петрониус закрыл лицо руками. Градом посыпались удары и пинки.

Неожиданно громкий голос заставил толпу застыть и отступить от Петрониуса.

— Почему вы нападаете на невинного? Лучше по справедливости накажите виновников. Я видел, что художник ничего не делал. Истинные убийцы уже скрылись!

На пороге стоял патер Иоганнес Берле. Он указал рукой на выход.

— Они направились туда. Рыжий бородач и его сообщник, тощий, в черной куртке.

Группа мужчин с готовностью устремила за беглецами. Патер Берле подошел к Петрониусу, наклонился к нему и тронул за руку:

— Встань, сын мой! С тобой в этом городе больше не случится ничего плохого.

Петрониус с трудом поднялся. Спина болела от ударов, на губах чувствовался солоноватый вкус крови.

Инквизитор положил на плечо Петрониуса руку и тихо прошептал:

— Надо уходить, я не знаю, как долго смогу удерживать толпу, готовую расправиться с вами.

Обращаясь к посетителям, Берле громко сказал:

— Отнесите умершего в кладбищенскую церковь и положите на носилки. Через три дня мы воздадим ему все почести. А этого человека оставьте в покое. Он невиновен.

Монах повел Петрониуса к выходу, где их остановила Зита:

— А кто заплатит за мертвого, да еще и за живого?

Петрониус вытащил из-за пояса кошельки, порылся в нем и достал две монеты, которые с лихвой оплатили все. Затем патер быстро вытолкнул его за дверь. Когда они оказались на улице, неподалеку мелькнула чья-то тень — человек споткнулся и выронил палку. Петрониус узнал ее по характерному набалдашнику.

Прохладный вечерний ветер благотворно подействовал на художника. Он постепенно приходил в себя.

Неожиданно патер Берле остановился.

— Думаю, я оказал вам большую услугу. Без моего вмешательства вы уже висели бы на этом крюке.

Он кивнул на крюки прямо над вывеской трактира, на которых в старые добрые времена закрепляли флаги и гербы. Петрониус не знал, что ему делать — радоваться или плакать.

— Вы знаете, что невиновны, и я знаю. Но люди думают, что вы отравили своего товарища, и будут верить в это завтра, и послезавтра, и через неделю. Проявите благоразумие, Петрониус Орис! Одно мое слово — и крюк ваш.

Петрониус догадывался, куда клонит патер Берле.

— Тогда я буду висеть далеко от ладана ваших кающихся и выше, чем слава продавцов душ с их искуплением грехов.

Патер сдержанно рассмеялся:

— Ну, по крайней мере чувство юмора вам не отбили. Однако не забывайте обо мне.

С этими словами он ушел, оставив художника на улице одного. Сутана патера прошелестела по переулку.

Неожиданно Петрониус услышал за спиной стук дерева по мостовой. Это Длинный Цуидер поднял свою палку.

— Теперь ты у него в руках, Петрониус! — прокомментировал нищий. — Поверь мне, ты будешь целовать его руки и мыть его ноги... и не только это!

Петрониус стоял перед домом мастера и смотрел на ступеньки, ведущие к двери. После того, что произошло в трактире, они казались ему непреодолимыми.

Похоже, Петрониус действительно притягивает к себе несчастья, как мед пчел. Прав был Майнхард, но он уже мертв. Только в присутствии Петрониуса происходят такие странные события.

На чьей совести смерть Майнхарда, Петрониус знал. Но Питер? Кому понадобилось убивать ученика художника? Причастен ли к этому мастер Босх? Что думать? Можно ли поговорить о случившемся с другими подмастерьями? Или среди них скрывается предатель, доносящий кому-то обо всем, что происходит в доме?

Все смешалось в голове у Петрониуса. Надо заснуть, закрыть глаза и ни о чем не думать.

Подмастерье сделал два шага вверх по ступенькам и нажал на ручку. Дверь была не заперта, что очень удивило художника. Все наверняка уже отдыхают. Обычно ученики спали на втором этаже в маленьких комнатках. Роскошь, дарованная мастером.

Усталость, боль и подавленность как рукой сняло. Петрониус насторожился. Что означает открытая дверь? Может, в дом проник вор? Или виновата просто чья-то забывчивость?

Подмастерье с величайшей осторожностью отворил дверь и проскользнул в дом. Затем остановился и прислушался. Юношу встретила кромешная тьма и звенящая тишина. Петрониус уже подумал, что напрасно беспокоился, но тут какой-то неясный шорох заставил его вновь насторожиться. Из дальней мастерской доносились приглушенные голоса. Звуки эти были похожи на щебетание влюбленной парочки. Может, один из подмастерьев Босха оставил свою натурщицу на ночь?

Петрониус медленно двинулся вперед. Казалось, прошла целая вечность, пока он добрался до мастерской. Однако там никого не было, хотя голоса звучали теперь ближе, чем раньше. Только бледный лунный свет из сада проникал в помещение.

Юноша растерялся. Парочка беззаботно продолжала беседовать. Петрониус вплотную подошел к стене, отделявшей мастерскую от улицы, и приложил ухо к деревянной переборке. Теперь он отчетливо различал голоса.

— Я могу дать вам алфавит. Я проговорю каждую букву. Но писать должны вы. Вы ведь *insignis pictor*, а не я.

— Для этого нужно совсем иное существо. Чудовище, ангел или Бог. Я же просто человек!

— Не скромничайте! У вас богатые идеи и необычные чувства. Мысль ввести в вашу картину воздушную перспективу была гениальной. Никто и никогда еще так не писал. Зритель будто находится перед раскрытой книгой: стоит заглянуть в нее, и ты увидишь весь мир и все поймешь. Он читатель, и его заставляют читать. А идея рождена вашей кистью, мастер Босх.

— Так я вижу эти картины в полете, меестер Филипп. Будто я улетаю за пределы этого мира. Ночи пожирают меня. Посмотрите, я стал похож на скелет. Перед полетом я никогда не знаю, вернусь ли назад в этот мир.

Петрониус не дышал, а еще он не понимал, как за стеной, где нет ничего, кроме пожарного люка, могут беседовать два человека. Хотя голоса звучали необычно, Петрониус узнал их: мастера Босха и Якоба ван Алмагина, которого Босх называл по имени, данном при крещении. И все же подмастерье был готов поклясться, что разговаривают мужчина и женщина. Петрониус мог лишь предполагать, о чем они беседовали. О каких полетах говорил мастер? Связаны ли события прошлой ночи с этим разговором?

Петрониус прижался к стене. Там что-то шелестело, трещало дерево, его скребли, что-то брали и ставили на место.

— Нарисуйте мне ваши видения и лица, сделайте наброски фигур и сцен, которые наблюдали там, а я соединю все в единое целое. У нас получится, но надо торопиться. Доминиканцы затягивают узел. Предатели есть и среди нас. Круг истинно верующих редеет.

При слове «предатели» Петрониус замер. Может быть, Питер был одним из них и поэтому его убили.

— Если я сам не буду понимать, что рисую, не потеряет ли картина своего значения?

— Ни одна книга с классическими идеями не может быть незначительной. А наш триптих должен стать именно такой книгой, справочником! Возьмите Источник жизни. Разве зритель не увидит, что углубление в основании Источника — это центр рая? Разве не различит там глаз со зрачком, в котором сидит птица — сова, символ мудрости и разума? Разве это не означает, что душа человека отражается в его глазах? Значит, если душа хочет узнать себя, она должна заглянуть в себя — а куда смотреть, если не в глаза? Простые послания, воплощенные в простые картинки.

— Но сова — двойкий символ, — возразил Босх.

У Петрониуса пересохло в горле. За стеной Якоб ван Алмагин тихо рассмеялся:

— А вам недостаточно, что мне открылся истинный смысл?

— Если послание обращено к братству, то братья и сестры должны суметь прочесть то, что там написано.

— Они поймут. Тему человеческой любви понять легко. Средняя часть триптиха предоставит достаточное количество примеров. Ангельская любовь, любовь без телесного слияния. Исключение составляет слияние с Богом, и эта любовь должна быть возрождена. Вы нарисуете ее. Мы покажем им, что здесь скрыта подлинная история происхождения мира. Картина станет исходной точкой медитации. Достаточно тематизировать только середину картины.

Петрониусу мучительно хотелось кашлять. Ему нужно было что-то выпить или по крайней мере прокашляться. Но он не желал ничего пропустить и не мог отлучиться.

— Разве не говорил Ян Рейсбрек, что гибель чувств и есть рождение истины? Так и нужно рассматривать эту картину, мастер Босх. «Если человек не в состоянии понять суть, пусть безмолвствует. Сущее само поймет его». Если позволите прокомментировать это изречение, то оно означает только одно: я опустошаю себя во время медитации, если я предамся лицезрению Источника жизни, из увиденного само собой вырастет вожденное богатство. Богатство не в прямом смысле слова. Это будет переживание особого рода, мастер Босх.

Последние слова ученый произнес так тихо, что Петрониус с трудом разобрал их. Подмастерье соотнес объяснения ученого со своим опытом. Источник жизни явился ему в виде храма таинств, из

которого вытекали четыре райские реки. Теперь он понимал, что глаз, о котором говорил Алмагин, — своего рода ларец, в котором скрыта тайна картины. Петрониус чувствовал: мастер приоткрыл ларец, но не показал всего содержимого. Сова символизирует знание запретного, скрытого, взгляд в невидимое, и об этом, невидимом, он говорит, но скрывает его.

— За работу, меестер Филипп! Нужно подготовиться к завтрашней молитве после захода солнца в соборе. Брат из Брюсселя желает поговорить с нами. И мы должны представить «Рай» для медитации. Это как раз в вашем духе.

Ученый рассмеялся. Петрониусу показалось, что мужчины поднимаются по лестнице. Во всяком случае, он не расслышал ответа, так как голоса затихли вверху.

Петрониус осторожно откашлялся и прислонился к стене. Его разум был смущен: пуст и одурманен одновременно. Он не знал, что думать и как видеть. Нужно выспаться, а завтра он подождет в соборе до захода солнца.

Петрониус проскользнул в свою каморку, запер дверь и лег на кровать. Окно оставил приоткрытым. Его сознание угасало медленно. Одна мысль не давала покоя: кто бы ни был виновен в смерти Питера — даже если это сам Босх, — ему не избежать костра. Петрониус поклялся в этом.

XXIII

После зноя летнего дня прохлада собора заставила Петрониуса поежиться. Под колоннами еще недостроенного храма стояли торговцы рыбой, предлагавшие свой товар, мясники со всего города укрылись в тени храма. Ростовщики стояли рядом с суконщиками, нищие вместе с горожанами ждали вечерни. Так как большинство горожан перебрались в послеобеденный час с душных улиц под своды незаконченного собора, сюда пришли и проститутки в поисках мужчин, а сутенеры ждали за колоннами, чтобы получить деньги.

В углу священник исповедовал горемыку, в нескольких шагах от них мужчина расплачивался за быстрое счастье за пыльными шторами. В капелле Святой Марии, крыша над которой уже была завершена, монах совершал свой молебен. Несколько женщин слушали мессу, стоя на коленях на холодном каменном полу, чтобы причаститься телом Христовым.

Петрониус заметил воришку, который прислонился к колонне и оценивающе рассматривал проходивших мимо мужчин и женщин. Быстрый толчок, короткое прикосновение к груди, негромкий возглас, и кошелек стремительно передан сообщнику. Бурные извинения, и ловкач вновь занимает место за колонной, уходящей в вышину серого неба. Парень хорошо знал свое дело, и Петрониус плотнее прижал к себе кошелек.

Через небольшую дверь в деревянном ограждении, отделявшем ее от главного нефа, Петрониус прошел в уже достроенную капеллу Святой Марии и стал рассматривать работу мастера Босха. Сюжет из Библии был изображен на нескольких полотнах: история Авигеи, коленопреклоненной перед Давидом.

На левой части изображались посланники Давида. Они передали Навалу, супругу Авигеи, весть о мире и были изгнаны из его дома.

В центре картины Босх изобразил коленопреклонение Авигеи перед Давидом. Вокруг нее лежали подарки: двести хлебов, бурдюки с вином, прекрасные овцы, поджаренное зерно, пироги, высушенный виноград, — и стояли ослы, которые привези все это богатство Давиду.

Третья картина рассказывала о том, как Господь покарал Навала болезнью и убил, а Давид похитил Авигею. Карикатурное лицо Навала с выражением глупой наивности испугало Петрониуса. Он уже видел эти наброски на свитке, который должен был доставить в Оиршот. Сходство с патером Иоганнесом заставило его содрогнуться.

Обнаженная Авигея бросилась ниц перед Давидом. Она предлагала себя в знак искупления. В такой интерпретации сюжет был неизвестен Петрониусу. Однако картина завораживала.

А создания, которые на последней части триптиха спешили с небес и выползали из земли, чтобы напугать Навала!.. Никогда раньше Петрониус не видел таких монстров, такое скопище жутких образов из самых страшных кошмаров.

— Что должно происходить в этой голове, сын мой, чтобы на свет явились такие ужасы? Может, он одержим дьяволом и потому так рисует, или его фантазия превосходит нашу?

Петрониус испугался, но быстро взял себя в руки.

— Это редкий дар: придавать людским страхам, не имеющим названия, зримые формы. Они пробуждают у зрителя ужас, который вызывают неясные сновидения.

Патер обошел вокруг Петрониуса, потирая подбородок, будто размышляя. Гул его шагов тонул в шуме торговых рядов под колоннами храма. Петрониус посмотрел на хор. Перед алтарем собралась группа людей. Похоже, скоро начнется вечерняя служба. Одни взяли складные стулья, другие опустились на колени или присели на корточки, остальные просто стояли. Богато одетая дама помахала рукой только что вошедшему через главный портал мужчине, подбежала к нему, преувеличенно страстно поцеловала его, и, взявшись за руки, они обратились к службе.

— «Дом мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников». Разве не так говорил Иисус, придя в Иерусалим и вышвырнув торговцев и менял из храма Божьего? И разве не сделали из Дома Господнего снова разбойничье гнездо? Разве люди и картины не отражают те же пороки и грехи? А если посмотреть лучше — это пороки дьявола.

Патер небрежным жестом с презрением указал туда, где смешались торговля и проповедь. Счетовод шел по рядам молящихся и

громко восхвалял свою бумагу с «чудодейственным воздушным знаком».

Петрониус обратился к патеру Иоганнесу. Он мог сейчас говорить начистоту и знал это. А разве можно промолчать, услышав такое? Художник не мог позволить сравнивать своеобразное искусство мастера Босха с нечистыми делами ростовщиков и торговцев голубями.

— Вы забываете, что мир отражается в этой церкви как в зеркале. Внутри все выглядит так же, как и снаружи. В вашей власти выбросить отсюда торговцев, как сделал Иисус. Почему вы не поступите так же? Потому что зарабатываете на них. Так легче найти доступ к вашей «овечке» или, правильнее сказать, к вашим «овцам». Овец надо постригать.

Петрониус говорил с большим пылом, чем хотел. Патер переводил взгляд с картин на Петрониуса.

— Итак, вы оправдываете способ изображения сюжетов на этих картинах? Посмотрите внимательнее на Авигею перед Давидом. Разве женщина должна быть обнаженной? Разве должна стоять в такой развратной позе, порождающей похотливые фантазии? Где же вера и религиозный экстаз? Разве это картина не для похотливого зрителя?

Патер Иоганнес развел руками. Честно говоря, Петрониус тоже не очень хорошо понимал сцену с коленопреклонением Авигеи. Ясно, что нагота, то есть мысль о том, что Авигея открылась Давиду, была не главной для художника.

— У тех, кто думает так, как вы только что выразились, показное благоговение и слабая вера, и все их чувства находятся на грешной земле.

Петрониус знал, что близко подошел к пониманию зашифрованного в картине послания, ближе, чем патер Иоганнес со своей критикой. Инквизитор покраснел. Петрониус мягким голосом, с выражением невинности на лице продолжил:

— Разве Иисус не сказал, что все проникающее в человека извне не может замарать его? И лишь то, что исходит из него, может осквернить. Греховная фантазия при виде Авигеи рождается во мне, потому что я грешен!

Патер взволнованно расхаживал перед картиной, потирая подбородок и стараясь успокоиться.

— А если это послание горстки еретиков, потерпевших поражение? И нагота есть неверно истолкованный реликт рая? Что, если некоторые веруют, будто мы живем в раю, потому что Бог одновременно на равных правах создал добро и зло? Не существует древа жизни в центре Элизиума, не было изгнания из рая, не было херувима с пламенным мечом, охраняющего путь к древу жизни, чтобы человек не пошел к нему, и нет греха в этом мире?

Тирада священника поразила Петрониуса как гром. Конечно, так оно и есть! На первой части триптиха Босх изобразил рай. Древо жизни ушло с центрального места. Добро и зло уже были в раю.

— Кто же прав: еретик или слово Божье, дошедшее до нас через Библию?

Петрониус чувствовал, что патер Иоганнес расставляет ловушку, ловушку, которая может стоить ему жизни.

— Слово Божье появилось задолго до слова человека. Но там, где слово Божье толкуется двояко, разве не позволено человеку воспользоваться своим разумом и фантазией?

— Разумом и фантазией! Единственная фантазия, которая нужна верующему христианину, — это представление о великолепии той жизни, чтобы он смог вынести испытания этого скорбного мира. — В голосе патера звучала ненависть, глубочайшая ненависть. — А кто стоит на пути познания, тот заражен злом и должен быть просвещен. *Veritas extinguit!* Правда убивает. Мы предадим его очистительному огню, чтобы выгорело все плохое и остались лишь чистота и огонь веры.

Петрониус понимал, что не должен больше произносить ни слова. Любое замечание инквизитор может обратить против него, и на костре инквизиции станет одним поленом больше.

— Вы все грешники. Босх, Алмагин и Питер. Я видел страх в его глазах. Я видел его совесть, черную от греха и еретических мыслей. Он дрожал перед ликом смерти как осиновый лист. И ему не помогла его поганая вера!

Патер Иоганнес так близко подошел к Петрониусу, что запах лаванды, исходивший от сутаны, ударил подмастерью в нос и он чихнул. Глаза инквизитора горели, в то время как у художника все внутри похолодело.

— Вы защищаете своего мастера. А я думаю, что только из-за одних картин он заслуживает костра. Я убью его как дичь, затравлю на охоте и, нанося смертельный удар, посмотрю ему в глаза.

Отвернувшись, он продолжил так тихо, что Петрониус едва разобрал слова:

— И он умрет в страшных муках!

Патер зашагал сквозь толпу молящихся, которая расступилась перед ним. Потом резко вырвал из рук счетовода протянутый ему листок.

На плечо Петрониуса опустилась чья-то рука. Он испуганно обернулся.

— Что ты здесь делаешь?

Позади него стояла Зита.

— Кого ты ждешь? — прошептала она и осторожно прикрыла рукой рот Петрониуса, когда тот собрался громко рассказать ей о цели своего прихода в собор.

— Эти колонны имеют уши, а окна — глаза. Даже небо подсматривает за тобой, — улыбнулась девушка. — А оставаться в соборе в сумерках безопасно только для старух.

Жизнь давно переместилась за стены собора. Замолкли молотки каменотесов. Торговцы и проститутки перебравшись на улицы перед храмом. Лишь шаги немногочисленных молящихся раздавались под сводами храма и замирали перед одним из алтарей.

— Скоро придет мой учитель, и я должен предостеречь его.

Зита вскинула бровь:

— От кого?

Петрониус помедлил, но решил сказать хотя бы часть правды.

— От инквизитора. Он собирается травить учителя.

— Это делают многие, — прошептала она. — Но у твоего мастера влиятельные друзья, более влиятельные, чем доминиканцы. Поэтому патер его и пальцем не тронет. Ты можешь спокойно идти домой. Ляг в кровать, Петрониус, круги под глазами не красят тебя.

Художник ощутил аромат, исходивший от девушки.

— Сегодня нет брони против всех мужчин. Ты вышла на охоту и поэтому отправляешь меня спать.

В глазах Зиты вспыхнул лукавый огонек и тут же пропал в длинных ресницах. Она подошла к Петрониусу так близко, что он почувствовал ее дыхание и ощутил прикосновение ее платья. Зита потрепала его по щеке и с издевкой бросила:

— Не всякая одинокая женщина ищет себе женихов, Петрониус. А теперь иди домой, завтра у меня будет больше времени для тебя.

Зита оттолкнула его.

Что-то тут было не так, Петрониус почувствовал это. Почему Зита хочет избавиться от него?

— У тебя здесь назначена встреча? С женщиной?

Прежде чем Петрониус успел договорить, прозвучал ответ, как удар хлыста:

— Не смей даже думать об этом! Я никому не принадлежу: ни тебе, ни кому-то еще. И если я разговариваю с женщиной, то только потому, что я этого хочу! Исчезни!

Последние слова Зита произнесла так серьезно и настойчиво, что Петрониус подчинился ее воле. Он сделал несколько шагов к выходу и остановился за мощными колоннами. Нельзя уходить очень далеко, чтобы не пропустить мастера Босха и Якоба ван Алмагина. Он ждал. Петрониус слышал, как удалилась Зита. Неожиданно в другом конце собора тишину нарушил стук двери главного портала. Петрониус прислушался: ни шагов, ни дыхания. Кажется, кто-то вышел из собора. Когда Петрониус выглянул из-за колонны, Зиты не было видно.

Он тихо позвал:

— Зита! Покажись!

Никто не ответил. Он уже потерял надежду, когда услышал, как кто-то семенит по полу. Звук эхом разносился под сводами собора, и казалось, шаги слышатся со всех сторон. В свете полумесяца Петрониус заметил, как в северной части на хорах промелькнула чья-то голова и скрылась в тени за колоннами. Там находилась часовня, однако деревянная стена отделяла уже законченный крестовый свод собора от остальной церкви.

Петрониус решил посмотреть, что происходит, и стал осторожно пробираться в обход. Деревянные ворота были закрыты; юноша тихо отворил тяжелую дверь и действительно услышал доносившийся из дальней часовни стук, скрип дверных петель, далекий шепот. Он быстро скользнул в проход. Ниши между колоннами подмастерье использовал как укрытие.

В одной из часовен на прикрепленной цепями лампаде горел неугасимый огонь. От сквозняка люстра покачивалась. Очень осторожно Петрониус подкрался ближе. Открытое пространство было погружено в матовое мерцание красного света. Если Зита здесь, то куда же она пропала? Со своего места художник хорошо видел часовню, и в ней никого не было. Может, существует потайная дверь,

ведущая в тайное помещение? И действительно, он заметил в нескольких шагах от колонны резную дверь в белой и зеленой раме, с красным квадратом посередине.

Петрониус подошел ближе и исследовал дверь, осмотрел толстые брусья, однако не обнаружил никакого механизма. Приложил ухо к двери... там тоже было тихо. Неожиданно подмастерье заметил на полу слабый луч света. Щель! Петрониус наклонился и заглянул в нее. В следующий миг он едва не потерял сознание — в центре маленькой комнаты стояла Зита. Помещение освещалось свечой, которую молодая женщина держала в руке. Петрониус едва не потерял дар речи, потому что Зита была обнажена, как Ева, которая не боялась рая. Упругая грудь с темными маленькими сосками была прекрасна, а распущенные черные волосы густыми прядями падали на плечи.

Что Зита здесь делает? И что означает ее нагота?

Петрониус уже собирался постучать в дверь и позвать Зиту, когда услышал стук входной двери и звук шагов. Подмастерье нервно искал укрытие, но обнаружил лишь узкую щель за алтарем, куда в случае необходимости можно было спрятаться. Он оторвал взгляд от Зиты и едва успел укрыться. Шаги и приглушенные голоса становились все ближе. И вот Петрониус увидел мастера Босха и Якоба ван Алмагина.

— Картина уже в часовне братства, Иероним, и священник ждет, хотя сейчас он ужинает. Он присоединится к нам последним. Мы готовы, вы должны начать Священную мессу.

Они подошли к резной двери и постучали. Дверь сразу же открылась, мастер Босх проскользнул внутрь, и она снова закрылась. Якоб ван Алмагин подождал немного и заспешил в обратном направлении.

Подмастерье опять заглянул в щель. Иероним Босх раздевался и вешал одежду на руку Зиты. На мгновение Зита пропала из поля зрения Петрониуса, затем Босх взял ее за руку и повел вниз по лестнице в глубь часовни. За дверью стало темно. Петрониус прислонился к стене, пристально глядя на красное пламя неугасимого огня.

Что здесь происходит?

— Не шевелитесь, господин!

Одну кисть Петрониус зажал губами, две другие вместе с палитрой держал в левой руке, а четвертой кистью пытался подправить линию подбородка на портрете Якоба ван Алмагина. Он весь кипел. Странное лицо ученого приводило художника в ярость.

— Господин, один вопрос. Вы верите в то, что ученость размывает контуры человеческого тела, так же как во время болезни сглаживаются черты лица?

Алмагин пошевелился, и Петрониусу пришлось опять усаживать его так, чтобы поза соответствовала сделанному наброску.

— Еще немного, господин, и я избавлю вас от этой повинности на целый день.

— Почему вы спрашиваете, Петрониус?

— Потому что легче нарисовать крестьянина в поле, чем вас. У вас привлекательная внешность, но мне этого мало. Знаете, — продолжил Петрониус, смешивая краски на палитре и нанося на холст, — у крестьян на лице есть очертания, углы, яркие тени и пятна.

«У вас ничего этого нет! Вы же словно из теста, скорее женственный, чем мужественный», — хотел сказать Петрониус, но не решился.

— Могу вас успокоить, ученость ничего не меняет во внешности человека, она влияет только на его внутреннее состояние. Кто знает тайны этого мира, мой дорогой Петрониус, тому легче в нем существовать. Об изменениях телесных мне ничего не известно, а особенно о том, что они произошли со мной.

Якоб ван Алмагин разразился громким залившимся смехом.

— На сегодня достаточно, Петрониус. Я слышу, как по лестнице поднимается мастер Босх. Встретимся завтра.

— Мы слишком медленно продвигаемся, господин. А вы так быстро прерываете сеанс. Вы хорошо платите, но я не могу поднимать цену до немислимых цифр.

Якоб ван Алмагин жестом приказал ему удалиться.

Петрониус повиновался. Он сложил палитру, кисти, баночки с красками и масло и подождал, пока мастер Босх не войдет в мастерскую.

— Я... — заговорил он, едва увидев ученого, — я перенесу свою мастерскую в подвал. У меня не хватает сил и дыхания подниматься сюда.

Якоб ван Алмагин встал с кресла и с распростертыми объятиями поспешил к художнику. Они обнялись.

— Чего не хватает у вас, в достатке имеется у вашего ученика, мастер Босх. Он работает превосходно, хотя и недоволен, что мы очень медлим.

— Возможно, он прав, — рассмеялся мастер и, тяжело дыша, опустил в кресло, с которого только что встал ученый.

— Позвольте откланяться, — бросил на прощание Петрониус и направился к лестнице.

И только когда оказался в нижней мастерской, где Энрик работал над пейзажем, Петрониус услышал начало разговора. Он давно подозревал, что портрет был только предлогом для того, чтобы ученый и мастер могли без помех беседовать. Быть может, великий художник боится, что его уличат в дружбе с крещеным евреем? Якоб ван Алмагин обычно приходил раньше назначенного времени, обсуждал что-то с Босхом, затем в течение часа позировал и только поздно вечером покидал дом мастера. В общем, он проводил больше времени за разговорами с мастером Босхом, чем позировал для портрета.

— Не правда ли, она располагает к раздумью? — прервал мысли Петрониуса Энрик, указывая на свою картину. — В конце концов, вы работаете вместе с величайшим учеником величайшего мастера!

После смерти Питера полноватый Энрик поднялся среди подмастерьев, и вполне заслуженно. Его пейзажи были полны воздуха в соответствии с новыми требованиями пейзажной школы Брабанта. Кроме того, Петрониусу нравился веселый характер Энрика. Его маленькие глаза-щелочки светились озорством. И еще Петрониус часто удивлялся, с какой элегантностью маленькие толстые пальцы художника колдовали на холсте, накладывая тончайшие мазки. Только волосами мать-природа обделила Энрика — они редкими пучками торчали во все стороны, не слушаясь хозяина.

— Ну, тогда твой замечательный учитель и покровитель — чулочник, ибо твои чулки в лучшем состоянии, чем твои картины. Или ты называешь эту мазню искусством? — с наигранной серьезностью ответил Петрониус на хвастовство Энрика.

— Ты недооцениваешь важность момента, Петрониус. Ты только что порвал с художником, который пронесет свое ремесло и искусство в следующие века. Твои картины будут тускнеть на сырых стенах в домах ремесленников и торговцев, а мои переживут века и будут выставляться во дворцах!

— Перед окнами, чтобы не пропускать залетных голубей, — усмехнулся Петрониус.

— Ба! — Подмастерье откинул назад свои редкие волосы. — Меня не признают. Такова судьба всех истинных гениев. Они умирают в нищете, как и родились!

— Тогда давай лучше поедим хлеба с маслом, прежде чем ты обеднеешь, Энрик. Ибо я всегда говорю себе: умирать с голоду легче на полный желудок!

— Ты прав, оставим презренное искусство и посвятим себя делу, в котором мы действительно мастера.

Оба рассмеялись, пошли на кухню и отрезали по ломтю хлеба. Наполнили тарелку оливковым маслом, чтобы макать хлеб. Петрониус поставил на стол две кружки, сильно разведенное водой вино, замаринованные в горчице огурцы, которые посыпал базиликом и солью.

— Поистине божественная пища! Давай насладимся ею! — сказал Энрик и тихо добавил: — Пока Босх занят!

Петрониус усмехнулся. Мастер Босх не любил, когда подмастерья растягивали обеденное время.

— Кто отравил Питера? — неожиданно спросил Петрониус.

Приятель сразу смолк и посмотрел на Петрониуса, его лицо помрачнело.

— Если негодяй попадется мне, я оторву ему голову вот этими руками! — после паузы запальчиво произнес Энрик и показал свои сильные, перепачканные краской руки.

— Питер был членом братства? — спросил Петрониус. Энрик пристально посмотрел на него:

— Никак не успокоишься! Ты постоянно думаешь об этом. Возможно, он принадлежал к братству. Но...

Петрониус схватил Энрика за рукав.

— Что «но»?

— А если он хотел уйти от них? Из-за инквизиции, понимаешь? Такое возможно! — Энрик говорил шепотом и боязливо озирался вокруг. — Вряд ли ты имеешь хоть малейшее представление о том, что могла сделать с ним инквизиция.

Энрик макнул хлеб в масло.

— Почему его отравили у меня на глазах? — спросил Петрониус.

Он наблюдал за товарищем. Тот медленно наполнил кружку, поднес ко рту и выпил большими глотками, глядя Петрониусу в глаза. Затем прожевал и проглотил хлеб.

— Кто выдал тайну, должен умереть! Слишком многое поставлено на карту. Жизнь одного за жизнь другого. Именно доминиканцы определяют правила игры в городе. С тех пор как они пришли сюда, смерть стала обыденным делом. — Энрик наклонился, в его усах застряли крошки хлеба. — Ты видел их, когда они подъезжают к лобному месту на площади? Ты знаешь, что значит умереть за убеждения, которые никому не приносят зла? Нет, ты не знаешь этого! Ты ничего не знаешь!

Последние слова Энрик выкрикнул.

— А если я захочу узнать, Энрик? Если захочу стать членом братства? Как мне устроить это?

Воцарилась тишина. Энрик долго пережевывал хлеб, будто собирался с духом.

— Очень просто. Идешь в дом «братьев лебеда» и заявляешь о своем желании.

По краям тарелки блестела желтая масляная полоска, на дне еще оставалось немного масла, его быстро впитывали в себя последние кусочки хлеба. Подмастерья смущенно смотрели в тарелку. Петрониус раздумывал, о чем можно рассказать Энрику. Наконец, несмотря на опасения, что подмастерье на стороне инквизиции, Петрониус произнес:

— Ты знаешь, что я имею в виду. Братство, которое собирается в церкви Святого Иоанна. Как мне стать его членом?

Энрик испуганно посмотрел в глаза Петрониуса, который сразу понял, что попал в точку.

— Послушай, Петрониус, никто не может сказать, есть ли это братство или его нет и никогда не было. И встреч в соборе нет. Но я могу свести тебя с мужчинами и женщинами, которые знают больше меня. Кроме того, тебе нужны два горожанина, надежные, потому что...

— Что? Говори же!

Энрик поднялся, в его глазах снова вспыхнуло веселье. Он будто стряхнул с себя дурные мысли.

— Потому что нелегко приблизиться к таинству. По крайней мере в той форме, которую проповедует братство. Больше я ничего не могу сказать! Действительно не могу. Им нужны личности. Сильные, мужественные, целомудренные в делах и мыслях. Бог мой! Я говорю слишком много.

— И что, Энрик? Можно мне вступить в братство или нет? Энрик, решайся!

Когда Петрониус повернулся, чтобы поставить тарелку в раковину для мытья посуды, в дверном проеме он увидел Якоба ван Алмагина, который, как показалось подмастерью, был разгневан.

Петрониус свернул на улицу Уде-Хюльст направился к бастиону. Он уже чувствовал солоноватую воду канала и слышал крики лодочников, которые изо дня в день привозили в город свои товары. Молодой человек остановился у устья реки на Синт-Йорис-страат. Переулок будто вымер. Где-то здесь, заверил его Длинный Цуидер, в доме для одиноких женщин жила Зита. Уверенным шагом Петрониус подошел к недавно построенному заветному дому аббатства Святой Гертруды, чтобы постучать, как заметил в конце улицы человека, выходящего из принадлежавшего доминиканскому монастырю здания.

Петрониус укрылся в тени дома. Вышедший остановился, осмотрелся, будто хотел убедиться, что его никто не видит, и поспешил в направлении, где стоял Петрониус. Капюшон скрывал лицо, человек был закутан в плащ, взгляд устремлен вниз. Это женщина!

Он узнал ее уже по первым шагам. Когда одетая в черное женщина поравнялась с ним, Петрониус преградил ей дорогу.

— Зита, что ты здесь делаешь?

Девушка вздрогнула, узнав Петрониуса. Когда она заговорила, ее голос дрожал:

— Петрониус, ты?

— Что ты делала в монастыре доминиканцев, девочка? Там живет инквизитор!

— За этим зданием, — тихо возразила она. — Он живет во дворце позади.

— Что доминиканцы хотят от тебя?

Зита рухнула на него, будто у нее подкосились ноги. Петрониус с трудом удержал ее и едва не свалился сам. Раньше Зита не проявляла подобной слабости, подумал он.

— Говори же, Зита, чего хочет священник?

— Он спрашивал о тебе и Длинном Цуидере.

Петрониус поморщился. Снова инквизитор интересуется им, а он не понимает почему. Может, доминиканец подозревает, что рисунок Босха у него. Но как это стало известно?

— Он сказал, что ему от меня нужно?

Зита покачала головой. Неожиданно у нее на глазах появились слезы.

— Что случилось?

Петрониус прижал девушку к себе. Некоторое время они стояли неподвижно. Петрониус наслаждался близостью Зиты, ее запахом.

— Тебе надо исчезнуть из города, Петрониус. Патер Иоганнес очень опасен. Он не может тебя понять. Собирается уговорить тебя помогать ему или же уничтожит. Уходи. Пожалуйста!

Девушка медленно отодвинулась от него. Петрониус не удерживал ее — на улице показалась группа солдат, направляющихся к городским воротам. Он не хотел, чтобы их с Зитой увидели вместе. Неожиданно ему в голову пришла странная мысль.

— Ты знала Яна де Грота? Он был подмастерьем у Босха до моего приезда.

Страх и испуг исчезли с лица Зиты, она встрепелась:

— Откуда тебе известно это имя?

Петрониус посмотрел ей в глаза. Что-то здесь не так. Только что она побледнела, упала в его объятия, расплакалась. И вдруг такая разительная перемена. Это настораживало.

— Я живу в его комнате, и Питер — упокой Господи его душу! — рассказал мне, что Ян исчез. В один день, просто так. Ничего не взял из вещей, ни рекомендаций, ни пожитков. Товарищи предполагают, что он бежал от инквизиции. Зита решительно покачала головой:

— Нет. Ян де Грот... не знаю. В трактире он не появлялся.

Петрониус чувствовал, что Зита лжет. Почему? Связано ли исчезновение Яна де Грота со смертью Питера? Какое значение имел клочок бумаги?

Петрониус заставил себя улыбнуться, обнял девушку и повел по улице. Молодой человек заметил, что она изменила направление. Они встретились на улице Уде-Пиер, а теперь направлялись по Синт-Йорис-страат.

— Длинный Цуидер подсказал мне, что ты живешь в трех домах отсюда.

Зита молча кивнула.

— В пансионе для одиноких женщин.

Она неуверенно оглянулась, и ее тревога не ускользнула от внимания художника. Чего она ждет? Что скрывает?

Перед одним из домов Зита остановилась и показала на верхний этаж:

— Я живу здесь, но не могу пригласить тебя к себе, Петрониус. Тут живут только девушки, незамужние женщины и вдовы.

Петрониус кивнул, хотя ничто не говорило о том, что здесь живет кто-то другой.

— Я иду в трактир. Можем встретиться там.

Зита улыбнулась ему, постучала в дверь и вошла, когда монахиня открыла дверь. В нос Петрониусу ударил запах ладана и хлеба для причастия. Станный аромат для дома, где живут одинокие женщины. На щеке монахини был длинный шрам, отчего казалось, что улыбка не сходит с ее лица.

Петрониус и монахиня обменялись взглядами, затем дверь тихо затворилась. Художник уже собирался направиться в трактир, когда на его плечо вдруг опустилась чья-то рука.

XXVII

— Я наблюдал за вами, Петрониус Орис. Вы вертитесь вокруг Зиты, будто жених. Похоть, мой друг, от дьявола. А вы вкушаете от запретного плода.

Петрониус медленно повернулся. Перед ним в свете заходящего солнца стоял инквизитор. Лицо было в тени, и патер походил на черного дьявола.

— Что вам нужно от меня? Разве я позволял вам прикасаться ко мне? Или ваша цель — пугать людей?

Патер Иоганнес сдержанно рассмеялся. Он стоял в нерешительности, будто не знал, как воспринимать вопрос: серьезно или превратить все в шутку. В конце концов священник жестом приказал художнику следовать за ним.

— Тот, кто знает страх, охотно принимает утешение и милость. Наша религия только этим и живет, что помогает людям, выдумывающим себе страхи, сделать мысли о них приятными.

— И притом оставляет мир таким, как он есть.

— А почему мы должны менять его?

Двигаясь по улице, которая однажды привела Петрониуса с Майнхардом в город, они приближались к рынку. Повсюду располагались лавки, пекари предлагали хлеб, сапожники — башмаки. Когда показалась рыночная площадь, дорогу преградила толпа людей, собравшихся вокруг оборванного монаха, который что-то выкрикивал. Он стоял на обитом железом ящике, снабженном колесами.

— И я говорю вам: те, кто распространяет ложные учения, ругают то, чего не знают, погибнут от того, что считают естественным и присущим безмозглым животным. Их ждет ужасный конец. Ибо написано, что Господь воскреснет и покарает их. Горе тем, кто пошел дорогой Каина, поддался глубокому заблуждению Валаама и погибнет в своей строптивости.

Монах вскинул руки к небу, будто призывал несчастья на головы людей. Некоторые перекрестились, упали на колени и зарыдали, остальные просто опустили головы.

Патер Иоганнес презрительно произнес:

— Нам городская управа запретила проповедовать в стенах города, а этот бред, состоящий из неправильно истолкованных библейских цитат, они допускают.

Отпускавший грехи священник неожиданно запел звонким, как колокол, голосом, так что многие подняли головы. Тирада о проклятиях и страданиях была позади.

— И только Ему, у кого есть сила охранять нас от падения, и кто позволит нам предстать безупречными перед Его, Иисуса Христа, нашего Господа, Спасителя, пришествием, только Ему одному дано отпускать грехи этого мира. Каждый дар, пожертвованный от чистого сердца нашей матери, католической церкви, будет в сотни раз умножен в том мире. По поручению его христианского величества и представителя Господа Бога на этой земле, нашего святого отца, отпускаю грехи ваши. В зависимости от глубины вашей вины и толщины вашего кошелька.

Взмахнув руками, монах спустился со своей «трибуны» и принялся раздавать индульгенции разных размеров и разного вида. Деньги за грехи проваливались в щель ящика, на котором стоял священник.

— Посмотрите на этих людей. С какой радостью они отдают последние гроши, чтобы купить душевное спокойствие на оставшиеся дни. А священник оказывает им эту услугу, покупая грехи и обещая райское блаженство.

Петрониус наблюдал за монахом, который страстными жестами избавлял сердца слушателей от страха. Его острый подбородок мелькал то тут, то там. Торговля индульгенциями шла бойко.

— Пойдемте, Петрониус Орис, мне нужно поговорить с вами.

— Чего вы хотите от меня?

Патер Иоганнес положил на плечо художника руку, и так они пришли на рыночную площадь. Колокол возвестил о конце торгового дня. Лавочники сворачивались. Хлеб уходил по низким ценам, рыба тоже подешевела.

— Вы так таинственны, патер Иоганнес. Говорите или дайте мне идти своей дорогой.

Священник кивнул, направился к центру площади и медленно, будто с трудом подбирая слова, сказал:

— Монах говорил правду, пусть и приукрасил ее. Оглянитесь, разве мы живем не в раю? Достаточно еды, развлечений и удовольствий. Даже о благе души здесь заботятся. Разве город не строит собор, башни которого устремлены в небо наподобие Вавилонской башни? У вас есть работа, страна богата, люди довольны.

Петрониус постарался освободиться от руки священника, но тот крепко держал художника. Навязчивым пасторским тоном он продолжал говорить, пока Петрониус не прервал его:

— Переходите к делу, патер Иоганнес. Или хотите райскими картинками соблазнить меня жизнью в загробном мире? Я же намереваюсь еще несколько лет пожить в этом.

Покупатели покидали площадь, освобождая им дорогу. Петрониус не знал, куда ведет его священник. Поведение горожан, их взгляды вселяли в него неуверенность.

— Это кажущийся рай, Петрониус, в котором поселился грех. Послушайте. Зло живет в этом мире, оно приближается к нам и пожирает души. Видите этот дом? Он принадлежит человеку, о котором каждый истинно верующий гражданин знает, что он продал душу дьяволу. Он творит зло, он сам и есть зло. И на этого человека вы работаете.

Петрониус постарался высвободиться из объятий патера, однако тот не отпускал художника и сжимал его с силой, которую Петрониус в нем не предполагал.

— Отпустите меня!

— Сейчас, Петрониус Орис! Я знаю, ваш мастер работает над картиной, в которой соединено все дьявольское в этом мире. Знаю, что он заставит замолчать любого, кто захочет выступить против него. Вспомните Питера. Как вы думаете, почему бедняга умер? Конечно, потому, что он рассказал мне: картина существует и ее пишет Босх. Братство уничтожило его.

У Петрониуса все поплыло перед глазами. Патер сжимал руку сильнее и сильнее, художнику стало трудно дышать. Разоблачения испугали его, и все же нарисованная священником картина была похожа на правду.

— Я хочу предостеречь вас, Петрониус Орис! Переходите на нашу сторону! Помогите очистить город от проказы! Вам только нужно...

Тут патер замолчал, и Петрониус не сразу понял почему.

— Отпустите его, инквизитор!

Голос прогремел от дома мастера Босха через всю площадь. Многие остановились, глядя на них, и тут Петрониус понял, что означали объятия инквизитора. Падре совсем не хотел что-то поведать художнику или предостеречь его. Он просто устроил так, чтобы весь свет увидел их вместе.

XXVIII

Петрониус бежал, он должен был увидеть Зиту, рассказать ей, что произошло.

Нужно еще раз переварить свое поражение. Когда Петрониус пришел в себя, на площади перед домом мастера уже никого не было. Мастер Босх и патер Иоганнес исчезли. Вокруг стояли горожане и глазели на него.

Когда Петрониус в оцепенении, спотыкаясь, шел к дому мастера, солидного вида мужчина в плаще с меховым воротником плюнул ему в лицо и отвернулся. Петрониус скрылся в доме, умылся, лег в постель и заснул. Во сне он бредил. Мастера Петрониус больше не видел.

Хотя спешить казалось неприличным, а прохожие смотрели вслед с нескрываемым презрением, Петрониус должен был увидеть Зиту. Сон напомнил ему о другом: нужно как можно скорее выяснить, что имел в виду патер, говоря о запретном плоде. Он имел в виду Зиту?

Петрониус тяжело дышал, когда свернул с Керк-страат на Корт-Пут-страат и резко остановился. В десяти шагах от него трое мужчин в сутанах преградили дорогу. Лица спрятаны под капюшонами, в руках палки. Они стояли полукругом. Денег у Петрониуса не было, он взял с собой только две монеты на пиво. Драгоценностей он не носил. Если это разбойники, то они забьют его насмерть, но останутся без добычи. Петрониус резко повернулся и побежал. Первый удар попал в висок и свалил его на землю. Петрониус понял, что это была заранее подготовленная ловушка. Трое впереди должны были только задержать его, а черную работу выполнил за его спиной другой. Петрониус будто провалился в яму, погрузился во тьму и в последнее мгновение подумал, что уже не очнется.

- Что вы знаете о братстве?
- Кто привез вас к мастеру Босху?
- Вы убили Питера?
- Почему он должен был умереть?
- Где пропавшая картина?
- Вы видели триптих?
- Кому вы служите?

Вопросы сыпались на художника градом. Пахло ладаном, воском, мужским потом, дешевым льном, гнилью, ржавчиной и тухлятиной. В ушах все звенело, и Петрониус не мог взять в толк, что оглушало его больше — непрерывные вопросы или боль от удара в висок. Он попытался пошевелиться и понял, что его руки и ноги в оковах.

— Слишком поздно, художник! — прогремел голос, отличавшийся от других и обращенный прямо к нему.

Петрониус открыл глаза и увидел своды подвала, покрашенные белой селитрой. Горела свеча. И черные сутаны вокруг.

— Что вы хотите от меня? Денег у меня нет! — простонал Петрониус.

— Что нам до твоих денег? Отвечай на вопросы!

Петрониус был озадачен. Черные капюшоны не давали возможности увидеть даже губы говоривших. Петрониус попытался повернуть голову, чтобы подсчитать окружавших его людей и лучше рассмотреть их. Позади него стоял кто-то в маске, хранивший странное молчание среди хора голосов.

— Вам известно, где собирается братство?

— Почему вы презираете доминиканцев?

— Вы знали Майнхарда из Аахена?

— Это вы его убили?

Петрониуса охватил необоримый ужас. Где он? Кто эти люди в капюшонах? Доминиканцы? Судя по вопросам, да. Но он ничего не расскажет о братстве! К тому же он действительно мало знает.

Неожиданно Петрониуса ударили плетью по животу. Он выгнулся от боли и хотел отвернуться, но не позволили ремни.

— Говорите, Петрониус Орис! Мы ждем. Посмотрите на стену перед вами. Там висят средства, которые мы называем правдоискателями. Каждый, кто знакомится с ними, признаётся во всем. Честно говоря, уважаемый художник, большинство сдаётся уже при одном взгляде на наши инструменты.

Двое в сутанах отошли в сторону, чтобы Петрониус смог лучше рассмотреть орудия пыток. Там была железная маска с гвоздями на внутренней стороне, испанские башмаки, их раскаляли докрасна и надевали на ногу. Рядом Петрониус увидел целую коллекцию инструментов для выкручивания пальцев, переламывания и дробления костей. Щипцы и тиски всяких видов и размеров, скальпели, кольца

для стягивания черепа, ножницы для обрезания языка. Петрониус закрыл глаза, так как вид этих орудий был ужасен.

— Я ничего не знаю, поверьте. Не знаю, чего вы хотите от меня.

Снова посыпались вопросы. Люди в черном окружили юношу и твердили одно и то же:

— Как адамиты проводят мессы?

— Вы принимали в них участие?

— Кто принадлежит к ним?

— Знаете ли вы Якоба ван Алмагина?

— Вы хотите стать членом этой секты?

— Прекратите! — выкрикнул Петрониус, но голос бессильно потонул в огромных подвальных сводах. — Я не могу дать ответ ни на один из ваших вопросов. Я всего лишь художник и работаю у мастера Босха.

Голоса замолкли как по приказу, и к уху Петрониуса снова склонился черный капюшон.

— Вы лежите на растяжке. Сейчас мы приведем ее в действие. Будет больно, а потом щипцами мы станем пытаться вас. Кричите сколько угодно, дорогой художник. Здесь вас никто не услышит. Может, тогда вы будете разговорчивее.

Петрониус натянул ремни, замотал головой, но не мог помешать движению колеса, вращавшего настил, к которому он был прикован. Руки медленно поднимались вверх, они напряглись и заболели. Потом затрещали суставы и сухожилия, стало трудно дышать, потому что грудная клетка больше не могла растягиваться.

— Расскажите, что вам известно, и мы освободим вас. Петрониус застонал от боли.

— Я ничего не знаю! — хрипел он. — Ничего! Ничего! Ничего!

— Подумайте, и мы оставим вас в покое. Надеюсь, время сделает вас уступчивее. Нужно подождать, чтобы железо накалилось.

Петрониус стиснул зубы, однако ощущение, что его разрывает на части, не уходило. Он жадно хватал ртом воздух и с ужасом думал о щипцах, подогревавшихся в тазу с углями, их жар он чувствовал над своей головой.

— Петрониус? Петрониус? Где ты?

Галлюцинации от недостатка воздуха? Или действительно кто-то произнес его имя?

Петрониус не отважился ответить, потому что боялся растратить последние запасы воздуха и задохнуться.

— Боже мой, кто это сделал? Чем я могу помочь тебе?

— Меня схватили... — слабо прошептал он и тут же пожалел, что проронил эти два слова.

Перед глазами поплыли черные тени. Что-то хлопнуло. Загремели цепи, и его руки стали опускаться вниз. Глубокий вдох наполнил легкие воздухом, тело почувствовало свободу.

— Зита, — простонал Петрониус, немного отдохнув. — Тебе нужно бежать, пока они не вернулись. Беги отсюда, я справлюсь один.

Юноша с трудом выпрямился и сбросил оковы. Руки и ноги не слушались, он попытался встать, но тут же оперся на стену.

— Я не выдержал бы больше ни секунды. Задохнулся бы. А теперь — уходи, пока они не вернулись.

— Кто эти люди? — спросила Зита. Петрониус отмахнулся:

— Не сейчас. Надо быстро убираться отсюда.

Зита смотрела на Петрониуса. Его руки висели как плети, ноги подкашивались.

— Едва держится на ногах, не может без помощи надеть рубаху, а все хочет делать сам. Это по-мужски. Нет чтобы открыть рот и сказать «спасибо».

Да, Петрониус попался. Он прокашлялся и пробурчал «спасибо». Зита быстро схватила его одежду, надела рубашку, завязала ремень.

— Вот деревянные башмаки, возьми, наденешь, когда выйдем на улицу. Иначе будет много шума.

Она сунула башмаки ему под мышки. Юноша кивнул и позволил ей поддерживать его при ходьбе.

— Так я всегда представляла себе маленького ребенка, — сязвила Зита.

Петрониус весь обливался потом от напряжения. Он боялся ступить на пол. После попыток мышцы стали слишком длинными для его ног.

— Пора идти, — приказала Зита, так как с верхних этажей уже слышались голоса. — Нужно исчезнуть, пока они не заметили твоего отсутствия.

Девушка хорошо ориентировалась в подвале. Она взяла лучину и повела Петрониуса в погреб. Они дважды завернули за угол и оказались перед дверью, которую Зита без труда открыла, и они попали в другой подвал. Петрониус уловил запах плесени и масла, кислый аромат вина и травы. Они обходили пучки трав, катушки с канатами, бочки с вином и наконец достигли лестницы, ведущей наверх.

— Куда ты меня ведешь?

— Не задавай вопросов, просто следуй за мной.

Лестницу Петрониусу удалось осилить с большим трудом. Коленные суставы хрустели, каждый шаг доставлял мучительную боль. Наконец они оказались на земле во внутреннем дворе.

Зита прислонила подопечного к стене, отворила ворота мастерской и выглянула на улицу. Затем она вернулась за юношей и повела его в переулок. Между домами была крошечная тьма, но над крышами домов уже показалась луна.

— Куда мы идем, Зита?

— Помолчи пока. Потом у нас будет достаточно времени, чтобы поговорить.

Они шли по узкой полосе лунного света в направлении собора Святого Иоанна.

Постепенно к Петрониусу возвращалась способность контролировать свои движения. Колени больше не дрожали, ступни приняли горизонтальное положение, руки стали слушаться.

— Что нам надо в соборе Святого Иоанна? Я думал, ты поведешь меня к себе.

— Тихо! — прошептала Зита и потянула Петрониуса в дверной проем.

Приближались двое солдат с фонарями. Свет их был слабым и скорее мешал видеть, чем помогал.

— Звук был отсюда, могу поклясться.

Один солдат остановился и осветил фонарем в сточный желоб между домами.

— Ночь полна шорохов. Это могли быть крысы или кошки. Пошли в сторожку, нас ждут — принесли пива из «Орла», не хочу пропустить веселье.

— М-да — пробурчал первый солдат, — наверное, действительно ничего не было.

Они свернули в другой переулок.

— Видишь, если бы солдат осветил чуть дальше, мы бы попались. Ну, пошли.

— Зато ты была так близко ко мне. Мне показалось, ты прижалась даже сильнее, чем было необходимо. Видишь, Зита, во всем есть две стороны.

— Не выдумывай! — выпалила Зита, а потом умоляюще затараторила: — Петрониус, я должна завязать тебе глаза. Ты не должен знать, куда я тебя веду. Доверься мне, пожалуйста!

— Что это значит, Зита?

Девушка сняла с пояса черный платок, набросила его на голову Петрониуса и слегка коснулась его губ своими.

— Ты не пожалеешь, — прошептала она и взяла его за руку.

Прижимаясь к стенам домов, они пробирались к собору Святого Иоанна, недостроенные башни которого величественно поднимались на фоне синего ночного неба. Петрониус догадался, что они в соборе, близко был главный неф, сюда долетал гул шагов с соборной площади. Когда Зита открывала деревянные двери, они тяжело заскрипели. Через отверстие в крыше мерцали звезды, и лунный свет образовывал на полу крест. Петрониус знал это.

Когда дверь закрылась, юноша схватил Зиту за локоть.

— Куда мы идем? Разве сейчас не подходящий момент?

Петрониус притянул девушку к себе и почувствовал ее дыхание. Ощутил ее бедра, живот и грудь, прижимавшуюся к нему, дразнящую дрожь тела. Однако Зита не дала себя поцеловать. Девушка откинула голову назад, в ее голосе звучала издевка.

— Куда? А разве ты не хотел стать членом братства? Я приведу тебя к главному среди братьев и сестер. Отпусти!

Обескураженный Петрониус отпустил ее. Он почувствовал, как прохлада собора овеяла его горячее лицо. Братство!

— Что это значит, Зита? — выдавил Петрониус. Даже с завязанными глазами он почувствовал, что она привела его в закрытое помещение. Вместо голоса Зиты теперь он слышал пронзительный, способный заглушить любую толпу голос Иеронима Босха:

— Не вините ее. Она сделала это по приказу, данному нами, а мы свершили это, исходя из собственного опыта, из чувства ответственности и заботы о наших братьях и сестрах, которых дьявол и Антихрист приведут на костер. Петрониус Орис, вы выразили желание вступить в братство, которое тайно называется «*Nomines Intelligentiae*», или «Братья и сестры свободного духа». Грешники и непосвященные называют нас адамитами.

Петрониус замер. Вдоль стен боковой часовни стояли те же люди в черных капюшонах, которые недавно мучили его. Семь, десять, одиннадцать одетых в черные сутаны людей окаймляли стену часовни. Скрестив руки на груди, набросив капюшоны на глаза, они пели «*Dies irae*» так, что все вибрировало и звенели стекла. Только когда они замолчали, Петрониусу удалось высказать упрек:

— Тогда получается, это вы заковали меня в цепи и пытали? Почему?

Петрониус вскинул руки к небу и растерянно замолчал. Суставы заболели еще сильнее. Даже грудь запылала, мышцы спины напряглись, и его тело приняло нелепую форму.

— Мы наблюдаем за вами довольно долго. Вы прилежный подмастерье, разумный человек. Но одного этого недостаточно, чтобы принять в братство. Наши люди обязаны молчать даже при пытках. Смерть на костре — наша судьба в этом мире, Петрониус Орис. У кого от пыток не ослабевает воля, кто выносит боль мучений, тот может стать членом сообщества. Иначе вы выдадите слишком многих. Мы неохотно испытываем таким ужасным способом, Петрониус, однако таков наш долг по отношению друг к другу. К тому же двое горожан должны поручиться за вашу честность. И потому я спрашиваю присутствующих в этом зале братьев и сестер: кто готов поручиться за

Петрониуса Ориса, художника из Аугсбурга, подмастерья в доме досточтимого Иеронима Босха?

Рядом с Петрониусом медленно поднялась рука. Подмастерье пытался разглядеть лицо, но из-под капюшона зияла только черная дыра неизвестности. Затем Петрониус увидел у себя за спиной еще одну сутану, и еще одна рука поднялась вверх.

— Я объявляю, что необходимое число поручителей собрано. Петрониус Орис, я призываю вас произнести клятву, и вы будете приняты в члены Общества первой степени навечно. Помните, единственная возможность покинуть братство — это всемилостивейшая смерть. Делайте свой выбор!

Петрониус чувствовал, что после пыток все его тело болит, он боролся с постоянным желанием упасть и лежать не двигаясь. Где он видел людей в странных позах, таких, какие сам теперь был вынужден принимать? Не удавалось сосредоточиться на происходящем в зале. И тут Петрониус вспомнил: открывающаяся крышка церковного ларца. Ее грани шли вкривь и вкось, но вершина находилась в самом центре, прочно и неоспоримо, как ничто в этом храме.

— Я не слышу!

— Да, я уверен в своем выборе, — раздался ответ Петрониуса.

И в этот самый миг мысль о ереси стала приятной, вспыхнула страсть к Зите, которую Петрониус уже видел обнаженной. Впрочем, мысль о теле Зиты улетучилась, стоило ему услышать слова, произнесенные глашатаем братства:

— Повторяй за мной, подмастерье! Я, Петрониус Орис, клянусь и обязуюсь с этого дня следовать целям братства...

Петрониус поднял правую руку и стал повторять клятву, звучавшую для него как пустой звук.

Неожиданно его взгляд упал на противоположную сторону часовни. Там на стене висела законченная створка триптиха мастера Босха «Зеленый рай». Иисус вел Адама к Еве, или наоборот. Ева была готова взять Адама за руку, а в это время Сын Божий произносил свою клятву.

— ...отводить беду и преумножать благосостояние. Члены братства воздерживаются во время службы и в жизни от любого телесного вожделения по отношению к другим членам сообщества.

Тем самым мы провозглашаем рай на земле и отвергаем соблазн зла и греха.

Рядом висела другая картина, в четыре раза шире, которую художник раньше не видел. Она казалась незаконченной, тут и там зияли белые места и бледные краски. Средняя створка, догадался Петрониус. Босх начал работу над центральной частью триптиха!

— Послушайте, Петрониус, хотя вы и отвлекаетесь, я скажу вам чистую правду. Если бы это зависело от меня, я никогда бы не допустил вас к братству. Своим присутствием здесь вы обязаны только влиятельным поручителям и тому обстоятельству, что патер Иоганнес старается спровоцировать одного из нас. Вы получите особое задание, для которого, по нашему мнению, годитесь. Наше поручение, — тут в голосе зазвучала угроза, заставившая Петрониуса отвлечься от созерцания картины и прислушаться к речи, — состоит в том, чтобы поддерживать контакт с патером Иоганнесом, выведывать и докладывать нам о его замыслах и уловках. И ничего не говорить о братстве! Я, как верховный член братства, требую от вас молчания! В случае нарушения клятвы мы в интересах всего братства не будем слишком щепетильны. Вы поняли меня? Вы — орудие, не более!

Петрониус кивнул и стал ждать продолжения. Однако все стояли на своих местах безмолвно и недвижимо, будто скульптурное украшение.

Петрониус был сбит с толку. Что он должен теперь делать?

Неожиданно кто-то потянул его за платье. Зита!

— Пошли, — улыбнулась она, — мы уходим.

— Да, — задумчиво произнес Петрониус. — Вперед, к католическому охотнику!

Петрониус открыл дверь в мастерскую Босха и вошел. Вздохнув, прислонился к тяжело закрывшейся за ним Двери. Теперь он тоже стал одним из еретиков, хотя мир вокруг совсем не изменился. Художник проводил Зиту до трактира, а сам отправился домой. Усталость растеклась по всему телу подмастерья. Он нащупал на связке ключ от своей каморки, и тут его взгляд упал на пол. Сквозь щель из-под двери пробивался тонкий луч мерцающего света.

По спине Петрониуса побежали мурашки. Что это значит? За дверью в его комнате явно горела свеча. Петрониус хорошо помнил, что задул огонь, когда уходил. Затем его внимание привлекло открытое окно, через которое он сам пролезал уже однажды. Он же точно закрывал его!

Петрониус крепко сжал в руке тяжелый металлический ключ, чтобы в случае необходимости нанести удар. В два прыжка подмастерье очутился у дверей своей каморки, быстро открыл ее и стремительно вошел.

Петрониус едва не вскрикнул. На его кровати лежал крест, по четырем концам которого горели свечи. Деревянная фигура Христа была переломана, голова и ноги повернуты навстречу друг другу. Что все это значило? Что ему хотели сообщить таким образом? Кому удалось проникнуть в его комнату?

— Я думаю, это предостережение, — неожиданно прошептал кто-то за его спиной.

Не на шутку перепуганный, Петрониус повернулся и невольно замахнулся правой рукой, в которой сжимал ключ. Чья-то сильная рука перехватила удар, и ключ упал на пол. Петрониус увидел кривую усмешку на лице инквизитора.

— Не ожидали?

— Что вы здесь делаете? — заикаясь, спросил Петрониус. — Это вы подложили крест?

Патер Иоганнес мрачно усмехнулся:

— Такое ребячество не в наших правилах! Подобные вещи вселяют неуверенность в тех, кто сомневается в вере. В таких, как вы,

Петрониус. Может, вы сошли с пути добродетели и спасения? Кто знает... Затушите свечи, пока не загорелся весь дом.

Петрониус медленно приходил в себя. В голове проносились разные мысли, на лбу выступил холодный пот.

— Что это значит? Кто тут побывал? — запинаясь, продолжил художник, тогда как патер Иоганнес энергично прошел в его комнату, затушил три свечи, срезал их с креста маленьким ножиком, который был спрятан у него в рукаве, и положил их на подоконник.

Четвертую свечу патер вставил в пустой подсвечник у изголовья кровати, потом снял крест и прислонил к стене, а сам сел, будто его попросили остаться. Петрониус наблюдал за непрошеным гостем с удивлением и внутренним протестом.

— Разве я приглашал вас? — пробормотал он.

— Не совсем так, если я не ошибаюсь. Но вы хотели получить ответ, а отвечать легче, когда сидишь. Ведь вы ничего не имеете против?

Петрониус закусил губу и прошипел сквозь зубы:

— Исчезните из моей комнаты! Или вы хотите, чтобы я заявил о вашем присутствии в этом доме?

— Знаете, — патер Иоганнес с удовольствием откинулся назад, — я бы охотно ушел. Но если я покину дом, не выполнив поручения, то уже этой ночью для вас будет зажжен костер. Приговор вынесен!

Петрониус глухо засмеялся, хотя чувствовал, что эта комната, присутствие патера Иоганнеса и крест у стены все сильнее душат его.

— Прежде чем вы схватите меня, вас вышлют из города. Мой господин могущественнее вас!

— Но недостаточно могущественен против суеверия и ереси. Население Ден-Боса благодарно нам за то, что мы искореняем адамитов. Евреи дают нам свои деньги, купцы — свои знания. Как вы думаете, почему? Одни рады, что не становятся козлами отпущения и преследуют не их, другие надеются на беспрепятственную торговлю и устранение конкурентов. Мы предлагаем им и то, и другое. Ах да, вот бумага, которая решит вашу участь.

Из длинного рукава сутаны патер достал свиток и развернул его. Это был документ, скрепленный печатью Святой Инквизиции. Берле протянул его Петрониусу, но тот смог прочесть среди написанных убористым почерком на церковной латыни строк лишь свое имя.

— Послушайте, Петрониус. Есть только один выход. Давайте помогать друг другу. Оставайтесь свободным, и, завершив работу, вы сможете покинуть Босха когда захотите.

Петрониус поперхнулся. Холодный воздух, проникавший через открытое окно, вызывал у него дрожь. Подмастерье почувствовал, как подкосились ноги. Из последних сил он боролся с охватившим его страхом.

— Что я должен делать? — спросил он.

— У вас есть контакт с адамитами. Возможно, вы работаете в доме одного из высших чинов этого общества. Постарайтесь стать их членом. Используйте все средства, чтобы узнать имена еретиков. Больше мне ничего не надо. Вы согласны?

Взгляд Петрониуса снова упал на крест и переломанную фигуру Христа:

— Вы точно не имеете к этому никакого отношения?

— Я же сказал вам, это не наш стиль! — раздраженно повторил патер Иоганнес. — Не раздумывайте долго. Я не сделал бы вам такого предложения, если бы не чрезвычайные обстоятельства.

Петрониус кивнул:

— Свобода за предательство? Мое возвращение в Аугсбург в обмен на головы адамитов?

Патер улыбнулся и кивнул. В холодных, застывших глазах инквизитора Петрониус прочел смертный приговор. Он дышал ровно и спокойно, ему снова стало тепло. Пот просох, и только руки по-прежнему оставались холодными. Кто бы ни подложил крест, он хотел что-то сообщить, но Петрониус не понимал сути послания. Что означала сломанная фигура Христа? Возможно, его хотели предостеречь от союза с инквизицией?

Тут патер взорвался, гнев исказил его лицо:

— Вы не имеете права ставить условия, Петрониус Орис! Вы будете гореть на костре как свеча!

Петрониус беззаботно пожал плечами. Разве важно, кому в жертву его принесут, подумал художник и сказал:

— Рука руку моет, а моя не такая уж грязная. Итак, идет? Хотя я и не слишком доверяю духовенству.

Патер Иоганнес медлил. Когда его рука коснулась пальцев подмастерья, они услышали за окном шорох. Прежде чем патер успел

подойти к окну, дверь пожарного люка захлопнулась.
Их подслушивали.

Вспышка яркого света, и Кайе вновь перенесся в настоящее. Рядом с ним находилась Грит Вандерверф. Забившись в угол, на койке с закрытыми глазами сидел патер Берле. Он казался еще бледнее.

— Вы искусный рассказчик, патер! — пробормотал реставратор, с трудом возвращаясь к реальности.

На лице патера появилась улыбка.

— Зато преступник — неудачник, вы об этом подумали?

— Нет, но я разочарован, потому что вы замолчали. Ведь история еще не закончена?

Неожиданно патер Берле открыл глаза, и Кайе не смог противиться его обволакивающему взгляду. Зрачки притягивали к себе как магнит. Реставратор старался уклониться от этого взгляда, что удавалось с большим трудом. Рука машинально нащупала в кармане нож и ухватилась за него, как за соломинку.

— Нет, сеньор Кайе, конечно, история не закончена. Однако время посещения истекло. Здесь строгие правила, они распространяются и на психиатров.

Дверь открыла сестра с подносом в руке:

— Ужин!

— Ужин, — передразнил патер Берле и обратился к своим гостям: — Руководство заведения желает, чтобы мы совершали важнейшую процедуру приема пищи в одиночестве. — Засмеявшись, патер встал с кровати и зашагал к двери, чтобы взять поднос. Проходя мимо реставратора, он обнял его. — Большое спасибо, сеньор Кайе, что вы нашли время прийти ко мне. Какое удовольствие — беседовать с мужчиной. — Он посмотрел на Грит Вандерверф. — Мы еще увидимся, я должен рассказать свою историю до конца.

Неожиданно Кайе почувствовал, как Берле ловко вытащил нож из его кармана. Реставратор растерялся.

Когда Кайе высвободился из объятий, монах зажал нож в руке. Реставратору показалось, что в глазах патера промелькнула благодарность. Берле взял поднос и спрятал нож под ним.

— Пойдемте, — проговорила Грит Вандерверф и кивнула сестре, которая в тот момент спрашивала патера, что он будет пить.

— Почему вы всегда спрашиваете? — буркнул Берле. — Каждый вечер я пью красное вино, вы же знаете. Вечером только красное вино.

Брань монаха была слышна даже в коридоре. Кайе шел позади Грит, сестра заперла за ними двери.

— Вам не кажется странным, что его имя совпадает с именем инквизитора? — спросил Кайе, когда они спускались по лестнице.

— Я попросила перепроверить. Наш патер Иоганнес фон Берле принял это имя недавно. Во время службы у доминиканцев его звали патер Евстахиус, по имени его покровителя в день посвящения в монахи. Во всех списках членов ордена в Саламанке он стоит под именем Лоренцо Васкеса. Это я тоже проверила. Лоренцо Васкес был архитектором в XV веке. Его настоящее имя мне неизвестно. Имя патера Берле наш подопечный использует с тех пор, как стал изучать документы о женщинах в Саламанке.

Кайе был озадачен:

— Почему он берет псевдонимы?

Грит Вандерверф молча пожала плечами.

Жара окутала их, как только они оказались за воротами монастыря. От яркого света Кайе прищурился. Улицы в этом районе были пустынные — ни людей, ни машин.

— Вы заметили, что он обладает сверхъестественными способностями?

Кайе кивнул, и от этой мысли у него по спине побежали мурашки.

— Он невероятный рассказчик!

Грит спешила в сторону метро.

— От вас не могло ускользнуть, — продолжал реставратор, — что он пытался загипнотизировать меня. Его глаза — что-то невероятное.

— Пытался? Вы шутите, доктор Кайе, сила его внушения необыкновенна. Или вы не погрузились целиком и полностью в историю 1510 года? В кого он переселил вас? В мастера Босха? В подмастерье Петрониуса Ориса? Или в какого-то незначительного персонажа? Вы весь в его власти.

Михаэль Кайе поперхнулся. Теперь, когда Грит Вандерверф обратила его внимание на способности патера, реставратор вновь

почувствовал сверлящий и уводящий за собой взгляд патера Берле, или как там зовут этого человека.

— Своего рода магия.

— О, больше чем магия. Я бы сказала, он мастер своего дела и обладает невероятными способностями.

Они спустились в метро. Кайе было не по себе оттого, что он оставил заключенному нож. Теперь, когда Грит заговорила об уникальных способностях патера, реставратор засомневался, что сделал это по своей воле. Кайе посмотрел на женщину и спросил:

— А как насчет вас? Он не загипнотизировал вас, Грит Вандерверф?

— Так же как и вас.

— Вы хотите сказать...

Грит Вандерверф прервала его:

— Я тоже играла одну из ролей.

Они стояли перед билетным автоматом. Кайе бросил монеты на два билета, продолжая размышлять, какую роль падре отвел Грит. Может, роль Зиты? Он протянул женщине билет, и они прошли через турникет. Кайе внимательно смотрел, как двигается Грит. Впервые реставратор обратил внимание на ее женственность, и это взволновало его.

— Хотела бы я знать, происходило ли все рассказанное патером на самом деле.

На мгновение Кайе задумался. Эскалатор доставил их на платформу. Стоит ли рассказать Грит все? Кроме предостережения Антонио де Небрихи, у Кайе не было аргументов против откровенности с Вандерверф. Ведь это она привела его к патеру Берле. И она дала возможность на основании его рассказа узнать больше о картине.

На платформе было душно. Кайе растерялся, не зная, куда идти, и тут воздушный поток возвестил о приближении поезда. Кайе в суматохе едва не потерял свою спутницу.

— Вы утаили от него кое-что. А я вижу, он очень хочет это знать.

Кайе насторожился:

— Что я утаил?

В этот момент подошел поезд, и слова Грит утонули в шуме. Женщину понесло вперед, она обернулась, и реставратор прочел ответ

по губам:

— Ваше открытие!

Возможно, он ошибся, но любопытство было разбужено. Увлекаемый потоком пассажиров, Кайе размышлял, почему Грит Вандерверф так интересуется знаками, обнаруженными на картине. Эта мысль не давала ему покоя. Он должен выяснить все, и существует только один путь.

— Давайте поедem в реставрационные мастерские к Антонио де Небрихе. Я хотел бы вам кое-что показать. Это связано с рассказом Берле. Даже более того, может подтвердить его.

XXXIII

Когда они вошли, Антонио де Небриха сидел за письменным столом, склонившись над бумагами. Пахло книгами и затхлым воздухом.

— Михаэль! Maravilloso! Поразительно! Чудесно, что вы зашли. Звездный час изучения творчества Босха настал! День разоблачений!

Небриха осекся, увидев Грит Вандерверф, входящую вслед за Кайе в кабинет. Его лицо помрачнело.

Протянув руку, Кайе постарался успокоить коллегу, пока тот не взорвался:

— Если кто и сможет сказать нам, соответствует ли действительности история, рассказанная нам патером Берле, так это Антонио де Небриха.

Обращаясь к Грит Вандерверф, реставратор наблюдал за реакцией коллеги на скрытый намек. Уловка сработала — Антонио де Небриха повел бровью. Он все понял!

— Какая история?

Кайе в нескольких словах рассказал о посещении дома Третьего ордена, упомянул о рукописи, изложил важнейшие события рассказа и закончил сомнением по поводу его достоверности.

Антонио де Небриха не мог усидеть на стуле. Он протиснулся сквозь горы бумаг, книг и журналов к единственной в кабинете свободной от книг стене, всю поверхность которой занимала репродукция в натуральную величину картины Босха «Сад наслаждений». К ней был прикреплен листок бумаги, исписанный убористым почерком, от которого во всех направлениях протягивались разноцветные нити к отдельным фигурам, деталям пейзажа и другим местам.

— Уже почти сорок лет я занимаюсь этой картиной! Она — как послание, как письмо, начертанное на неизвестном нам языке. Хотите — верьте, хотите — нет! Для меня это увлекательное действо: фрагмент за фрагментом складывается интереснейшая мозаика. Но вот приходит сумасшедший и покушается на картину, и неожиданно исследование продвигается — сенсационный скачок! Ибо преступник

нашел указание на историю создания картины «Сад наслаждений», и возможно, текст наконец-то будет прочтен! Я не жду ничего большего. Один фрагмент в мозаике — и ключ к картине Иеронима Босха найден.

Последние слова Небриха произнес совсем тихо. Кайе и Грит Вандерверф по-прежнему стояли в дверях. Неожиданно Небриха повернулся к ним:

— Пожалуйста, не стойте, проходите в мою кладовую знаний. И не пугайте меня больше. Мебели в прямом смысле этого слова у меня нет.

— Я принесу стулья, — предложил Кайе.

Когда он прикатил два стула, Небриха уже читал лекцию:

— Конечно, эти люди существовали на самом деле. Патер фон Берле умер в 1515 году, как сообщают Хроники доминиканского ордена. Его боялись, и он считался самым кровожадным инквизитором. Якоб ван Алмагин, еврей, принявший католическую веру, тоже жил в те времена и назывался магистром собора Святого Иоанна Филиппом. Даже разногласия между «братьями лебеда» и доминиканцами достоверны.

Кайе предложил стул Грит и сел сам.

— Вы хотите сказать...

— ...что ваш пациент хорошо осведомлен, сеньора Вандерверф, даже очень хорошо. Ничего не указывает на недостоверность слов патера Берле.

Кайе присвистнул. Вероятно, история монаха — не плод его больного воображения.

— А адамиты? Что вам известно об этой секте?

Грит Вандерверф повернулась к Кайе и посмотрела на него. Чего больше в ее взгляде — любопытства или иронии? Прежде чем Небриха смог ответить, она проговорила:

— Конечно, адамиты существовали. Нет никаких сомнений.

Небриха, которому не понравилось, что кто-то вступает на его территорию, нетерпеливо перебил ее:

— Шестнадцатый век стал временем переориентации в вопросах веры. Лютер взывал громче прочих, но призывы к обновлению и изменению церкви разносились многоголосицей по всем странам. Многие проповедовали даже в пустыне. Например, Иоахим фон

Фиоре. Его идеи, впрочем, не так сильно противоречили католицизму. Они выходили за рамки узкого понимания Римом мира и религии. Три главных принципа патера Иоахима определяли образ мысли представителей некоторых сект, выросших из болота антицерковных устремлений. Из принципа *perfectio*⁹ братья свободного духа сделали вывод о безгрешности духовного человека, из принципа *contemplation*¹⁰ — о равенстве перед Богом, а *libertas*¹¹ превратился в свободную любовь, будто речь шла об умножении рая на земле через ангельскую любовь. Все это звучало не просто революционно, это было чудовищным для церковных князей того времени. Вот небольшое введение. А адамиты, к которым принадлежал Босх...

Тут его прервал Кайе, которому показалось, что объяснения Небрихи перерастают в чистое теоретизирование:

— Прощу прощения. Кто такие сестры и братья свободного духа? Я никогда о них не слышал. Кроме того, полагаю, что предположение о принадлежности Босха к секте адамитов спорно.

Антонио де Небриха кивнул:

— Вы правы. Однако нельзя отрицать, что братья и сестры свободного духа были особенно сильно распространены на Нижнем Рейне. Еретическое движение, имевшее большое влияние, организованное в маленькие группы. Они маскировались под благочестивых христиан, а втайне поклонялись райским представлениям о безгрешности человека. Они считали себя воплощением Святого Духа. Ни род, ни положение, ни состояние, ни пол не имели значения. Поэтому женщины вступали в круг братства полноправными членами.

— Таким образом они освобождались от опеки, к которой были приговорены католической церковью.

— Верно, сеньора Вандерверф. Сегодня это назвали бы равноправием.

Антонио де Небриха встал и открыл окно, чтобы впустить немного света.

— Для вашего патера это могло стать одной из причин, заставившей заниматься картиной. Если рукопись содержала указание на принадлежность Босха к адамитам, тогда на картине можно было прочесть изображение равноправия мужчин и женщин. находка для женоненавистника.

У Кайе было такое чувство, будто Грит Вандерверф ждала именно этого момента, чтобы задать свой вопрос:

— Вы действительно нашли во время исследований что-то скрытое до сего дня?

— Сеньора Вандерверф, вся картина Босха — сплошная загадка. И мы каждый день открываем что-то новое. Посмотрите на эти нити и соединения на картине. Здесь, внизу, на рейке над картиной рая, написано: «вершины бесконечности» и «мысли о круговороте». От них я протянул красную нить к скальным образованиям в левом углу картины.

Никто не знает, что это значит, но из пещеры взвивается стая птиц. Они летят, вращаясь, через круглое отверстие горы и теряются в бесконечности, возвращаются назад и, садясь на землю, делятся на две группы — светлых и темных птиц. В то время как светлые резвятся в райском саду, темные птицы движутся к треснувшему яйцу и исчезают снова. От этого яйца, видите, я протянул еще одну зеленую нить к тому краю, где написаны другие понятия: «мировое яйцо», «происхождение», «химическая реторта». Все это попытки пролить свет на тьму. Каждый день приносит новое открытие.

Слушая объяснения Антонио де Небрихи, Кайе быстро сообразил, что тот хочет уйти от темы. Под картиной большими буквами было написано: «Scientes bonum et malum»¹².

И тут Кайе осенило. Он знал, что мешало Петрониусу Орису согласно рассказу патера в створке триптиха «Зеленый рай». Сцена рая показывала мудрость Бога в своем творении. «Summum bonum»¹³. Но она не отрицала, что одновременно с жизнью родилась и смерть. «Summum malum»¹⁴. Здесь был изображен не библейский рай, в котором смерть рождается только из-за яблока с древа познания, а рай, с самого начала пропитанный знанием взаимосвязи жизни и смерти. Поэтому Ева могла стоять на стороне своего господина так свободно и насмешливо, больше ускользая от него, чем подчиняясь. Знание избавляло ее от первородного греха, от любой вины и наказания!

— И больше ничего? — Резкое замечание Грит прервало размышления Кайе. — Я подумала, что сегодня в обед вы говорили о другом. Создается впечатление, что вы не хотите помочь мне в работе. А я выложила все свои карты, сеньор Небриха.

Кайе нравилась эта женщина даже в гневе. В ней было что-то живое, непредсказуемое.

— У меня есть к вам предложение, — сказал Кайе и получил в ответ нетерпеливый взгляд Грит Вандерверф. Он посмотрел на часы. — Встретимся завтра утром перед входом в мастерские и посмотрим картину в оригинале. Сегодня внизу никого нет. Тогда и поговорим о тайнах «Сада наслаждений».

Антонио де Небриха был не в восторге от предложения коллеги. Кайе догадался, что тот предпочел бы никогда больше не встречаться Грит Вандерверф. Однако желания самого Кайе были иными.

— Вы согласны?

Грит Вандерверф словно подменили. Она улыбнулась Кайе, ее глаза заблестели, что вызвало у него приятную дрожь. Кайе посмотрел на Антонио де Небриху.

— Да все в порядке, ничего страшного, — громко извинился тот и поднял руки в знак того, что уступает.

Неожиданно воцарилась тишина, которую никто не хотел нарушать, пока Грит Вандерверф не встала и не протянула Кайе руку:

— Будет лучше, если я пойду. Уже поздно. Когда мы завтра встречаемся? В десять?

Небриха пробормотал что-то невнятное.

— В десять часов я буду ждать вас внизу, — подтвердил Кайе.

— Большое спасибо, сеньор Небриха, за объяснения. Грит повернулась и открыла дверь. На пороге она остановилась и обратилась к реставратору:

— А вы знаете, почему Иероним Босх взял себе это имя, в то время как его семья носила фамилию ван Акен, по названию места их рождения?

С этими словами она закрыла за собой дверь. Антонио де Небриха смотрел ей вслед.

— Проклятие, откуда она знает?

XXXIV

— Вы сошли с ума, Михаэль! — выпалил Антонио де Небриха. — Нельзя приводить сюда незнакомых людей, когда мы в двух шагах от сенсации.

Он молча подошел к двери и резко открыл ее. Там никого не было, только шаги Грит раздавались по коридору.

— Что вы имеете против этой женщины? В конце концов, благодаря ей мы имеем хоть небольшое подтверждение нашей гипотезы. К тому же высказывания патера Берле не могут быть беспочвенными.

Антонио де Небриха закрыл дверь и прислонился к ней.

— Она не нравится мне. Что-то заставляет меня быть с ней осторожным, я еще не знаю что. Возможно, ее глаза — они холодны как лед. Но заверяю вас, это не ревность, поскольку она явно положила глаз на вас.

Кайе почувствовал, что покраснел.

— Ну, вы преувеличиваете, Антонио. Я бы почувствовал. Кроме того...

— Вы тоже положили глаз на Грит Вандерверф. — Небриха нервно рассмеялся и отошел от двери. — Может, вы и правы, и мне не должны повсюду мерещиться привидения. А этот патер Берле для нас просто находка.

— У вас есть что-то для меня? — взволнованно спросил Кайе.

— Что-то! Очень много всего, Михаэль. Посмотрите сюда. Он подвел Кайе к письменному столу. Достал из папки клочок бумаги и махал перед носом у реставратора. Листок был треугольный и абсолютно чистый.

— Знаете, Михаэль, иногда самые простые вещи наводят нас на верный след. Посмотрите на свет, что вы видите?

— Ничего! Нет, подождите... Водяные знаки. Что-то написанное от руки. Буквы «НВР».

— Потому я и удивился, когда обнаружил этот клочок бумаги много лет назад. Я сохранил его.

Кайе не вникал в многочисленные специальные вопросы, которыми интересовался Небриха. Антонио собирал все, что имело для него какое-то значение. Реставратор поискал глазами на столе коллеги увеличенный снимок, но чтобы не обидеть Небриху, спросил:

— Откуда у вас эта бумага?

— В одном голландском антикварном магазине я наткнулся на книгу, повествующую о смешивании красок, прежде всего о приготовлении желтоватых оттенков из пигментов. Она была в кожаном переплете и с золоченым обрезаем. Не дешевая, но и не редкая и уже потрепанная. Оттуда бумажка и выпала. Я решил, что это обычная закладка, пока не заметил водяных знаков, которые стали видны, только когда она промокла.

Антонио де Небриха подошел к письменному столу, достал чашу и осторожно смочил бумагу. Выступили темные буквы «НВР».

— Это указывает на имя. Hieronimus Bosch Pictor — Иероним Босх, художник. Бумага может оказаться из его мастерской.

Кайе сразу заинтересовался. Ему показалось, он уже видел этот треугольный клочок.

— Вы уверены, Антонио?

— Вполне уверен.

— В том, что у мастера Босха была своя бумага?

— Почему нет, Михаэль? Бумагу для набросков подмастерья часто делали сами. Необычно то, что дошла до нас именно часть с водяным знаком, то есть лишь пять процентов листа.

— Вы сохранили ее только из-за водяных знаков?

— Собственно говоря, да. Что я ни делал с ней, полагая, что это тайнопись! Нагревал, клал в воду, гладил, но бумага оставалась просто бумагой. До сегодняшнего дня, Михаэль, пока я не посмотрел на наши фотографии. Кое-что показалось мне странным.

Кайе весь обратился в слух. У Антонио де Небрихи была редкая способность преподносить даже совершенные мелочи как сенсацию. Он достал из стола снимки, на которых Кайе обнаружил буквы.

— Кислота, повредившая лак, произвела двойной эффект. С одной стороны, она разъела лак, с другой — обнажила что-то скрытое. Буквы, еще очень нечеткие. Это произошло случайно, но там, где раствор кислоты был слабее, она открыла под слоем лака тайнопись. А теперь, Михаэль, сенсация...

Небриха поставил на стол сосуд с прозрачной жидкостью, затем положил листок бумаги и помешал чайной ложкой. В нос ударил легкий запах уксуса.

— Необходимо немного уксусной кислоты. Я нашел рецепт в книге «Elementa chemicæ»¹⁵ лейденского профессора химии Иоганна Конрада Бархузена. Книга была издана в 1718 году в Лейдене и содержит рецепты разных смесей, взятых из более ранних источников. Прекрасно иллюстрированная книга! В ней описывается средство, с помощью которого невидимое становится видимым. Я наткнулся на него случайно.

Небриха вынул ложку, бумага плавала на поверхности. Оба склонились над сосудом и пристально смотрели на него. Неожиданно на белом листе выступили темные знаки.

— *Natura mutatur. Veritas extinguit*, — прочитал Небриха. — Природа изменяется. Правда убивает.

У Кайе перехватило дыхание.

— И что это значит?

— Понятия не имею. Если честно, я перерыл всю литературу по алхимии, ища эту комбинацию слов, но ничего не нашел. Что можно связать с этими истинами? В конце концов я решил, что это упражнения ученика в латыни, спряжение глаголов.

— *Natura mutatur. Veritas extinguit*, — задумчиво повторил Кайе и склонился над чашей.

— А самое удивительное, что буквы можно увидеть только с помощью этой жидкости. Ни больше и ни меньше. Не важно, что вы используете: лимон, тепло, воду, гранитную или угольную пыль — бумага не реагирует. Только уксусная вода, *aqua acetum*, описанная Бархузеном, делает надпись видимой. А когда бумага высыхает, слова исчезают полностью. Просто и гениально!

Кайе встал и подошел к картине. Пастельные цвета расплывались у него перед глазами. Листок не имел никакого значения. Просто милое открытие. Правда убивает. Исходя из рассказа патера Берле, этот клочок бумаги имел отношение к причине создания картины «Сад наслаждений». Если патер Берле прав, то это послание подмастерья, бесследно исчезнувшего из Хертогенбоса. Бумага сохранилась. Подумать только — четыреста лет! Но что пользы от предостережения Яна де Грота, касающегося картины? Или он думал, что скрытая в

картине правда убьет, когда будет постигнута? Что таится за фасадом необычного рая, рожденного кистью Иеронима Босха? Ян де Грот мог видеть только первую створку триптиха. Средняя часть картины, по словам патера Берле, тогда лишь создавалась, если сумасшедший патер и его источники не врут.

Антонио де Небриха бесшумно подошел к коллеге и положил руку ему на плечо.

— Нам не разгадать эту загадку, Михаэль. По крайней мере сейчас. У меня есть для вас еще кое-что.

Кайе отвел взгляд от «Сада наслаждений» и вопросительно посмотрел на Небриху. Тот взял увеличенные снимки и прикрепил их на стену.

— Думаю, что могу расшифровать эти буквы. Они написаны как зеркальное отражение, справа налево. Одно «P», два «S», два «N» и по одной «M» и «R». Получается «PSSNNMR».

Небриха обвел буквы карандашом. Сейчас, когда Антонио показал буквы, сомнения Кайе улетучились.

— Как вы додумались?

— Леонардо писал справа налево, потому что был левшой. Судя по технике мазков «Сада наслаждений», Босх тоже был левшой. Аналогия напрашивалась сама собой.

Для Кайе это было чудом. Такие специалисты, как Небриха, обладавшие невероятной интуицией и энциклопедическими знаниями, вызывали у него восхищение. Их оставалось все меньше. Они владели техникой реставрации и знаниями в области истории и искусства. Многие из его коллег отдали предпочтение технической стороне дела, и сам Кайе не являлся исключением.

— А что означает комбинация этих букв? Небриха пожал плечами и сел за стол.

— Я не ясновидящий. Тут нужно время, книги с латинскими сокращениями и немного удачи.

Кайе тоже опустился на стул.

— На втором снимке я обнаружил сову.

— Я тоже, Михаэль, вот здесь.

Он протянул ему вторую фотографию. Ярким маркером были обведены очертания головы совы.

— А это?

— Похоже на тайнопись.

— И какими вы видите наши дальнейшие шаги?

Небриха клонился над письменным столом, оперся на руки и пристально посмотрел коллеге в глаза:

— Патер Берле. Он должен рассказать нам больше, и я думаю, его история даст ключ к знакам. Мы должны завтра пойти к этому священнику, чтобы он продолжил рассказ.

Подумав, Кайе кивнул:

— Если он еще сможет нам что-то сказать.

Антонио де Небриха насторожился:

— Что вы имеете в виду?

— Я должен вам признаться кое в чем. Когда мы были в его комнате, Грит и я, он утащил мой перочинный нож. Я заметил это, но не смог ничего с этим поделать. Он попросил меня помочь ему.

Антонио де Небриха вскочил, его стул ударился о стену.

— Вы просто осел, Михаэль! Простите.

**КНИГА ВТОРАЯ. В САДУ
НАСЛАЖДЕНИЙ**

Антонио де Небриха спал, положив голову на письменный стол, когда Кайе вошел в его кабинет. Пахло остывшим кофе и затхлым воздухом. Реставратор пробрался сквозь книги и рукописи к окну и открыл его.

Небриха встрепнулся:

— Quien es? Кто здесь? Ах, это вы, Михаэль.

— Похоже, вы забыли дорогу домой.

Небриха потянулся, встал из-за стола и поздоровался с коллегой за руку.

— Я с нетерпением ждал вас. Представьте себе, я нашел!

— Что?

— Решение, — прошептал он и указал на стену против своего стола.

Там висели семь листов бумаги, и на каждом была написана одна буква. PSSNNMR.

— Вы полагаете, что расшифровали их значение?

Небриха кивнул:

— Уверен. Я просидел над задачей всю ночь, и только утром неожиданно пришло решение. Это не тайнопись, как я думал сначала. Простое сокращение, пишутся только согласные. Обычное для латыни дело: надо добавить гласные, и получится предложение: «Posse non mori».

Кайе подошел ближе и посмотрел на висевшую рядом репродукцию. Утконос читал в своей книге именно эти буквы.

— Posse non mori — нельзя умереть.

— Да, именно так. Вы должны мысленно перенестись в то время. Конец пятнадцатого — начало шестнадцатого века, имеется в виду способность не умирать или...

— Бессмертие! Черт возьми, вы действительно верите, что темой картины было бессмертие и что где-то спрятан намек на то, как его достичь?

— Всего лишь предположение! Это может означать что угодно. Одно более или менее ясно. В Библии сказано: «Deus mortem non

fecit». Бог не сотворял смерть. Это можно рассматривать как намек на ситуацию в раю, Михаэль.

— Только одновременно с изгнанием из рая смерть приходит в жизнь людей. Они потеряли свой шанс, вкусив яблоко с древа познания. Такова библейская мудрость, — развил Кайе мысль коллеги.

— Верно, Августин утверждает, что в раю человек был бессмертен. Однако это не исключало смерть от несчастного случая. Смерть не была изгнана из рая, как показывает картина. Там дикая кошка проглатывает мышь, лев убивает оленя. Бог хотел проверить человека. Но Адам и Ева не выдержали испытания, потому что перешли на сторону греха. Любопытство заставило их оступиться. Самопознание проклятием легло на них. Акт грехопадения отбросил их к смертности, и таким образом смерть стала последним действием человека.

Слушая объяснения коллеги, Кайе освободил для себя стул.

— Очень хорошо, Антонио. Вы — гений интерпретации. Небриха усмехнулся:

— И все же это только первый шаг. Мы не знаем, какое это имеет значение и для чего использовалось.

— Ваши знания и ваш...

— Зато вы, Михаэль, непревзойденный специалист в иной области. Без ваших снимков у нас в руках ничего не было бы. Однако оставим взаимные похвалы. Вчера я даже не ужинал. Мне сейчас не помешает завтрак: бутерброд и чашка хорошего кофе.

— Я приглашаю вас, Антонио.

Кайе встал, а Небриха снял с крючка куртку. Когда они вышли в коридор, Антонио запер дверь.

— Такие ночи в кабинете я позволяю себе нечасто.

Он провел рукой по волосам, пытаясь пригладить их, но безуспешно. Коллеги молча шли по темным коридорам. Когда они очутились на улице, Кайе не мог больше сдерживаться:

— Антонио, один вопрос.

— Надеюсь, своим вопросом вы не испортите мне аппетит.

Кайе медлил, рассчитывая на любопытство Антонио, который был готов клюнуть на любую наживку.

— Я всю ночь думал, почему сеньора Вандерверф заговорила об имени Босха. Что это значит?

Они пересекли улицу и направились к небольшому ресторанчику. Официант уже расставлял столы и стулья. Увидев приближающихся мужчин, он поприветствовал их.

Кайе и Небриха выбрали место у двери.

— Я бы посоветовал вам быть осторожнее, — предостерег Антонио, когда они сели. — Эта женщина знает больше, чем мы предполагаем. Почему, мне неизвестно, но ее замечание об имени Босха ясно свидетельствует об этом.

Антонио де Небриха заказал бутерброд, омлет и кофе с молоком. Кайе присоединился к нему. Официант кивнул, протер мраморную поверхность стола и исчез на кухне. Кайе наклонился к Небрихе:

— Вы знаете, почему Босх взял себе это имя?

Антонио де Небриха молчал.

— Конечно, я думал об этом. Но о том времени так мало известно, и многое — просто предположения. К тому же надо поработать с цифрами.

Антонио взял белую салфетку и начал записывать под алфавитом цифры от одного до девяти. Кайе задумчиво качал головой, глядя на игру чисел.

— Что это значит?

— Каббалистическая нумерология, мистика цифр, магия чисел. Мы сегодня улыбаемся, а во времена Босха ученые жили в мире символов. Они верили, что числа влияют на суть вещей. Многие поражает нас и сейчас. Знаете ли вы, что цифрам 2, 4 и 6 приписывали женские черты, в то время как 1, 3 и 5 были мужскими?

Когда официант принес кофе, Антонио отложил салфетку в сторону.

— Сегодня нам известно, что у женщин две X-хромосомы, то есть четное число, в то время как у мужчин по одной X — и Y-хромосоме — число нечетное. Случайность? Но такие совпадения встречаются все чаще. За мистикой цифр таятся вековые знания. Пирамиды до сих пор скрывают от нас свои игры чисел. В античности использовали золотое сечение. Иудаизм, христианство и ислам строились на мистическом взаимодействии цифр: троица, четверо евангелистов, двенадцать апостолов — собственно говоря, тринадцать, Иуду Искарриота добавили потом, — двадцать четыре библейских царя и так далее.

Кайе скептически слушая разъяснения коллеги.

— Блеф! Не стоит рассказывать мне об этих фокусах. Будем разумны, Антонио.

Небриха улыбнулся, с наслаждением отпил кофе и закрыл глаза.

— Для вас это не имеет значения. Но Босх жил в мире, где игра чисел объясняла многое. Соборы того времени строились по правилам этой игры. В них увековечена символика цифрового кода христиан. Двенадцать колонн для двенадцати апостолов, три башни как символ троицы, семь часовен в венке храма как символ семи таинств.

Официант принес тарелку с бутербродами и теплый паштет, и даже у успевшего позавтракать Кайе разыгрался аппетит.

— Так, значит, цифры определяют положение вещей в мире?

Такая безумная мысль уже давно не приходила ему в голову. Кайе наблюдал за небольшой улочкой, ведущей от парка Ретиро к Прадо. Первые клерки спешили на работу, трусцой пробегали редкие джоггеры. В тени дома стоял одетый в черное человек и, казалось, чего-то ждал. Открывались магазины. Столица встречала утро. Мадрид делал последний вдох, прежде чем суета наполнит его улицы шумом.

— Мы бессознательно продолжаем жить в мире чисел и часто используем их, даже не замечая, — прервал Небриха размышления Кайе. — Почему мы завязываем носовой платок одним узлом, а не двумя, почему говорим «к черту!» три раза, а не два или четыре?

Антонио де Небриха с наслаждением пережевывал омлет.

— Я удивлялся, почему сын Антониса ван Акена взял имя Босх. Его брат сохранил свое имя. По крайней мере в хрониках города Хертогенбоса упоминается имя художника ван Акена. Конечно, существует простое объяснение. Будучи членом городского совета, художник хотел связать свое имя с именем города. Но я убежден, что есть другие, более глубокие причины. Имя «Босх» обладает магией. Он подписывал свои картины не с добавлением Hertogen, или Bois-de-Duc, или ван Босх и не разговорным ден Босх. Он подписывался просто Босх! Bosch — пять букв. Знаете ли вы, что число пять не встречается в кристаллах как порядковое число, а в цветах чаще всего именно пять лепестков? Число пять — число живого. Человек определяется числом пять: две руки, две ноги и туловище — всего пять частей тела. На руках и ногах по пять пальцев. Не хочу докучать

вам, но последний пример должен рассеять все ваши сомнения. Число пять — это пиктограмма. Еще Парацельс писал, что пиктограмма в иудаизме обладает большой силой, и знание об этом долго скрывалось. А разве алхимики не искали к четырем известным пятый элемент quinta essentia, который помог бы сделать из свинца золото?

Теперь Кайе слушал объяснения с большим интересом, попивая свой кофе. Его взгляд снова остановился на одетом в черное человеке, который прикуривал сигарету. Лица не было видно, но руки казались белыми как мел. С полным ртом Кайе переспросил:

— А как все это связано с именем Босха, если не считать, что в его имени пять букв? Переходите к самой сути, Антонио! Ваши идеи такие же фантастические, как и картина художника Босха.

Антонио де Небриха не обратил внимания на колкость. Он повернул салфетку с цифрами и колонками букв так, чтобы Кайе мог прочесть.

— Первым девяти буквам древнееврейского алфавита соответствовали определенные цифры. «Альфа» — 1, «бета» — 2 и так до девяти. Затем отсчет шел снова от одного. Но во времена Босха использовали латинский алфавит. К сожалению, не для всех букв латинского алфавита существовали такие соответствия, как в еврейском. Поэтому для них подобрали новые числа. Итак, наш ключ выглядит так: В — 2, О — 7, S — 3, С — 3, Н — 5. Если сложить эти числа, то в сумме получится 20. Каждая сумма имеет свое значение. Так, число 20 соответствовало слову «жизнь». В игре чисел считается, что от сумм двух цифр нужно отнять само число и разделить на 9. Вы спросите, почему именно на 9? В Каббале 9 — число Господа Бога.

Кайе записал числа и стал подсчитывать; Небриха невозмутимо попивал кофе.

— Если я правильно подсчитал, $20 - 2 = 18$, $18:9 = 2$.

— Да, двойка означает разделяющее и соединяющее, раздвоение. Я и ты, мужчина и женщина; это число противоречия, небожественное, число противостояния и взаимодействия, Инь и Ян. Каббала знает hieros gamos, священное соединение мужских и женских сил, парное зачатие и непорочное зачатие. Видите, все это представлено в имени Босха. Правда сложно? Как 5, так и 20 и получаемое из вычислений 2 имеют большое символическое значение, которого нет в имени ван Акен.

Кайе наклонил голову и одобрительно присвистнул. Его взгляд снова скользнул к человеку, который по-прежнему стоял на улице, глядя в их сторону. Неожиданно тот вышел из тени и быстрым шагом направился куда-то.

— Никогда не думал, что даже в имени могут быть скрыты чудеса. Но как говорят: век живи — век учись!

— Нет, Михаэль. Нам это трудно понять. Пятьсот лет назад жонглирование числами было доступно любому образованному человеку. И еще небольшое дополнение. Босх подписывался «Jheronimus Bosch» — это дает в сумме 59 и таит в себе все самое значительное в числах. Сложим 5 и 9, получим 14, отнимем от 59 и разделим на 9 — остается 5. Разве не удивительно? Еще интереснее: если от суммы 14 отнимем число букв в имени, получим 9. Это число символизирует состоящее из 9 букв непронизносимое имя Божье.

Кайе постукивал пальцем по столу.

— Имя Босх содержит в себе символику Творца. А кто как не художник есть творец собственного мира идей! Я прав?

Кофе уже остыл и был горьким на вкус, но Кайе не замечал этого — его захватил азарт коллеги.

— Якоб ван Алмагин вполне мог обучать мастера каббалистическому образу мысли. Если верить рассказу патера Берле, они проводили вместе долгие часы.

В голове у реставратора крутилось число пять. «Шанель № 5», пять чувств, пять умных и глупых дев, Пятикнижие Моисея, пять архангелов. И все же оставались сомнения.

— Но скажите, Антонио, положи руку на сердце, ведь это пустяки! И даже если все так как вы говорите, что это означает? Что дало вам просчитанное имя? Оно имеет значение только для посвященных.

— Михаэль, я думаю, что имя — его значение — связано с нашей картиной, с «Садом наслаждений». Цифры подтверждают мои выводы и я пойду дальше. Необходимо срочно получить больше информации о картине, об обстоятельствах ее создания. И о третьей части тоже. Вы же сказали, что сделали фотографию створки Ада. Ее непременно надо увеличить, Михаэль!

Кайе машинально кивнул, продолжая держать чашку с холодным кофе в руке и глядя на улицу. Какой-то мужчина направлялся к зданию,

где находились мастерские. Все на нем казалось не по размеру большим: брюки и куртка, мешковато топорщившиеся на худой фигуре. Что-то взволновало реставратора при виде этого человека, но что — непонятно. Когда незнакомец почти скрылся из поля зрения Кайе, тот едва не подавился.

— Проклятие, Антонио, кажется, я видел патера Берле! Разве такое возможно?! Он ведь...

Антонио ударил себя рукой по лбу:

— Простите, я знал, что забыл сказать вам что-то из-за всех этих загадок, букв, цифр. Вчера ночью позвонила Грит Вандерверф и сказала, что патер бежал из монастыря. Она предостерегала меня.

Кайе не дал коллеге договорить, достал кошелек и бросил на стол.

— Заплатите, я должен вернуться. Если это был патер...

Он вскочил и поспешил по улице за человеком в черном.

II

Кайе сразу увидел, что дверь в кабинет Небрихи открыта. Когда он приблизился к ней, патер Берле стоял в центре комнаты и рассматривал листы с буквами. В руке он держал перочинный нож.

— Buenos días. Простите, я могу вам помочь?

Патер повернулся к Кайе и криво улыбнулся ему:

— Конечно, сеньор Кайе. Эти буквы, что они значат? Однако сначала отдышитесь.

Рукой, в которой держал перочинный нож, патер указал на пять листков, прикрепленных к стене. Кайе невольно отступил.

— О, простите, вы неправильно меня поняли. Я хотел вернуть нож. Он принадлежит вам, потому я и здесь.

Патер закрыл нож и протянул реставратору. Тот медленно подошел и взял нож у Берле.

— Что вы здесь делаете, патер? Как осмелились взломать дверь!

Патер Берле оглянулся, ища возможности присесть, и опустился на стул, на котором раньше сидел Кайе.

— Помедленнее, сначала один вопрос, потом другой. Во-первых, я должен поблагодарить вас за нож. Без вас и ножа...

— Не втягивайте меня в свою игру, патер Берле. В конце концов, я не уверен, что действовал по собственной воле. Вы способны манипулировать людьми!

Патер Берле беззвучно рассмеялся:

— В этом вас убедила Грит Вандерверф? Вы переоцениваете мои возможности. Вы никогда не сделаете того, чего не хотите. А теперь вернемся к вашим вопросам. Дежурный внизу сказал, где я могу найти вас, и добавил, что я должен постучать в дверь напротив, если вас не окажется на месте. Вы часто бываете у сеньора... сеньора...

— Небрихи, — подсказал Кайе, наблюдая за патером, который явно чувствовал себя весьма уверенно.

И все же взгляд Берле все время возвращался к буквам.

— Да-да, сеньор Небриха. Ну, я и подумал, что не стоит ждать в коридоре, и постарался попасть внутрь — замки тут старые. Однако теперь, возможно, вам поставят новый.

Кайе еще не решил, сесть ему или сразу позвонить в полицию.

— Вы сбежали?

— О чем вы говорите? — успокоил его патер. — Вы забываете, что я не под арестом. Я просто не сообщил, куда иду гулять.

— И для этого вам понадобился мой перочинный нож.

— В качестве ключа, поскольку мне не доверяют.

Кайе нервно рассмеялся:

— Вы едва не уничтожили известную картину! И это не в первый раз! Как вам доверять?

Патер Берле повернулся к буквам.

— Я вижу, что не ошибся. На картине можно кое-что обнаружить, я даже не смел надеяться.

Кайе взял второй стул и сел.

— Поэтому вы хотели уничтожить картину. Что вам известно? Вы ведь не все рассказали нам?

Патер Берле смотрел не мигая, потом голова его покачнулась, и он разразился громким смехом:

— У вас очень милая манера, сеньор Кайе, вы всегда так прямолинейны?

Он подался вперед, не сводя взгляда с реставратора.

— То, что картина является изображением тайных учений, предполагали еще первые исследователи, в том числе первый коллекционер мира, король Испании Филипп Второй. Именно он поместил полотно в Эскориал¹⁶. Там оно находилось последние столетия. Так сказать, было спрятано. Картина замолчала, поскольку никто не знал, как ее толковать.

Кайе видел, что патер Берле борется с собой, не желая выдавать свои знания. Он помолчал и наконец решился:

— Думаю, я должен начать издалека. Уже при жизни Берле разные группы пытались завладеть картиной: церковь, частные лица и, конечно, заказчики — адамиты. Фернандо Альварес де Толедо, герцог Альба, приказал конфисковать картину. Будучи наместником испанской части Голландии, он имел на это право. Тогда картина висела не в соборе Святого Иоанна, а находилась в частной коллекции Вильгельма Молчаливого в Нассау. Вильгельм возглавлял не только голландское движение за свободу, но и был членом братства, к которому принадлежал и Босх. Один из его предков, Генрих

Четвертый, мог заказать картину для часовни братства. В первые годы реформации, когда такие картины находились в опасности, она переехала в Брюссель. Ее стали называть полотном о многообразии мира, чтобы спасти от погромщиков, которые опустошали церкви и уже уничтожили несколько картин Босха. Но не «Сад наслаждений». Под этим названием она всплыла потом в Эскориале, когда испанский король купил ее у сына герцога. Итак, триптих попал к Филиппу, однако в конце концов победила церковь — испанский король оказался ханжой.

Кайе был удивлен, он не ожидал, что патер обладает столь глубокими познаниями. Вдруг из коридора раздались сдержанные аплодисменты.

Кайе обернулся, Берле вскочил.

— Сожалею, что помешал вам. Ну вы и знаток! Я — Антонио де Небриха. Разрешите присоединиться? А вы тот печально знаменитый патер, покушавшийся на картину?

Кайе заметил, что патер в замешательстве. Однако Антонио де Небриха продолжал:

— Использовал ли король картину, чью эротическую ценность никто не отрицал, для мастурбаций, не доказано. Не смотрите так смущенно. Короли тоже люди, а католические — тем более. В любом случае церковь зорко следила за ней. Уже в 1599 году священник-иеронимит Хосе де Сигуенса попытался спасти картину. Он защищал произведение Босха от упреков в ереси и тем самым повел ученых по ложному пути. Нельзя из набожности государственного мужа и коллекционера Филиппа Второго делать вывод о правоте художника Босха. Пусть это даже было и так. На картину навесили ярлык, и на долгие годы она стала недоступна пристрастному зрителю. Целые поколения пытались толковать картину с позиций католического ортодоксального содержания и терпели поражение.

Патер Берле потер пальцами уголки губ.

— Разве не говорил Новалис: непонимание есть следствие неразумности? И ты ищешь то, что у тебя есть, и не можешь этого найти, сеньор Небриха.

— Мое искреннее уважение, патер Берле! Новалис не пришел мне на ум, но я думаю, вы попали в точку.

Кайе охватила досада. Они что, собираются устроить состязание?

— Вы пришли, чтобы произвести на нас впечатление своими познаниями о картине «Сад наслаждений», патер Берле? Или действительно хотели вернуть мне нож? Подумайте и о том, что мы можем поставить в известность полицию, особенно по части взлома.

Кайе посмотрел на дверь, патер встал и подошел к картине ближе.

— Не знаю, что вам рассказала обо мне сеньора Вандерверф, но я не сумасшедший. Возможно, цель моей жизни необычна. Я принадлежу к ордену, который потерял свое значение. Только после того как Ватикан открыл архивы Святой Инквизиции, я смог прочесть старые рукописи. И понял, что призван бороться с демоном нашего времени — женщиной. — Он резко повернулся к Кайе, который ничего не понимал в объяснениях патера. — А сейчас послушайте меня внимательно, сеньор Кайе и сеньор Небриха. Эта картина — послание особого рода. Многие пытались узнать, что хотел сказать своим полотном Босх и... — тут голос патера стал тише, он придвинулся к своим слушателям, — ...и скрыл ли в нем какую-то информацию. О художнике известно очень мало, почти ничего. И даже эта малость пропала в архивах инквизиции. Я хотел уничтожить послание — только для того, чтобы оно не попало в чужие руки. А теперь они преследуют меня.

Антонио де Небриха сел за письменный стол, на котором лежали увеличенные снимки.

— Кто преследует вас, патер Берле?

— Вы все еще не понимаете? Грит Вандерверф! Она не просто психолог, она ищет послание в картине для какой-то группы, о которой мне ничего не известно.

Кайе расслабился. Все ясно: патер явно одержим навязчивой идеей.

— Вы ведь не думаете, патер Берле, что мы поверим такому. Ваша история абсурдна.

Он развалился на стуле. Остальное — дело испанских властей. Берле, или как там зовут этого ненормального, нужно арестовать, и во второй раз Кайе не поддастся странному влиянию безумца. Он уже собирался снять трубку, чтобы позвонить в полицию, когда Небриха неожиданно обратился к патеру:

— А почему вы считаете, что Грит Вандерверф интересуется посланием в картине?

Небриха пребывал в напряжении, он наклонился над столом, ожидая ответа. Патер пояснил:

— После того как меня арестовали и привезли в пансион, она пришла ко мне якобы по поручению властей и расспрашивала о рукописи Петрониуса Ориса, хотя я об этом никому никогда не говорил. Ей было известно, что рукопись существует. Но откуда? Она приходила и допрашивала меня каждый день. Почему? Я обращался с просьбами перевести меня в другое место. После первых покушений я находился в государственных учреждениях. Но проку не было, я даже не знаю, доходили ли мои обращения до властей. Вполне вероятно, Вандерверф с сестрами прятали их. Поверьте, я знаю психологов и то, как они работают с людьми. Вандерверф интересуется исключительно картиной, а не мной.

Небриха вздохнул:

— Патер, может, нам заключить соглашение? Видите ли, картина действительно содержит послание. — Он указал на листы с буквами. — Вчера мы заметили кое-что и расшифровали. Мы будем информировать вас о нашей работе, а вы расскажете нам все, что знаете о картине и истории ее создания. В обмен на это мы не станем впутывать в дело полицию.

Берле усмехнулся и кивнул.

III

— Признаюсь, мне интересно, что заметно на ваших фотографиях.

Патер Берле взволнованно ходил по комнате. Кайе стоял, прислонившись к стене. Сегодня священник производил на него совершенно иное впечатление, чем при первой встрече. Сейчас в полной книг комнате его облик утратил демонизм, хотя на фоне пестрых стен кабинета Небрихи падре по-прежнему напоминал изображение на черно-белой фотографии. Однако это больше не был комок нервов, забившийся в угол каморки.

— В различных бумагах я обнаружил указания на то, что в картине сокрыты какие-то знаки. Мое обращение к руководству Прадо два года назад с просьбой исследовать картину не возымело никакого действия. Или нет: к картине приставили дополнительную охрану. Меня посчитали лжецом.

Берле разгорячился, и Кайе показалось, что он снова хочет взглядом подчинить окружающих. В глазах патера вспыхивали огоньки, будто кто-то включил газ и медленно увеличивал его приток. Реставратор знал, что взгляд Берле оказывает на него гипнотическое воздействие, и избегал его глаз.

Антонио де Небриха сидел на письменном столе, повернувшись к патеру, и было видно, что его медлительность явно нервирует последнего. Берле нервно потирал руки.

— И тогда однажды вам помог случай, — попытался ускорить рассказ Небриха.

Патер Берле медлил.

— Да, можно сказать и так. Когда я работал библиотекарем, один из сотрудников конгрегации пришел ко мне и поручил проверить документы Святой Инквизиции XV и XVI веков для опубликования. Во время своих исследований я наткнулся на чрезвычайно необычную рукопись: записки одного подмастерья, который в начале XVI века работал для Босха. И я стал интересоваться судьбой упомянутых в ней людей: Петрониуса Ориса, Якоба ван Алмагина, Зиты, ван Клеве. Я попытался установить, что стало с ними. Лишь об Алмагине я узнал,

что он, как еретик, был сожжен в 1534 году в Кельне, и больше ничего. В протоколах инквизиции меня просто ошеломила запись в отчете городского палача: магистр Якоб ван Алмагин был сожжен на трех крестах. Были сожжены все его вещи, одежда и головной убор. Понимаете?

— Нет, я не историк. Я понимаю, как удалить с картины пыль и лак, пористые места, придать прочность, добавить отсутствующий пигмент, но не имею никакого представления о привычках палачей.

Антонио де Небриха не мог больше молчать, он перехватил инициативу и продолжил рассказ:

— Дело для того времени необычное. Церковь признавала за раскаявшимся грешником право идти на костер в одежде, однако закоренелым еретикам, не желавшим вернуться в лоно церкви, не разрешалось сохранить одежду, идя на костер. А что уж говорить о сожжении личных вещей отдельно...

Патер Берле стоял перед репродукцией картины и наслаждался вниманием обоих слушателей.

— Из этого я сделал вывод...

— ...что Якоб ван Алмагин что-то скрывал и инквизиция хотела, чтобы тайна осталась тайной. — Небриха был весь огонь и пламя. — Нужно только узнать, что унес в могилу под одеждой этот ученый.

— Верно, сеньор Небриха. Я пришел к выводу, что это мог быть знак, карта, татуировка или что-то подобное, что давало бы ключ к разгадке картины «Сад наслаждений». Но Алмагин мертв, его не спросишь. И я занялся картиной, ведь должны же быть объяснения тому, что скрыто в ней.

Берле замолчал.

— Почему вы думаете, что Алмагин использовал свое тело для сохранения важной информации?

Кайе задал вопрос, и ему показалось, что все сомнения священника отозвались в нем новой болью.

— Если бы я тогда знал ответ, то смог бы прочесть знаки на картине, сеньор Кайе, — выдавил тот. — Я просто предполагал, потому что в протоколах все объяснялось необычно, и не могло быть случайностью. В тот же день сожгли еще четверых, но об их одежде ничего не говорилось. Вы понимаете, что это значит? Я надеялся, вы проясните мои сомнения.

Теперь встал Кайе и зашагал по комнате. Ему передалось волнение собеседника. Он одернул рубашку и поправил брюки, но не успел задать вопрос, так как его опередил Небриха:

— Не понимаю, зачем вы хотели уничтожить картину? Потому что вы хотели что-то выяснить?

Берле молчал. Он смотрел на Небриху, ожидая продолжения.

— Как бы вы прочли это латинское сокращение? «PSSNNMR».

— Вы хотите проверить меня? «Posse pop mori». Я бы прочел это так: «Нельзя умереть».

Небриха кивнул:

— Похоже, вы ориентируетесь в латыни лучше меня. Мне потребовалась для этого целая ночь. Надпись находилась на первой части триптиха.

Берле пожал плечами, подошел ближе к репродукции и забормотал что-то. Он бросил взгляд на Кайе, и тот заметил в глазах патера то же мерцание, на которое обратил внимание еще в пансионе. Священник описал рукой большой круг.

— Круг не имеет ни конца, ни начала.

Казалось, патер улыбался своим мыслям. Он пристально вглядывался в изображение на картине.

— Вы уже заметили, что все движущиеся в круге — мужчины? Ни одной женщины. Мужчины окружили пруд в центре картины, тогда как женщины купаются в нем. Удивительно, не правда ли?

Берле еще на шаг придвинулся к картине. Он словно ощупывал глазами все части триптиха.

— Я знаю его почти досконально. Если бы я мог рисовать, то нарисовал бы по памяти. Известно ли вам, что пансионом, куда меня поместили, управляют только женщины? Я не видел там ни одного мужчины. От директора до уборщицы — все женщины. Вы были единственным мужчиной, которого я видел там.

Кайе поднял голову и посмотрел на Берле. Сообщение ошеломило реставратора, хотя он вспомнил, что Берле уже рассказывал ему об этом. Тогда он не обратил внимания на его слова.

— Как это связано с картиной? — резко спросил Небриха.

— Напрямую, — провозгласил патер и застыл на месте. — Вы не можете объявить о своем открытии, сеньор Небриха. Оно не должно стать достоянием чужих людей. Я расскажу вам почему. Послушайте,

вы хотите узнать, что стало с Якобом ван Алмагином, Петрониусом Орисом и Иеронимом Босхом, сеньор Кайе и сеньор Небриха? Вы оба открыли то, о чем рассказывать нельзя. — Голос патера стал хриплым, в горящих глазах была мольба. — Обещайте мне, что не будете распространяться о том, что я доверю вам! Вы согласны?

IV

— Конечно, я согласен, — прошептал Петрониус и затаил дыхание.

Зита освободила пояс, расстегнула цепочку, которая поддерживала треугольный нагрудник, и через голову сняла платье.

— Тогда возьми это, — проговорила она и наклонилась, чтобы развязать сандалии. — Что стоишь как столб? — улыбнулась девушка и указала на пустой крюк для одежды. — Повесь туда.

Петрониус кивнул, не в силах отвести взгляд от Зиты. Под коричневым платьем оказалась белая, тончайшей работы сорочка, облегавшая тело. Зита подобрала подол и сняла ее. Теперь она стояла перед Петрониусом нагая. Художник взял сорочку, от которой исходил такой сильный запах женщины, что ему захотелось прижать ткань к лицу. Подмастерье рассматривал Зиту с нескрываемым вожделением.

— А теперь иди и повесь одежду туда.

Она снова показала на пустой крюк, затем подняла сандалии и протянула Петрониусу. Тот машинально повесил все на место, а когда вернулся, был смущен и не знал, что делать со своими руками.

— Теперь раздевайся ты, а я повешу твою одежду.

Совершенно смущенный, подмастерье начал раздеваться.

— Зита, я... — заикаясь произнес Петрониус, развязывая ремень и снимая башмаки.

Штаны упали на пол, Зита подняла их и набросила на руку.

— Ты прекрасна! — пробормотал подмастерье.

— Ну, давай же. Они ждут, — поторопила девушка, указывая глазами на проход, в который уже заглянул кто-то из членов братства.

Петрониус торопливо снял рубашку и протянул Зите. Тело выдавало его. Зита улыбнулась:

— Такое случается. Через какое-то время проходит.

Зита смотрела Петрониусу в глаза. Неожиданно он схватил ее за руку и притянул к себе. Девушка не сопротивлялась. Юноша чувствовал мягкие волоски на ее теле, Зита отбросила голову назад, и ее волосы рассыпались по плечам. Она стояла, выгнувшись полумесяцем.

— Отпусти меня, Петрониус. Мы понимаем, что воздержания нельзя добиться легко и сразу. Но серафимская любовь — любовь ангелов в раю — чиста. Мы — дети первого сада, сыновья и дочери Господа, какими были Адам и Ева. Все движения человеческого тела для нас священны, и телесное слияние тоже. Господь создал мужчину и женщину одинаковыми, проклял их тягой друг к другу. Но мы воздерживаемся от наших желаний во время литургии. Возьми себя в руки.

Зита высвободилась из его объятий и повела Петрониуса вверх по лестнице через дверь часовни. Часовня не была такой голой и холодной, как в тот день, когда юношу принимали в братство и он должен был выдержать жуткий экзамен перед братьями и сестрами. Теперь пол покрывал мягкий зеленый ковер, на стенах висели голубые шторы. Свечи на деревянных подсвечниках освещали помещение, так как окна тоже были завешены. Перед ними на полу уже расположились мужчины и женщины, словно первые жители рая. Петрониус обратил внимание, что они сидят по двое.

— И Адам вел Еву за руку и посадил рядом, чтобы делить с ней пищу и постель, — прошептала Зита.

Девушка тоже опустилась на пол и потянула Петрониуса за собой. Церковный служка протянул им шелковую подушку. Петрониус видел, что присутствующие рассматривают друг друга, но их не волнуют нагота, украшения, ранг и положение в обществе, богатство или нищета. Они интересуются человеком.

— Все, кто входит сюда, — прошептала Зита, опускаясь на колени, — равные среди равных, все — дети рая. Мужчины и женщины не отличаются друг от друга ничем, кроме тела.

Там, где обычно находился алтарь, стояла картина. Ее подмастерье заметил сразу. Во время первой встречи с адамитами картина была еще не закончена. Теперь она имела ясные очертания. Лишь в кое-каких местах отсутствовал последний слой краски и некоторые штрихи. Поэтому часть фигур оказались размыты.

— Это наше вероисповедание, Петрониус, — проговорила Зита, указывая на картину. — Мы смотрим из нашего мира на рай. Невинная жизнь, радостное общение друг с другом, свободное от низменных желаний. И мужчины, и женщины имеют одинаковые права и обязанности. Это — настоящий рай!

Петрониус кивнул, хотя не был согласен с такой трактовкой картины. Пейзаж в перспективе первой части триптиха переходил во вторую часть. Зритель смотрел на мир сверху, парил над ним, словно дух. Но что-то изменилось, стало нечетким. Людей встречал не настоящий рай, а — Петрониус не мог пока объяснить, ему нужно было подумать — измененное небесное царство, светский мир желаний и вожделений, в котором, как правильно заметила Зита, отсутствовало осознание вины.

В часовню вошел священник — высокий, широкоплечий, лысый мужчина. Петрониус скорее назвал бы его кузнецом. Священник обвел приход взором. Единственной одеждой ему служила сплетенная из грубой травы епитрахиль, которую он набросил как символ положения священнослужителя. Священник встал перед верующими и начал проповедь, что на время отвлекло Петрониуса от картины учителя.

После приветствия и вступительной молитвы священник запел «Кугие»¹⁷. Что означало, насколько аугсбургский художник знал христианские обычаи, нарушение традиций проведения мессы. Здесь должно было идти покаяние. «Я признаю, Господь всемогущий, что я не сделал добра, а сделал зло — я согрешил в мыслях, словах и делах». Однако ни одного слова об этом не слетело с губ священника. За «Кугие» шла «Gloria»¹⁸, которую повторяли лишь некоторые верующие.

Петрониус почувствовал, что Зита слегка придвинулась к нему, их бедра соприкоснулись. От ощущения близости тела Зиты у Петрониуса по спине побежали мурашки. Он почувствовал запах ее тела.

Затем священник перешел к чтению:

— «Вслед за этим дух повел Иисуса в пустыню, чтобы подвергнуть искушению. Сорок дней он голодал, и тогда к нему подошел искушитель и сказал: „Ты — Божий сын, скажи, чтобы эти камни стали хлебом“. Но ответил Иисус: „Не хлебом единым жив человек, а каждым словом, произнесенным устами Бога“».

Священник процитировал это место наизусть. Воцарилась тишина, в которой легкое дрожание волосков на теле показалось Петрониусу землетрясением. Зита не достаивала его даже взглядом. Как замороженная она слушала проповедь, а подмастерье не мог

понять, что привлекает его больше: картина или сидящая рядом обнаженная женщина.

— Если мы живем словом, как нам создать слова, — продолжал священник, — похожие на звезды, ясные и точные? Давайте искать эти звездные слова в нашем мире, они осветят нам путь во тьме и будут светить днем ярче солнца, чтобы указать правильный путь. Крестьянам звезды укажут работу, морякам помогут в плавании, а математикам — в наблюдениях и расчетах. Так ясны указания Бога, что даже крестьяне и моряки, не умеющие читать их, поймут звезды.

Мысли Петрониуса снова вернулись к картине. Священник говорил о картине и о точности, с которой выполнено ее послание. Несмотря на прохладный воздух, Петрониус почувствовал, как в часовне возросла влажность от испарений тел, как влага оседает на стенах, как по спине сбегает тонкие струйки, впитываясь в ковер. Он услышал, как капли всемирной жидкости падают в бассейн райского сада, услышал журчание ручьев, сливавшихся в саду любви в один поток, наполнявший озеро.

Картина была просто переполнена водяными символами. Раковины, рыбы, раки... разве не они означают слияние мужских и женских жидкостей, соединение в одном теле? Раковины — символы любви из-за сходства с женским лоном. Если художник рисовал женскую фигуру, его учили положить раковину на ее лоно как изображение вульвы. И все же Бог создал устрицу, а дьявол — ракушку. Там, в левой части картины, мужчина несет на спине ракушник, в котором происходит половой акт, и детородное семя кристаллизуется в три жемчужины.

— Мы, неумелые, должны упражняться в чтении настоящих звездных знаков нашей веры. Поэтому братство заказало картину, которая сможет представить наши слова в виде ясных знаков. Разве я не говорил об искушении? Вот мужчина несет его на своих плечах.

Священник указал на фигуру, которую Петрониус уже выделил для себя.

— Груз дьявольского желания сгибает человека и ограничивает его способность любить, но его нужно вынести. Картина должна показать нам не грех, а красоту братьев и сестер свободного духа. Любовь, которая присутствует в картине, это всеобъемлющая любовь, которую Бог дарит человеку в раю.

— Что означает группа людей в нижнем левом углу картины?

Петрониус удивился. Задавать вопросы во время службы? Невероятно! Он повернулся к человеку, задавшему вопрос. Это была роскошная и, судя по всему, богатая дама. Она сидела с покрасневшим лицом, скрестив перед собой руки.

— Наша вера не разделяет людей на тех, кто просто верует и с нетерпением ждет избавления, и на тех, кто производит зачатие, за что бывает проклят. Способность к зачатию и Божия воля для нас едины. Шесть человек образуют совершенное мировое число. Продукт первого женского и первого мужского чисел — два помноженное на три. Разве мир не был сотворен за шесть дней? Молодой мужчина держит в руках плод в форме яйца. Растение с тремя листьями на плоде — печать Божественной Троицы. Смуглое существо — невеста «Песни песней», о которой говорится: «Дщери Иерусалимские! Черная, но красива, как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы. Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня». Она воплощает своим цветом юную деву Землю. На голове у нее смородина — знак плодородия. Из лона ее вырастают растения невинности. Шестеро получили плод — плод Земли, который они передают дальше. Взгляд одной из женщин доходит до вновь сотворенной земли — рая Господа Бога, откуда вылетает голубь и опускается ей на руку. Разве не восхваляют эти шестеро созидательную силу Бога? Они принимают от него силу зачатия и дух, чтобы передать их дальше в мир. Не сказано ни одного слова ни о грехе, ни о проклятии, ни об изгнании, о чем мы слышим из уст нашей ложной матери-церкви.

Все время рука Петрониуса лежала на бедре Зиты, но только сейчас, когда священник замолчал, он почувствовал тепло и пот чужого тела и испуганно отдернул руку. Зита пристально посмотрела на художника.

— Я ничего не имею против, — прошептала девушка, однако ее улыбка была немного ехидной. — Ты тоже можешь задавать вопросы.

— Сегодня мы принимали в наши ряды нового брата. На следующей службе мы продолжим обсуждение картины.

Священник продолжил службу: он перешел к «Credo»¹⁹, подготовил евхаристию, пустил по рядам братьев и сестер хлеб и вино и, благословив всех, попрощался.

— Это все? — прошептал Петрониус, когда Зита встала и взяла его за руку.

— А чего ты ждал, оргию? Я что, должна была залезть на тебя и испортить мессу?

Девушка придвинулась к нему так близко, что волосы ее лобка щекотали его бедро. С любопытством Зита смотрела прямо в глаза Петрониуса.

— Нас порочат, Петрониус. Но слухи эти рождаются из тайных фантазий священников, которые не могут думать в своих сырых кельях ни о чем другом, как о половом слиянии, которое им запрещает celibat. Скажи, если мы тебя разочаровали.

Петрониус понял, что попался.

Непонятный шорох заставил его обратить внимание на небольшое, защищенное решеткой окно над наполовину скрытой ковром потайной дверью. Его преследовало ощущение, что сквозь темные отверстия окна за ними наблюдают глаза, обжигая взглядом.

— Что это за окно, Зита?

Она повернулась к отверстию в стене.

— Проход на крышу.

Петрониус напрягся и услышал легкий шорох одежды, шум шагов. Кто-то поднимался по лестнице. Петрониус подбежал к двери и дернул за ручку, но она была заперта.

— Что случилось? — испуганно прошептала Зита, когда Петрониус приложил ухо к стене.

Он отчетливо услышал звук быстро удаляющихся шагов.

— За нами следили! Своды вверху не достроены, и по лесам над главным нефом может пройти каждый и попасть на эту винтовую лестницу.

Подавленные, они направились к выходу. Затем один за другим члены братства выскользнули из часовни. Когда Зита и Петрониус вышли на улицу, он снова обернулся и посмотрел во тьму между колоннами в надежде различить кого-нибудь, но тщетно.

Солнце и жара соответствовали его расслабленному состоянию после вчерашнего загула. Петрониус лежал на валу, крыша которого давала достаточно тени, а сквозь бойницы с берега Доммеля проникала прохлада. Он хотел побыть здесь, наверху, один, разобраться в запутанных событиях прошедших дней и просто смотреть в пустоту, не видя ни лиц, ни пейзажей, ни растений. И все-таки даже здесь, вверху над городом, одна мысль не выходила у Петрониуса из головы. Он сел и рассеянно провел рукой по волосам.

Город под ним будто вымер. Все проклинали жару и прятались в домах. Даже рынок просыпался медленно. Повозки с товаром из Антверпена и Гента казались брошенными, будто жизнь замерла и время остановилось, хотя солнечная тень, добравшаяся до ног Петрониуса, свидетельствовала об обратном.

Ничего не изменилось, ничего! И это не давало Петрониусу покоя. Его душа жаждала путешествий. В Брюгге и Лейдене, в Гааге и Амстердаме ждали другие художники, которые могли многому научить. Он мечтал съездить в Париж, а оттуда к испанскому двору, по крайней мере в Мадрид или Саламанку. Он хотел учиться видеть и понимать, стать истинным мастером палитры. Но юноша не мог покинуть город и человека, к которому так привязался. При одной мысли о разлуке подмастерью становилось не по себе. Со вчерашнего дня кое-кто в Ден-Босе крепко держал его. Еще во время службы Петрониус понял, что не просто желает Зиту. Она соответствовала его представлениям о будущей жене: решительная, самостоятельная, умная, и в то же время — женщина с ее податливостью и нежностью. Разве мог подмастерье оставить ее и продолжить свое путешествие?

Взять с собой? На это у Петрониуса не хватило бы денег.

Ему нравился этот маленький город, где каждый знал соседа. Однако подмастерье чувствовал, что не задержится здесь надолго. Появление в компании с патером Берле многих настроило против Петрониуса. Он ощущал это, когда покупал хлеб, масло и бумагу. Повсюду подмастерье встречали враждебно.

Он хотел еще немного помечтать, но какие-то непонятные звуки заставили его очнуться.

Внизу в лавках на колесах проснулась жизнь. Откуда-то появились торговцы, выставили на прилавки бочонки, спрятанные под деревянными настилами. И всю эту суету вызвал один человек, медленно обходящий торговые ряды. Петрониус знал эту походку, спокойные и иногда неловкие движения рук и даже рисунок вен и сухожилий на этих руках. Внизу шел Якоб ван Алмагин, спрятав от жары голову под капюшон. Он совал свой нос под каждый навес, спрашивал, ощупывал товар, смотрел на свет и покупал самые разные предметы. Петрониус узнавал травы и порошки, семена и съедобные грибы. Под некоторые навесы Алмагин заглядывал дважды, трижды.

Петрониусом овладело любопытство. Стоит ли сойти вниз и показаться ученому? Или наблюдать за ним сверху, рискуя быть замеченными? Подмастерье выбрал золотую середину. Он спустился не до конца лестницы и замер, прижавшись к стене. Так он мог наблюдать за происходившим внизу. Петрониус видел, как Алмагин взвешивал небольшое количество порошка из мешочков, стоявших на прилавках. Некоторые мешочки продавцы доставали из-под прилавка только после его настойчивых просьб, торопливо высыпали порошок или зерна в небольшие чаши медных весов, которые держали в руке, и с поразительной точностью отвешивали товар и пересыпали в маленькие мешочки. Алмагин протягивал через прилавок монеты, забирал мешочки и складывал их в кожаную сумку.

Петрониус, присвистывая и не обращая внимания на торговцев, стал спускаться с лестницы. Краем глаза он заметил, как Алмагин испуганно поднял голову и снял капюшон. Петрониус спрыгнул с нижней ступеньки и обвел взглядом лавки. Затем с наигранным удивлением подошел к ученому:

— Что вы здесь делаете, господин?

— Покупаю травы, — ответил Якоб ван Алмагин, весело подмигнув и незаметно отходя от торговцев порошком. — Редкие пряности, такие как гвоздика и корица, а также ингредиенты для моих чернил. Я собирался к вам, Петрониус. Завершать портрет. Вижу, вы празднуете свой похмельный понедельник?

Петрониус не спускал глаз с ученого, и от последнего не ускользнуло это внимание. Оба мило улыбались друг другу.

— Я провожу вас. Мне стало скучно. И я не имею права отказаться от прогулки в таком приятном обществе.

Они направились вдоль канала в сторону собора. Шли молча. Позади торговец, с которым ученый обделал свои делишки, быстро свернул вещи.

— Позвольте задать вам, Якоб ван Алмагин, один вопрос, — заикаясь произнес Петрониус.

— Пожалуйста, спрашивайте, Петрониус. Я отвечу, если на то хватит моих скромных знаний.

Петрониус закусил губу.

— Что вы только что приобретали, травы или...

Якоб ван Алмагин схватил его за рукав с такой силой, что подмастерье замолчал. В глазах ученого вспыхнули странные огоньки, хотя выражение лица не изменилось.

— Никогда не обвиняйте тех, кто не совершил никакого преступления. Я покупал травы, которых не было на прилавке, верно. Назовите их ядом, если хотите. Но в каждом яде содержится целительная субстанция. Возьмем цикуту. Один стакан воды, смешанный с соком этого растения, — и человек медленно умирает. Органы будто замерзают один за другим. А если в стакан добавить несколько капель цикуты и выпить его или смочить больные места во время операции, то смесь снимет боль.

Петрониус смущенно молчал, опустив глаза. Ученый увлек подмастерье в сторону рынка.

— Даже отдельные слова в нашей беседе могут быть неверно истолкованы. Случайный прохожий подхватит необдуманно произнесенное слово «яд», не уловив взаимосвязи, и расскажет кому-то или на исповеди доверится доминиканцу. А священник, якобы заботясь о своей «овце», доведет сей факт до сведения инквизиции. И колесо закрутилось, и никто и ничто не в силах его остановить. Вы попадете в камеру пыток, потому что вас обвинят. Там вас заставят признаться. При виде орудий пыток никто не может ручаться за себя. Под пытками вы выдадите меня, вашего мастера, всех подмастерьев и половину города, особенно когда перестанете чувствовать боль. И начнется охота на ведьм. Десятки невинных людей лишатся жизни, потому что вы необдуманно употребили слово «яд».

В тени главного церковного нефа Якоб ван Алмагин остановился и указал на своды и стены собора, на леса, где сидели каменщики и каменотесы.

— Подобные сооружения возводятся только там, где существует строгий порядок, а послушание является добродетелью. Те, кто готовит яды, нежелательны в таком обществе. Они, — ученый указал на собор, — используют самый сильный яд, скрытый в человеке, — страх. Только трусливые строят такие монументы в честь и во славу церкви и всемогущего Бога.

Якоб ван Алмагин повернулся, его лицо было серьезным, необычайно серьезным, Петрониус ощутил неуверенность, он хотел что-то спросить, однако в этот миг их внимание привлек шум перед входом в собор. Там собралось немало народу. Петрониус не расслышал ученого, но ему показалось, что тот сказал «убивать».

VI

— Вы еще раскаетесь, Босх! — кричал человек голос которого Петрониус очень хорошо знал.

Якоб ван Алмагин схватил юношу за руку и потянул в сторону. Они поднялись на две ступеньки лестницы, ведущей ко входу в здание, откуда могли наблюдать за происходящим.

— Инквизитор! — пробормотал Алмагин и указал на двери собора.

Там в сопровождении двух солдат в яркой форме действительно показался Иоганнес фон Берле. Солдаты держали доминиканца железной хваткой — они выталкивали его из собора. Только когда дверь закрылась, они отпустили священника. Инквизитор исходил желчью, его лицо было искажено яростью. Он искал поддержки у окружающих, которые медленно и молчаливо выходили из церкви, чтобы наблюдать за развитием событий за стенами собора.

Патер распростер руки, набрал в грудь воздуха и закричал в медленно разрастающуюся толпу:

— Божьи люди! Ваши власти приведут вас к заслуженному отдыху в том мире. Тот, кто запрещает слово Господа Иисуса Христа, толкает вас в огонь чистилища! Там вы будете вечно каяться в своих грехах, так как грешите против слуг Господа Бога и против католической церкви. Но я скажу вам: вышвырните бунтовщиков из города, отправьте неверующих на костер. Тот, кто запрещает доминиканцам говорить, должен сам замолчать навеки!

Толпа заволновалась и занервничала, послышались одобрителльные выкрики, кто-то уж потрясал кулаками.

Якоб ван Алмагин по-прежнему держал Петрониуса за рукав. Теперь он повернулся к нему:

— Его вышвырнули из церкви! Бог мой! Магистрат решил запретить доминиканцам проповедовать. Братство не хочет, чтобы они распространяли ложное слово в церкви. Но теперь может случиться несчастье. Доминиканцы этого так не оставят.

Над площадью гремел голос патера Берле:

— Откуда такие мысли и такой настрой против священного порядка? Я скажу вам: от бесстыдных картин, которые переполнили церковь. У собора еще нет крыши, а демоны и черти уже населили его. Гнусные, лишённые всякого смысла картины оскверняют алтарь и каждого, кто смотрит на них. Сожгите дьявольские произведения и изгоните безбожную ересь из города.

— Далеко зашел!

Петрониус не понял, что ученый имеет в виду, но реакция толпы оказалась обратной. Если раньше люди поддерживали инквизитора, то теперь кулаки обратились против него. Патер Иоганнес невольно затронул больное место горожан: гордость за величественное сооружение городской общины. К солдатам вернулась уверенность, и они снова схватили патера за руки, чтобы вывести за пределы соборной территории.

Тот вырывался и срывающимся голосом кричал:

— Не прикасайтесь ко мне! Я посланник его святейшества всемогущего папы римского! И если вы не хотите узнать мой гнев, не смейте трогать меня! Каждому проходящему мимо священнику вы позволяете произносить под вашими стенами лживые речи. Но услышать правду из уст доминиканца вы не желаете. Жалкий город, на котором лежит проклятие, вскормивший своей грудью фальшь, злодейство и грех. Мы должны каленым железом выжечь всю нечисть!

— Он становится притчей во языцех, наш патер Берле, — улыбнулся Алмагин. — Прямо-таки демон слова, гений мысли. Каждое слово остро как лезвие кинжала. Надеюсь, ему не дадут продолжить, ибо он отравляет умы.

В словах ученого Петрониус чувствовал восхищение. Ему стало не по себе. В этот момент Алмагин обратился к мужчине, который, несмотря на жару, был одет в куртку из красного бархата и плотные кожаные штаны, отороченные мехом:

— Что там произошло?

Купец с ярко-красным узким лицом остановился.

— Вы ничего не видели?

— Нет, к сожалению. Поэтому мы хотим спросить, но это останется между нами.

Бросив растерянный взгляд на патера Берле, неистовствовавшего, поскольку ему не дали договорить, купец торопливо рассказал о

происшествии в соборе:

— Священник уже собирался выйти к общине, чтобы начать проповедь, но патер Берле оттолкнул его, встал за кафедру и начал говорить о правде в словах Господа Бога. Он не успел произнести и двух слов, как члены магистрата и бургомистр вызвали охрану. Солдаты были на посту, как всегда с момента введения запрета на проповеди доминиканцев. Они стащили патера с кафедры. Тот изо всех сил сопротивлялся. А теперь я должен идти к моей семье, простите.

На последние слова ученый уже не обратил никакого внимания. Петрониус следил за его взглядом. Открылись ворота собора, охрана образовала проход, за которым показались члены магистрата. Патера Иоганнеса держали четверо солдат, так как он продолжал пронзительно выкрикивать что-то. Бургомистр с отвращением отвернулся от Берле, комендант одарил его презрительным взглядом.

— Правильно, нельзя поддаваться на провокации. Следует вести себя так, будто ничего не произошло, — тихо прокомментировал Алмагин.

Толпа молчала. Слышно было только шарканье башмаков по песчаной мостовой, скрип кожаных подошв и выкрики доминиканца. Когда из собора вышел Иероним Босх, солнце зашло за тучу и холодная тень легла на площадь. У Петрониуса по спине побежали мурашки, а ученый втянул голову в плечи. Даже инквизитор смолк. Бургомистр обернулся, желая узнать причину наступившего безмолвия. Мастер Босх воспользовался случаем: он подошел к патеру и долго смотрел ему в лицо.

Петрониус физически ощутил напряжение, словно исходящее от самого собора. Волосы у него на затылке встали дыбом. Люди не сводили глаз с патера Берле и Иеронима Босха. Казалось, все ждали события, которое разрядило бы обстановку.

— Тихо, — прошептал Алмагин и снова схватил подмастерье за рукав. — Ни слова!

Это прозвучало как мольба, как зов о помощи. И как раз в это мгновение до Петрониуса долетели слова Босха, произнесенные громким звучным голосом. Одна-единственная фраза, уничтожившая патера Берле:

— Какая речь... А все, что стоит за этими словами, — зло и ложь!

Пальцы ученого впились в руку подмастерья. Только сейчас он заметил, какие у Алмагина узкие, длинные ногти.

Мастер Босх резко отвернулся от инквизитора, и тут блеснул луч солнца.

— Он подписал свой смертный приговор! — прошептал Алмагин в нависшей тишине и потянул Петрониуса по лестнице.

Затем ученый свернул в узкий переулок и потащил Петрониуса за собой в тень домов. Позади раздался протяжный резкий крик, похожий на вой смертельно раненного волка.

VII

Петрониус проснулся неожиданно. Его разбудил стук. Во тьме комнаты он открыл глаза и стал вслушиваться в ночь. Во сне художник вновь сражался с кошмарными существами, с демонами со звериными головами, и ему с трудом удалось вернуться в реальный мир действительности. Настоящий кошмар поселился в его голове и каждую ночь переползал в сны. В ночных странствиях, в океане мыслей находился патер Берле, выросший до размеров огромного дракона и уничтоживший своим горячим дыханием город Хертогенбос. Он обжигал дома и людей и прогонял из райского сада адамитов. Ден-Бос был райским садом. Петрониус улыбнулся.

Стук повторился. Тук-тук, тук-тук. Что-то монотонно ударило в окно. Петрониус затаил дыхание, он боялся взломщиков и бандитов, появления демонов и чертей из его кошмаров или чего-нибудь еще. Юноша вслушивался в звуки ночи, а монотонный приглушенный стук повторялся, не выдавая виновника. Тук-тук, тук-тук.

Петрониус сел в кровати, дотянулся до окна и приоткрыл его.

— Кто там? — прошептал он, готовый к любым неожиданностям.

— Петрониус, — тихо прозвучал голос за окном, — это ты? Нам срочно нужно поговорить.

Длинный Цуидер! Художник открыл окно и протянул руку:

— Хватайся, я подниму тебя.

Подмастерье почувствовал крепкую руку нищего, ухватившегося за его локоть и ловко проскочившего в окно — быстрее, чем он ожидал. Прежде чем поздороваться, Длинный Цуидер закрыл окно и прошептал:

— Никакого света. Никто не должен заметить, что ты не спишь и у тебя гости. Будем говорить шепотом.

Петрониус кивнул, не сообразив, что его собеседник ничего не видит. Он прошептал:

— Хорошо. Что привело тебя ко мне, Цуидер?

Воцарилась тишина, и Петрониус заволновался, пока не заметил, что нищий осторожно ощупывает мебель, ища возможность сесть.

— Садись сюда, на кровать, а теперь рассказывай.

— В этой комнате жил тот подмастерье, Ян де Грот?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что я нашел в стене крючки и кольца, будто кто-то хотел обеспечить себе быстрый спуск и подъем. Тот, кому известны эти ухваты, в несколько секунд окажется в комнате или за ее пределами.

У Петрониусахватило дух. Так вот почему Длинный Цуидер столь легко взобрался в окно!

— Откуда тебе известно о них? — шепотом переспросил подмастерье. — Ты уже бывал здесь?

— Нищие учатся быстро. Я обнаружил крепления, когда ощупывал стену. Они могли служить лишь для подъема, к тому же в промежуток между домами просачивается свет.

— Ты полагаешь, кто-то быстро и незаметно входит и выходит отсюда?

Петрониус не мог усидеть на месте и встал.

— Ты хотел мне что-то сообщить, Цуидер? Ведь твои слова требуют продолжения. Первое пугает, но с этим можно жить.

— Ну что же, хорошо. Держись, Петрониус. Я кое-что узнал о Яне де Гроте. До тебя он жил в этой комнате.

— Да. Но он исчез!

— Правильно, — подтвердил Длинный Цуидер — Никто его больше не видел. Самое интересное состоит в том, что он должен был выполнить для Босха поручение. Догадываешься какое?

Петрониус замер.

Ему казалось, он знает ответ на вопрос.

— Ян де Грот должен был написать портрет, — произнес нищий, — и отгадай с трех раз, кого он должен был рисовать?

В ночную мглу подмастерье прошептал имя, в котором было что-то жуткое, пугающее.

— Якоба ван Алмагина!

— Точно! И еще кое-что, Петрониус. Портрет, как и подмастерье, исчез бесследно. Я знаю только то, что Ян де Грот любил играть в кости и рассказывал кое-что за игрой. У него были такие же трудности, как и у тебя. Ян с трудом продвигался вперед. Что-то мешало ему рисовать, какие-то художественные проблемы. Но Ян говорил об этом, только когда был пьян. А последнее время он пил много.

— Зачем ты рассказываешь мне это? — прошептал Петрониус в разделявшую их темноту.

— Босх совершил перед собором ошибку! Все, кто рядом с ним, пострадают. И ты, Петрониус. Инквизитор не пойдет прямым путем раздора с Иеронимом Босхом. За мастером стоит город. Уходи, пока можешь. Пример Яна де Грота должен стать тебе уроком.

Петрониус до боли прикусил губы и почувствовал на языке солоноватый вкус крови.

— Ты веришь, что смерть Яна де Грота на совести патера Берле?

— Кто знает?.. Можно лишь предполагать. Не все, кто попадает в подвалы инквизиции, сгорают на костре. Многие погибают без благословения и без зрителей. Некоторые уходят в мир иной, даже не удостоившись погребения. Доммель милостиво несет свои воды в море и подхватывает всех, кого ему доверяют. Он не делает различия между детьми Христа и еретиками.

Ночь зазвучала в ушах Петрониуса шумом рыночного дня. Отовсюду слышались шорохи и скрип, голоса, тьма давила. Петрониус закрыл уши руками.

— Я не могу покинуть город, Цуидер! Не могу!

— Почему?

Нищий произнес одно слово, но оно заполнило все пространство и звенело в ушах. Петрониус почти готов был сознаться во всем. Однако когда подмастерье решился сказать правду, мир умолк, будто ждал и прислушивался только к нему.

— Зита!

Петрониус почувствовал, что Длинный Цуидер покачал головой.

— Ты глупец, Петрониус Орис! Зита уже несколько дней не появляется в трактире. Как думаешь, почему я пришел к тебе?

«Зита! — молнией пронеслось в голове Петрониуса. — Зита пропала!»

— Теперь я уж точно не могу покинуть город. И если она в руках патера Иоганнеса, он заплатит за это!

VIII

Энрик закрыл за собой дверь, не забыв предостеречь Петрониуса:

— Не стоит наносить краски очень толстым слоем. Достаточно, если контуры будут хорошо различимы. Это задний план за горой искушения. Но сделай все быстро. Декорация нужна сегодня вечером.

Хлопнула входная дверь, и в доме стало тихо. Петрониус был один. Он рассмеялся. Энрик, старый лис, навязал ему эту работу, чтобы уклониться от проверки. Они поспорили, и Петрониус проиграл. Собственно говоря, он должен был отправиться в собор, а его товарищ — на стремянку перед картиной. Но что делать Петрониусу одному на улице, если там нет Зиты?

Перед художником висело большое полотно. Огромной кистью он наносил на коричневую поверхность холста очертания скал. Медленно вырисовывалась скала, похожая на башню. Чтобы обмакнуть кисть в краску и посмотреть на работу со стороны, Петрониус спускался со стремянки и уходил в дальний угол. Он делал это много раз, оценивая работу то взглядом мастера, то взором недовольного дилетанта, то с гордостью посредственного ремесленника, который завершил свою работу.

Петрониус положил кисть на край мольберта, прислонился к стене и скорчил рожу, глядя на картину. Он собрался было громко похвалить себя, когда почувствовал вибрацию, идущую по всему дому. Художник замер. Однажды в своем родном Аугсбурге он видел, как рухнул фахверковый дом, и дрожь здания напомнила ему об этом. Петрониус прижал руки к стене, чтобы определить причину вибраций. Пронеслась мысль, что он в доме не один. Однажды он уже слышал за стеной разговор двух мужчин. Там должно быть какое-то помещение и лестница. А подрагивание может означать, что кто-то торопливо поднимается вверх.

Из мастерской подмастерье видел садик. С тех пор как Петрониус поселился в доме мастера Босха, он больше не был там. Другие подмастерья выращивали в саду травы, но, как было видно из окна комнаты, сад имел заброшенный вид. Юноша догадывался, что тропинка между домами ведет в сад. Сюда могли заходить и жильцы

соседнего дома. Вход в него зарос высокой травой. Там стояли стол и два стула из потемневшего от непогоды дерева.

Петрониус осторожно открыл окно и выглянул, чтобы прикинуть расстояние до земли, затем выпрыгнул. Пахло тимьяном, шалфеем и мятой, выращиваемыми подмастерьями. Ход действительно вел в сад. Юноша легко отворил калитку, сколоченную из грубых досок и покрытую серой краской, и нырнул в темный проход между домами. В двух шагах от черного входа на фасаде мастерской оказалась дверь. Сердце подмастерья выпрыгивало из груди. Он потянул за ручку, и дверь бесшумно открылась.

Петрониус просунул в дверь голову. С чердака просачивался свет, по внешней стороне дома вверх вела крутая лестница. Петрониус осторожно поднялся по ней на второй этаж. Широко раскрыв глаза, он старался привыкнуть к тусклому свету. На полпути из спрятанной за лестницей ниши на него неожиданно уставился какой-то зверь: черные светящиеся глаза, крючковатый клюв и белая розетка вокруг морды. Сова! Птица не шевелилась.

Петрониус осторожно протянул руку и потрогал пыльное оперение. Чучело совы слегка покачнулось на подставке. Теперь подмастерье отважился осмотреться по сторонам. У него за спиной находились полки, заполненные самыми неожиданными предметами: бутылки с голубой жидкостью, камни с вкраплениями останков животных, целые туши зверей, высушенные части тела, ноги, руки, окаменевшие рыбы и заспиртованные монстры в бутылках. Постепенно Петрониус понял, что это кунсткамера мастера Босха. Почти у всех художников были подобные коллекции. В них великие мастера черпали свои идеи, изучали строение тела, цвет и форму, внешность существ иного мира, их природу. Подмастерье видел подобное у Бройе и у Дюрера.

Но эта комната отличалась от всех виденных Петрониусом раньше. По спине юноши побежали мурашки. Таких странных вещей не было ни у Бройе, ни у Дюрера. Слева лежали стопки книг, кодексы и написанные и разрисованные от руки сочинения. Петрониус взял с полки одно из них, открыл и сразу понял, что за книга перед ним. «Malleus Maleficarum» — «Молот ведьм». Адская книга о видениях дьявола. Подмастерье быстро поставил книгу назад и вытер руки, словно только что держал в руках склянку с ядом. И осторожно стал

подниматься выше. На стенах висели листки, где сообщалось о странных происшествиях, гравюры с изображением диковинных существ с рогами на голове, серые коренастые животные с удлинёнными носами. Куски разных металлов были сложены на досках: свинец и медь, железо и цинк. На полках стояли коробки, в которые мастер собирал жуков и прочих ползающих и летающих насекомых. Сотни трупиков были пришпилены иголками к дну каждого ящика. Жуки-носороги с расправленными крыльями находились рядом со странными длинноногими существами. Хорошо знакомые Петрониусу стрекозы висели на стенах, будто мельницы. Но такую рыбу с крыльями он никогда не встречал.

Неожиданно подмастерье осенило! Это не просто комната для изучения природы; здесь мастер Босх черпал идеи для изображения чудо-существ, фантастических созданий, населявших его картины. Головы черных жуков с телами кузнечиков и ногами саранчи создавали причудливое существо, имевшее реальные черты, но не существующее в действительности.

Почти на уровне третьего этажа на дальней полке Петрониус обнаружил стеклянные сосуды, наполненные желтоватой жидкостью. Он с интересом рассматривал коллекцию, пока не понял, что было внутри: половые органы. В банках плавали женские груди, мужские половые органы. Создавалось впечатление, что банки закрыты неплотно. Наряду с ароматом спирта в нос подмастерья ударил запах гнили и разложения.

— Мы уже стали думать, что у вас никогда не появится желание увидеть кунсткамеру, Петрониус. Мы даже начали сомневаться в вас!

Петрониус вздрогнул, услышав голос сверху...

Подмастерье осторожно поднялся на последнюю ступеньку и оказался в клинообразном помещении, прилегавшем к наружной стене. Таким образом получался треугольник, в самой узкой части которого и проходила лестница. Когда Петрониус обернулся, то увидел перед собой на стуле Якоба ван Алмагина.

— Вы?

Ученый сидел, забросив ногу на ногу, на коленях у него лежала книга. Что-то было не так, поза и движения казались странными, хотя Алмагин шевелил только руками.

— Не ожидали увидеть меня здесь?

Петрониус прошел вперед и осмотрелся. Он незаметно принюхался — пахло чем-то, похожим на кровь.

— Я даже не мог подумать, что где-то здесь находится кабинет раритетов. Причем весьма необычный, я бы сказал.

Якоб ван Алмагин рассмеялся, закрыл книгу и встал.

— Для трезвомыслящих душ он может показаться преддверием ада, а для людей, научившихся справляться со своими фантазиями, это рай. Осмотритесь. Здесь всё помогает таинственнее изображать странности мира. Мы начинаем думать только тогда, когда встречаем что-то необычное. Оно должно казаться знакомым, не отталкивающим, чтобы привлечь наш взор. Лучше всего это удастся, когда мы видим знакомые формы, которые раньше не рассматривали осознанно. Мы знаем их, но они чужды нам. Это и есть искусство, настоящее искусство: брать ужасы этого мира из него самого.

Говоря тихо, но отчетливо, Алмагин ходил кругами, и Петрониус растерялся среди сокровищ и раритетов, наполнявших комнату. Линзы и стеклянные банки стояли на полках, в дальнем углу лестницы были колбы и дистилляторы, аккуратно разложенные и подписанные кости, черепа различных форм и размеров. На одном из придвинутых к стене столов лежал гербарий экзотических растений, привезенных в Европу из недавно открытой Индии. С потолка свисали высушенные конечности различных животных, и Петрониус увидел ноги коз, коров, овец, лапы собак и кошек. В центре комнаты располагалась лестница в мастерскую Босха.

— Другие художники гордятся своими коллекциями и показывают их остальным. Эта же спрятана от посторонних глаз. Почему?

— По сути, это калитка. — Алмагин указал на мастерскую. — Кто пройдет по этому миру, будет готов принимать ужасы на картинах как действительность. Они — часть мира, окружающего нас. Кто войдет через парадную дверь, отягощенный собственными мыслями, будет рассматривать картину с иных позиций.

Алмагин перешел на чердак, Петрониус последовал за ним. На каждом дюйме этого помещения располагалось чудо, Он обнаружил огромного скорпиона, разрезанного пополам и повешенного за четыре нити. Передняя часть тела с клешнями вращалась в потоке воздуха, то соединяясь, то разъединяясь с заканчивающейся мощным жалом задней половиной.

Вслед за ученым подмастерье вышел на чердак. Вход в кунсткамеру был спрятан под люком в полу, который Алмагин заботливо закрыл за собой, тщательно расправив лежавший над ним ковер.

— Отвечаю на ваш вопрос, Петрониус. Человек — существо странное. Дай ему картину, показывающую неизвестное, демоническое, и он поверит, что здесь поработала нечистая сила. А тут лишь фантазия художника. В действительности только жизнь есть дьявольское проявление, а дар изобретателя невинен, свободен от всякого греха. Он открыт, тогда как наше мышление находится в плену у собственных заблуждений.

Петрониус пересек чердак и остановился у одной из картин, закрытой черной тканью. Он знал, что скрывается за ней. В нем все кипело, и теперь он видел все события иначе. И встреча была не случайной. За всем скрывался чей-то план, который он не мог постичь. Неужели и спор с Энриком, и исчезновение Зиты — его часть?

— Почему вы рассказываете мне все это, меестер Якоб? Почему ждали меня? Почему подогревали мое любопытство, когда в доме никого не было? На все должна быть причина!

Алмагин обошел стул, на котором позировал для портрета, обогнул стол с красками и пигментами и наконец подошел к Петрониусу и стал медленно снимать ткань с картины. Показалась средняя часть триптиха.

Иероним Босх работал с невероятной скоростью, поразившей Петрониуса.

— Картина буквально кишит людьми, Петрониус. Мужчины и женщины все одного возраста, нет детей и стариков. Все они в одном весеннем состоянии невинности. Возьмем время до Всемирного Потопа. В нем человек не сознает, какому пороку предается. Возьмем рай, который и сейчас ищут там, где мореплаватель Колумб открыл новую страну. Люди должны жить так, как создал их Бог, не осознавая греха, не думая о старости. Или возьмем наше сообщество. Люди на картине, как и мы, празднуют службу. В центре — любовь, симпатия друг к другу, внимание, но не из-за полового влечения. Ни один человек на картине не совершает акт воспроизведения себе подобных. Только по этой причине картина чрезвычайно опасна. Потому что она отрицает основополагающий принцип Ветхого Завета: будьте

плодовиты и множьтесь. Если бы на этой картине люди бросились друг на друга, церковь подняла бы руку и заклеимила художника — и забрала картину. Нашлось бы много жирных аббатов, которые повесили бы картину в своих кельях. Но этого нет в нашем полотне, что делает его опасным. Здесь удовольствие служит только радости людей. Невероятная мысль! Если бы картина попала в руки инквизитора, мы все оказались бы на костре: мастер Босх, вы и я, и все подмастерья, которые тут ни при чем.

Взгляд Петрониуса блуждал по картине. По всему полотну угадывались сексуальные отношения. Земляника указывала на эротические действия, как и виноград, и сливы. У одного из мужчин была слива вместо головы, будто во время разговора с девушкой, которая лежала рядом с ним на земле и болтала, он не мог думать ни о чем другом, кроме как о ее половой принадлежности. А затем взор подмастерья упал на двух существ, которые были заключены в капсулу и дарили друг другу любовь. Лицо мужчины приближалось к женщине для поцелуя. Он положил руку на ее живот, а она свою — ему на колено.

Якоб ван Алмагин следил за взглядом подмастерья.

— Вы очень наблюдательны, Петрониус. Лишь немногим дана такая интуиция. Поэтому я показал вам картину. Ее значение...

— ...многообразно, — прервал его Петрониус.

Он восхищался тончайшей работой Босха. Части растений образовывали буквы, которые при внимательном рассмотрении можно было прочесть.

— Альфа и омега, начало и конец, человек рая и человек конца века. Они сравнимы в любви!

Петрониус не знал, рассказать ли ему о подслушанном ночном разговоре. Что-то удерживало его.

— Вы способный, Петрониус, очень способный. Это дворец бракосочетания, где созидательный наказ Господа Бога обновлен: плодитесь и размножайтесь. Но он приобретает иной смысл. Он не означает: переполните мир себе подобными. Он гласит: распространяйте наши идеи дальше.

— *Semen ets verbum deif* — прошептал Петрониус. — Слова Бога есть семя, из которого рождается жизнь. Шар на внешней стороне триптиха похож на яйцо мира.

— Хорошее наблюдение, Петрониус. Новое произведение рождается из невинной любви. Фантастическая мысль, мысль, выходящая за рамки того, о чем думают в этом мире священники эры конца, сомневающиеся фанатики потустороннего мира, властвующие и жаждущие власти. И все же картина идет еще дальше. Она дает портрет современности. Разве вы не узнали себя? Тут сидит не какая-то пара, а вполне определенная: Петрониус и Зита ван Клеве. Оба — невинные адамиты и оба носители этой миссии во веки веков. Вот изображена семенная коробочка львиного зева — подхваченные ветром зонтики семян разлетаются по всему свету.

Петрониус откашлялся. Низ живота неприятно тянуло.

— Почему я и почему Зита?

Алмагин опустился на стул, затерявшийся среди мольбертов, разноцветных палитр. Тут стояло и набитое соломой чучело совы, которое мастер принес из

— Я жду худшего. Мастер Босх оскорбил инквизитора, оскорбление придется искупать. Я чувствую, патер Иоганнес готовит удар против всего братства адамитов. Картину нужно спасти и, возможно, завершить, если мастер не сможет сделать этого сам. И должны остаться люди, в руках которых будет ключ к производству. Оно не должно остаться непонятым. Вам ясно, Петрониус? Какая польза от картины, если ее не понимают вообще или понимают неправильно? Никакой!

Петрониус кивнул, однако его не покидало ощущение, что не только мысль об адамитах подталкивала Якоба ван Алмагина передать послание картины дальше.

— Для вас эта работа мастера не должна быть тайной. Вам следует знать, что существа, изображенные на полотне, взяты у природы, а люди говорят на особом, но понятном языке.

Петрониус снова и снова рассматривал движения людей, странные горные образования, огромных птиц и плоды.

— А какое еще послание скрывает картина, и почему вы непременно хотите спасти ее?

Алмагин резко встал со стула и высоким, дрожащим от волнения голосом, задыхаясь, произнес:

— Кто вам сказал, что в картине есть что-то, кроме кредо нашего братства?

IX

— Не прячься, Петрониус, а неси сюда декорацию! — крикнул Энрик.

Подмастерье мечтал, устремив взор в небо. Видневшиеся сквозь дыры в крыше собора темные облака предвещали преставление под дождем. Но сейчас в опускающихся сумерках солнечные дорожки удлинняли тень колонн до самого неба. Над юношей простирался огромный мир, в котором он был всего лишь букашкой. Никогда раньше Петрониус не ощущал себя в такой степени, как в этот момент, причастным к осуществлению божественных планов.

— Тебе не место в этом мире, — неожиданно прозвучал голос Энрика.

Он подошел к товарищу и попытался забрать у него декорацию.

— Если бы все работали, как ты, то мы смогли бы показать преставление не завтра, а в следующем году.

Петрониус виновато кивнул и неохотно оторвался от созерцания бесконечного неба.

— Куда нести декорации?

— Я уже трижды сказал. Туда, за гору искушения, на правую сторону. Прислони к колонне и подними на гору. Внутри гора полая. Вверху декорации надо привязать веревкой. Вот, возьми канат и поспеши.

Петрониус кивнул и потащил натянутое на рамку трехметровое полотно к горе. Издали она действительно напоминала огромную скалу, которую закатили в еще не законченное здание собора. С обратной стороны она была завешана льняными полосками ткани. Со стороны колонн осталось место для последней декорации. Тогда вся конструкция приобретала оптическую завершенность. Петрониус вставил рамку в отверстие и проскользнул за полоски. По лестнице внутри горы он забрался наверх, чтобы канатом прикрепить декорацию к раме. Оттуда, если просунуть голову сквозь ткань, подмастерье мог видеть всю площадь. Перед собором стояли скамейки, приготовленные для горожан и патрициев. Места для простого люда были огорожены канатами вокруг колонн.

Петрониус завязывал узел, когда над сценой раздался пронзительный крик.

— Босх!

Высокий голос рвался вверх и, отражаясь от колонн, эхом возвращался назад.

— Иероним Босх!

Из темноты собора показалась фигура инквизитора, который, тащил за собой актера в маске. Петрониус слегка приоткрыл полотно декорации — так он мог лучше видеть происходящее и ничего не пропустить. Человек, шедший позади священника, попал в луч света, прорвавшегося сквозь облака и озарившего пространство между колоннами, и оказался чертом с рогами на голове, с привязанными к ногам конскими копытами и хвостом с острым, в форме сердца, концом. Но одет он был в платье доминиканца.

— Иероним Босх! — прокричал инквизитор, и от этого крика у всех присутствующих по спине побежали мурашки. — Выходите и покайтесь, я знаю, что вы здесь.

Патер держал артиста в костюме черта за воротник и крутился во все стороны, чтобы не пропустить появления художника. Его белое как мел лицо светилось во мраке собора, а обычно красные глаза походили на черные дыры. Петрониус невольно спрятался за декорацию, чтобы остаться незамеченным.

Мастер Босх появился в тот момент, когда патер Берле повернулся к нему спиной. На лице мастера была язвительная улыбка, в его облике чувствовались уверенность и достоинство. Такой человек никогда не станет унижаться и брызгать слюной подобно патеру Берле.

— Что вам нужно от меня, патер Иоганнес?

Инквизитор обернулся и некоторое время в оцепенении смотрел на художника.

— Что мне нужно? Что мне нужно? Вот что мне нужно! — прокричал священник и толкнул актера в маске к ногам художника.

— Вы что, совсем лишились рассудка, одев сатану как доминиканца? Разве не сказано в Библии: не испытывай Господа Бога своего?!

Босх задумчиво кивнул, опустился на колено и помог человеку в маске встать.

— Там также написано: Господу своему Богу ты должен поклоняться и Ему одному служить. О служении доминиканцам, насколько мне известно, в Библии не сказано ни слова. Но так как они все более дерзко вмешиваются в дела веры в Хертогенбосе, сравнение со злым духом из Евангелия от Матфея кажется мне оправданным.

С этими словами Босх обращался не к инквизитору, а к актерам и рабочим, устанавливавшим декорации. Привлеченные криками священника, они собрались вокруг спорщиков. Петрониус хорошо видел их: оба бледные, один стоял, заложив руки за спину, другой — скрестив руки перед собой. Во втором ряду среди собравшихся подмастерье рассмотрел Якоба ван Алмагина, прикрывавшего лицо руками. Казалось, тот расстроен поведением мастера.

— Разве дьявол не искушает нас ежедневно? Разве мы не потакаем прихотям доминиканцев в нашем городе? Потому что проще сказать: тот виноват, этого надо наказать сразу, того — лишить жизни, чем произнести: я виновен, мы все должны быть наказаны, давайте покаемся, так как у всех нас один конец — смерть.

— Вам не удастся толковать Библию в соответствии с вашими еретическими мыслями. Наш Господь требует послушания. И я заставлю всех, потребую этого послушания от каждого!

— Вы что — Господь Бог, патер Иоганнес, что ведете подобные речи? Тогда разрешите поздравить вас. Это самое глубокое еретическое заблуждение, которое может появиться у человека. Лично я придерживаюсь Библии.

— Я не Бог, но и вы не Бог! И обещаю вам, что если завтра вечером черт выйдет в обличье доминиканца, я сам брошу факел и подожгу этот город. А вы уже давно горите в чистилище!

Петрониус видел, как люди отворачиваются от патера и возвращаются к работе. Одни бормотали что-то или обсуждали с соседями выходку инквизитора. Другие молчали и кивали мастеру Босху. Выступление инквизитора не произвело нужного действия, и он, яростно расталкивая толпу, исчез за колоннами. Мастер Босх дождался его ухода и обратился к актерам и рабочим:

— Стройте декорации и ничего не бойтесь. За нами город. А черт, обещаю, не выйдет в обличье доминиканца.

Петрониус задумчиво спустился с лестницы, стал перед декорацией и осмотрел свое произведение. Гора искушения была

покорена. Теперь оставалось надеяться, что ангелы будут на стороне его учителя и защитят от дьявола инквизиции.

Когда подмастерье шептал: «Сатана, изыди!» — его осенило, где можно найти Зиту. Разве он не связан тайно с господином всех злых духов и самим Люцифером?

Петрониус спешил. Он быстро выскользнул через заднюю дверь зала и побежал мимо соборной башни по улице Керк-страат. Вонючая грязь из луж, в которые юноша ступал, обдавала его с ног до головы. Когда Берле возвращался к себе в конвент, он поднимался по улице Ватер-страат. Там Петрониус и собирался дожидаться инквизитора. Он мог спрятаться за большой бочкой для дождевой воды, которую кузнец поставил, чтобы охлаждать железо. Совершенно выдохшись, Петрониус опустился между стеной дома и бочкой. Подмастерье не просидел там и нескольких минут, пытаясь отдышаться, как услышал тяжелые, размеренные шаги патера.

Когда священник проходил мимо, Петрониус затаил дыхание. В глазах у подмастерья потемнело, легкие горели, требуя воздуха. Пот тек по всему телу. А когда он наконец сделал выдох, изо рта вырвался хрип. Патер Берле вернулся, удивленный странным звуком, огляделся, но ничего не заметил и зашагал дальше. Петрониус дождался, пока инквизитор отойдет на значительное расстояние, встал и последовал за ним. На улице никого не было. Ночь наполнила переулок тьмой, как темное пиво — стакан. Священник не замечал тени следовавшего за ним художника.

Через три улицы звук шагов затих, и Петрониус остановился, всматриваясь в темноту. Перед освещенным лунным светом фасадом дома он увидел белые руки и блестящую тонзуру священника. Патер постучал в дверь монастыря, ему открыли. Петрониус пробрался ближе к фасаду фахверкового здания. Казалось, патер Берле кого-то ждал, он взволнованно расхаживал перед домом, похрустывая фалангами пальцев. Неожиданно дверь снова открылась, бесшумно и медленно. Патер Берле проскользнул внутрь. Петрониус был озадачен. С кем встречается доминиканец в этом доме?

Юноша осмотрелся, ища какое-нибудь дерево, на которое можно забраться, или выступ в стене, чтобы за него уцепиться. Петрониус уже собирался встать и бежать по переулку, а потом забраться на внешнюю стену, когда кто-то толкнул его, схватил за руку и потащил в тень, прежде чем он смог оказать сопротивление.

— Ты что, лишился рассудка?!

Петрониус поразился:

— Цуидер, что ты здесь делаешь?

— Скажу, если ты не будешь лезть на рожон на освещенной лунным светом улице. Думаешь, инквизитор не предпринял мер, чтобы проучить дурачка вроде тебя? Ты не дошел бы и до середины улицы... даже не понял бы, что уже на том свете. Там, вверху, за голубиной дырой сидит арбалетчик, причем чертовски меткий!

— Я благодарен тебе, — вздохнул Петрониус, стараясь

— Видать, это моя работа — спасать поздними вечерами глупцов. Иначе у нас не будет оправдания перед Господом Богом. Но серьезно, зачем ты бежал за патером Берле?

Петрониус сел, он по-прежнему лишь с трудом различал фигуру нищего. Подмастерье восхищался ловкостью Цуидера, узнавшего и задержавшего его.

— Я думал, что знаю, где найти Зиту. Я почувствовал. Сегодня снова была стычка между патером и мастером в соборе. Они оба почему-то страшно разозлились.

Нищий глубоко вдохнул.

— У нас нет времени думать об этом. Я, во всяком случае, нашел Зиту. Детская задачка. Она живет там, где и жила. Просто не может выходить, сидит под домашним арестом. Одному дьяволу известно — почему. Я, собственно говоря, собирался к тебе в собор, когда на пути мне попался патер, а потом и ты. Тебя невозможно было не услышать.

Петрониус смущенно опустил глаза.

— А что теперь?

— Хм... — произнес нищий. — Ничего сложного. Просто пойдем туда, и ты поговоришь с Зитой.

Петрониус был огорошен. У него пропал дар речи от неожиданности.

— Я думал...

— Послушай, Петрониус, предоставь право думать тем, кто умеет. И пойдем со мной. Я не позволю стрелку проделать дыру в твоей шкуре. Во-первых, я не уверен, что тоже смогу убежать. Во-вторых, зимой холодно. А теперь за мной!

Длинный Цуидер прижимался к темной стороне улицы, пока они не вышли из поля зрения стрелка. Тогда приятели пересекли улицу,

быстро прошли по темному переулку и мгновенно оказались с другой стороны здания. Нищий ловко открыл пожарный люк и проскользнул в дом. Петрониус последовал за ним. Несколько шагов, и они оказались в саду, похожем на сад мастера, заросшем и диком, заваленном хламом. Цуидер коснулся Петрониуса рукой и указал на низкое строение напротив, окна которого походили на пустые глазницы.

Дверь была приоткрыта. Длинными прыжками нищий пересек сад и скрылся в доме. Петрониус последовал за ним. Цуидер встретил его внутри и пояснил:

— Эта часть здания раньше принадлежала монастырю. Там начинается территория доминиканцев. Она связана с женским пансионом, в котором живет Зита.

— Зита живет в монастыре? — Теперь Петрониус ничего не понимал. — Сегодня явно день откровений!

— Воистину так, — проворчал Цуидер, — а теперь слушай меня внимательно! С другой стороны в сарае есть дверь, она ведет в монастырский сад. Пройдя через сад, увидишь еще одну дверь. Она не заперта. Иди туда и поднимайся по лестнице, по правой стороне на второй этаж. Комната Зиты — третья с левой стороны от лестницы. Вечерняя молитва уже закончилась, и монахини забрались в свои холодные постели. У тебя достаточно времени, прежде чем настоятельница совершит утренний обход, чтобы поднять монахинь на молитву. В ней принимают участие все женщины пансиона.

Цуидер подтолкнул Петрониуса к невидимой в темноте двери.

— Откуда ты все знаешь?

— Знаю, и все. В конце концов, монахини тоже женщины, и им иногда нужно развлечься. А рука руку моет. Ну, вперед, пока не появилась настоятельница. С ней шутки плохи.

Петрониус подошел к двери и осторожно толкнул ее. Подмастерье быстро пересек сад; пахло мятой, тимьяном, шалфеем и ромашкой. Следующая дверь отворилась без единого звука. Петрониус нырнул внутрь. Сердце выскакивало из груди, кровь стучала в висках.

Деревянная дверь еще не закрылась за ним, как он услышал шум, стук тяжелых башмаков и легкие шаги человека, который, похоже, хромал. Очень тихо переговаривались двое, мужчина и женщина. Как Петрониус ни напрягался, он смог расслышать только одну фразу, от которой в горле застрял ком.

Спокойным и уверенным голосом патер Берле проговорил:

— Я очень надеюсь, что завтра с ней произойдет несчастный случай. Договорились?

— Зита!

Петрониус осторожно постучал в дверь в надежде, что ничего не перепутал. Меньше всего ему хотелось разбудить какую-нибудь монахиню, которая спросонья приняла бы его за сатану, пришедшего за расплатой за грехи.

— Зита, пожалуйста!

Его попытки разбудить девушку становились все решительнее, но за дверью царила тишина. Монастырский колокол пробил одиннадцать. До утренней молитвы было еще далеко. Петрониус прислушался — в келье никто не шелохнулся. Может, Зиты нет в монастыре?

— Зита! Зита!

Его шепот вызвал наконец движение за дверью. По полу прошлепали босые ноги, звякнула задвижка, дверь приоткрылась.

— Кто здесь?

— Зита!

Петрониус протиснулся в щель.

— Что ты тут делаешь? — прошептала Зита, медленно открывая дверь, чтобы впустить его. — Как вообще попал сюда?

В комнате пахло кровью — свежей и засохшей, — бинтами и водой, в которой их стирали.

— Потом, Зита. Что они сделали с тобой, они били тебя, пытали? Говори же, Зита, пожалуйста!

Зита быстро прошла к своей кровати и села на край. Матрас из соломы зашуршал и осел. Сквозь маленькое окно, расположенное так высоко, что выглянуть из него можно было, только встав на цыпочки, в келью попадал бледный лунный свет. Кроме кровати, в помещении находились стул, стол и маленькая табуретка. Келья была такой узкой, что, вытянув руки, Петрониус мог достать до стены. В дальнем углу под окном стоял сундук, на который подмастерье и сел. Он прислонился к холодной стене и посмотрел на Зиту. Темные волосы девушки тяжело падали на плечи, тело скрывало просторное одеяние. Руки лежали на коленях.

— Что означают твои вопросы? Кто должен меня пытаться?

— Длинный Цуидер сказал мне, что тебя удерживают здесь силой. Под домашним арестом. И только что я услышал, будто тебя хотят утром убить!

Зита покачала головой. Затем наклонилась к Петрониусу и погладила его по голове, словно маленького мальчика. Подмастерье почувствовал, что Зита медлит с ответом, будто обдумывает, что сказать.

— Со мной все в порядке, просто у меня было женское недомогание и я никуда не выходила, — прошептала она и положила руку на его плечо. Затем наклонилась и поцеловала его. — Хорошо, что кто-то думает обо мне. Нелегко было найти меня?

Петрониус старался не обращать внимания на легкую дрожь в голосе Зиты, но ее поцелуй смутил его. Что там говорил Длинный Цуидер о потребностях монахинь? Зита не монахиня, она не давала обета. Рука подмастерья потянулась к голове любимой, и он медленно прижал ее к себе. Кожа ее пахла водой, от волос исходил аромат лаванды. Петрониус не заставлял Зиту, она сама прильнула к нему. Он почувствовал ее грудь, ищущие поцелуя губы на своих губах, руки, скользящие по спине. Почти бесшумно влюбленные опустились на пол. Руки Зиты срывали с юноши одежду, затем она быстро разделась сама. В лунном свете их тела были золотистыми, как мед.

Петрониус почувствовал, как наполнилась силой его плоть и уперлась в бедро женщины. Зита тихо заворковала, прижала его к себе и ловко села к юноше на колени. От их тел исходил пьянящий запах страсти и вожделения. У Петрониуса все поплыло перед глазами. Чувства смешались. Зита взяла его руку и провела ею между своих ног. Подмастерье почувствовал ее влагу, дотронулся до сокровенных мест, которые жаждали ласки. И он ласкал их, пока Зита не выгнулась, отбросив голову назад, и не издала глубокий вздох наслаждения. Прошла, казалось, целая вечность, возбуждение Петрониуса достигло предела, он чувствовал боль.

— Теперь твоя очередь, — прошептала Зита, покрывая его поцелуями...

Но вот пробил час конвента.

— Ты должен уходить. Скоро настоятельница придет будить нас на молитву.

Петрониус вскочил и быстро оделся, не забыв поцеловать Зиту.

— Подожди. Обещай мне не становиться между патером Берле и мастером Босхом. Не вмешивайся! Обещай мне, Петрониус!

Все еще опьяненный ее ароматом, он спросил:

— Что тебе известно обо всем этом? Почему они бросаются друг на друга, будто голодные волки?

Зита встала, прижалась к Петрониусу и обняла его.

— Если ты вмешаешься, то окажешься на костре или в Доммеле, как многие до тебя.

— Многие до меня? — повторил Петрониус. И тут ему пришла в голову мысль, которую не следовало высказывать вслух. — Как Ян де Грот? И Питер?

Зита отвернулась. Потом быстро схватила свое одеяние и надела. Когда девушка снова повернулась к нему, в ее глазах блестели слезы.

— Ян де Грот заслужил смерть. И Питер был не лучше. А теперь исчезни.

Петрониус стоял как вкопанный. Зита знала о судьбе обоих!

— Что случилось с Яном де Гротом? Я должен знать, я получил от него сообщение, которое у меня украли в трактире «У орла».

Зита отошла и села на сундук. Она оперлась спиной о стену, будто боялась упасть.

— Что он написал?

Петрониус пожал плечами:

— Понятия не имею. Я не смог прочесть, потому что записка написана невидимыми чернилами.

Зита вздохнула:

— У кого она теперь?

Юноша снова пожал плечами, встал перед Зитой на колени и коснулся ее рук.

— Я не знаю, Зита. Листок вырвали у меня из рук, и даже Длинный Цуидер не понял, кто украл его.

На другом конце коридора просыпалась жизнь. Стук в дверь, тихий шепот, переходящий в молитву, становились все ближе.

— Ты должен идти. Будят на молитву, — настаивала Зита. — Увидимся завтра. Мистерия начинается.

Петрониус выглянул в коридор и смог различить фигуру со свечой, свет которой то опускался, то поднимался. Женщина хромала.

Она останавливалась перед каждой дверью, стучала и ждала, пока очередная монахиня не присоединится к процессии. Все вместе шли к следующей двери. Петрониус уже собирался выскользнуть из кельи, как вдруг почувствовал у себя на плече легкую как перышко руку Зиты.

— Беги из города, Петрониус, и никогда не возвращайся, если жизнь и искусство дороги тебе! Забудь меня, беги сегодня ночью!

У Петрониуса не оставалось времени ответить. Когда процессия остановилась у очередной двери, он выскользнул из кельи и поспешил вниз по лестнице.

XII

— Зачем вы заманили меня в кабинет раритетов?

Петрониус старался произнести вопрос невинным тоном, в третий раз счищая краску с лица ученого на портрете. Грунтовка едва держалась, а доска уже истончилась от постоянных прикосновений скребка.

— Вам известно, что значит наука, Петрониус? Когда любопытство не отпускает вас, когда вы одержимы в своем желании узнать типичную суть вещей и явлений? Вы имеете хоть малейшее представление о том, что заставляет таких людей, как Христофор Колумб, отправляться в дальние путешествия?

— Не двигайтесь, пожалуйста, меестер. Подбородок и щеки нужно наконец закончить, — прервал Петрониус разглагольствования Якоба ван Алмагина.

Уверенной рукой он водил кистью по серой поверхности, нанося контуры. От лба и волос перешел к лицу и уже после первых штрихов понял, что они снова не получатся. Щеки выходили слишком мягкими, а подбородок — круглым.

— Скоро я сдамся, меестер.

— Видите, даже работа с кистью и красками может стать приключением. Иной раз это сравнимо с открытием Колумба.

— Только в отличие от меня мореплаватель открывает вещи, которые существуют в природе, тогда как художник в своих путешествиях должен изобретать. Но вы не ответили на мой вопрос.

Взгляд Петрониуса постоянно переходил от картины к модели, и от него не ускользнуло внимание, с которым ученый наблюдал за его работой.

— А разве вам не любопытно было узнать, что скрывается за таинственной дверью?

Петрониус кивнул, отошел от картины на несколько шагов, чтобы лучше ее рассмотреть, и тихо выругался, потому что не понимал, что мешает нарисовать лицо ван Алмагина. Если смотреть на его голову, это был мужчина, но женское платье, грудь и бедра подошли бы ему больше.

— И все же я не вижу смысла, меестер. Вы могли бы показать мне кабинет после сеанса, или мастер Босх привел бы меня туда и объяснил все сам.

В последней попытке Петрониус провел кистью по лицу, и образ получился мужской, вот только он не был похож на Якоба ван Алмагина.

— Разные вещи — обнаружить что-то самому или открыть тайну с помощью третьего лица. Таков принцип работы наших университетов. Никто из студентов не задумывается, каким может быть наш мир, потому что все получают объяснения от профессоров. Нужно принять модель, верить в нее. Самое страшное, что это заслоняет путь для других решений. Сравните с красками, Петрониус. Если сами толкли и смешивали пигменты — вы создали цвет и знаете, как его изменить, чтобы он получился ярким и стабильным. Если вы купите готовую краску, то не будете знать всех ее свойств, поскольку процесс ее приготовления вам неизвестен.

Петрониус сдался и закрыл картину тканью.

— На сегодня все, меестер. Ваши объяснения просветили меня. Но к чему вы клоните?

— К результату! — прогремел за спиной голос, услышав который, подмастерье выронил палитру,

Петрониус не заметил, как в мастерскую вошел Иероним Босх. Он быстро наклонился и поднял свои инструменты.

— Если я объясню вам, что сова — символ мудрости, то, увидев ее на картине, вы скажете: речь идет об олицетворении мудрости. Если же вы, Петрониус, были однажды в лесу и наблюдали за ночной охотой совы, пролетавшей над вами и испугавшей вас до смерти, то осознаете, что сова может быть символом страха и испуга. Вот так просто!

Читая эту лекцию, Босх прошел в дальний угол мастерской, подвинул полотна, убрал мольберты и достал картину, которую подмастерье очень хорошо знал. Художник резко сбросил покрывало, и Петрониус удивился. Казалось, прошло много времени с тех пор, как он в последний раз видел эту работу. Либо Иероним Босх не спал ночами, либо работу за него делал кто-то другой.

— Вы видите третью часть триптиха, Петрониус. Все думают, что триптих — это картина для алтаря, и содержание должно быть

соответствующим. На внешней и внутренней створках я рисую сотворение мира, первых людей, рай, а справа — доска, которую вы еще не знаете.

— Я думаю, это ад.

Босх довольно улыбнулся, посмотрел на Якоба ван Алмагина, который ехидно ухмыльнулся, повел бровью и хлопнул рукой по бедру.

— Сцена ада! Правильное христианское произведение, которое нужно каждому священнику для его церкви. Но в наши планы не входит умножать число обычных алтарных картин. Через это полотно мы хотим передать послание, и вы, Петрониус, уже поняли, что именно скрыто в нем.

Подмастерье кивнул, но прежде чем ответить, поджал губы. Что это — экзамен, или мастер Босх хочет дать готовое решение, о чем его предупреждал ученый?

— Если я правильно понял, то в нем скрыто учение братства адамитов, мужчин и женщин свободного духа, — услышал он свой голос.

— Вы попали в самую точку, Петрониус. Наше братство подвергается враждебным нападкам, которым мы ничего не можем противопоставить. Жители Хертогенбоса на нашей стороне. Но влияние инквизитора налицо. Еще немного, и нас станут преследовать, как всех *homines intelligentiae*²⁰ в Эйндховене, Антверпене и Брюсселе. Кто проводит закрытые службы, связан с темными силами. Тех, кто невинно и открыто совершает евхаристию в память о первом человеке рая и ищет путь к высокому без мешающей одежды, потому что только так могут подействовать радости рая, того обвиняют в ереси. Магистр Якоб давно предостерегал нас — и мы верим ему. Теперь мы знаем, что время пришло. Влияние доминиканцев становится сильнее. Поэтому необходимо заключить послание адамитов в такую форму, которую не уничтожат вместе с нами, когда мы будем гореть на костре.

Петрониус посмотрел на неподвижно сидящего Якоба ван Алмагина. Верит ли тот в искоренение адамитов священниками ордена? Станут ли братья и сестры свободного духа костью для псов инквизитора, которую он бросит им? Надо ли понимать предостережение Зиты так, будто она знала, что начнется в городе? И не вызовут ли провокации со стороны Берле у населения сочувствия, не привлекут ли людей на сторону преследуемых? Все это может стать

ответом на его вопрос. Петрониус окинул взглядом мастерскую: повсюду висели эскизы декораций сегодняшнего представления, которое будет показано вечером в соборе. Через открытые люки проникало достаточно света, чтобы разглядеть сцены на бумаге: искушение Господа дьяволом. Будто пелена спала с глаз Петрониуса. Сегодняшнее представление тесно связано с ситуацией в братстве. Отсюда сутана монаха на черте и ярость инквизитора. Так понял подмастерье замысел мастера.

— Почему бы вам не написать книгу? Картину понять сложнее.

Теперь рассмеялся Якоб ван Алмагин, будто Петрониус удачно пошутил. Он встал, подошел к стопке узких книг с мифологическими толкованиями, открыл одну из них и вверх ногами протянул подмастерью. Петрониус смущенно смотрел на буквы, которые не мог прочесть.

— Читайте! — приказал ученый.

— Переверните книгу, и я прочту!

— А, буквы смущают вас. Значит, вы умеете читать. А для неграмотных не важно, как открыта книга. И этим искусством не всякий может овладеть. Даже сейчас, когда изобрели книгопечатание и появились свинцовые буквы. Зато картину способен прочесть каждый, кто смотрит на этот мир хотя бы одним глазом. К тому же книги горят, Петрониус, отлично горят. Их бросают в первый попавшийся камин, и знание превращается в пепел!

Мастер Босх перебил ученого:

— Алтарные картины, когда они освящены, в крайнем случае отставляют в сторону. Они попадают в ризницы или к коллекционерам. Их очень редко уничтожают. Они — священное имущество. Так послание может пережить десятилетия и века. Понимаете, Петрониус? Освященная алтарная картина — лучший гарант продолжения жизни нашего послания.

Петрониус начал понимать, чего хотят от него эти двое. Босх и Алмагин боялись за свои жизни. Кто-то должен позаботиться о том, чтобы триптих был закончен, а главное — освящен.

Якоб ван Алмагин заметил, что Петрониус все понял.

— Теперь вы знаете, почему я заманил вас в кабинет.

— Думаю, что да, — подтвердил Петрониус. — Я должен был понять, что невероятные образы, неизвестные существа и формы есть

часть природы. Что мастер Босх не изображает дьявольскую действительность, а внимательнее других рассматривает природу и получает из нее другую правду.

Петрониус постарался вложить в слова все свои сомнения. Но Иероним Босх, казалось, не заметил этого. Мастер задумчиво кивнул:

— Именно так. Картина сообщает людям о многообразии мира. В ней скрыто кредо нашего общества: смерть имеет конец, и наступает царство Христа, в котором два сливаются в одно.

Произнеся эти слова, Босх поставил картину на пол и углубился в ее созерцание. Якоб ван Алмагин подошел к Петрониусу, взял его за локоть и отвел в сторону:

— Не мешайте ему. Он ищет правду, а правда — изобретение самого лучшего лжеца.

XIII

Повсюду на колоннах горели факелы, проливая на сцену дрожащий свет. По бокам были установлены свечи на высоких люстрах, на самих декорациях расположились масляные лампы, придающие матовый отблеск горному ландшафту пресловутого Иерусалима. А над всем этим белый свет луны отбрасывал острые тени от колонн.

Шепот затих, когда на сцену вышел черт — весь в красном, с деревянными конскими копытами, двумя коровьими рогами на голове. Обращаясь к зрителям, возвращавшимся с мессы, черт крикнул:

— Если кто-то скажет вам, вот он — мессия, не верьте, ибо поднимутся ложные мессии и пророки и станут творить чудеса, дабы соблазнить избранных!

Произнося эти слова, актер в черном костюме сатаны показал в сторону патера Иоганнеса, который сидел в первом ряду вместе с настоятелем мужской конгрегации и аббатисой ордена. Даже со своего места сбоку от прохода Петрониус увидел, как краска залила лицо инквизитора. Но прежде чем патер успел взорваться от возмущения, черт уступил место сцене крещения Христа. И Иоанн с крестом в левой руке погрузился вместе с Христом в схематически обозначенное русло реки.

Христос, которого играл не кто-нибудь, а сам Иероним Босх, опустился на колени, в то время как над ним с криками проносились разные образы: гномы со смешными рожицами, великаны на ходулях, все в красном, с крыльями насекомых вместо рук. Головоногие и ползучие животные вылезали из всех нор и щелей и пытались помешать совершению обряда крещения Сына Божьего. Патер снова был сбит с толку, у мастера Босха не было официально заявленной роли, и Иисуса должен был играть священник. Верхняя губа патера Иоганнеса дрожала.

Сцена усиливалась пиротехническими эффектами. В небо между колоннами взметнулась шутиха и в момент совершения крещения белым дождем рассыпалась в свете полной луны. А потом к зрителям полетел бумажный голубь, и сверху раздался голос:

— Это сын мой возлюбленный, в котором я нахожу свою радость.

В тот же момент все дьявольские существа исчезли с душераздирающим криком, от которого у Петрониуса все похолодело внутри.

Подмастерье увлекся представлением и заметил, что зрители тоже в напряжении следят за действием. Даже инквизитор расслабился, пока черт вновь не появился на сцене в сопровождении свиты исчадий ада.

Они внесли его на стуле и поставили на середину сцены, танцуя и кривляясь. Черт стал проглатывать фигуры с изображением еретиков, которые протягивали ему слуги. Петрониус от удовольствия едва не захлопал в ладоши. По рядам зрителей прошел рокот. Босх сдержал слово, и черт не вышел в одежде доминиканца. Но слуги дьявола скакали по сцене в сутанах ордена. У каждого черта в руках был музыкальный инструмент, и они наигрывали жуткие мелодии. Зазвенели кубки, раздались песни и смех, и в одну секунду Божий дом превратился в трактир с продажными женщинами и сутенерами, шулерами и убийцами.

Патер Берле вскочил и в ярости бросился к декорациям, но крик его потонул во всеобщем шуме веселящейся нечисти. Никто из присутствующих не слушал обвинений инквизитора. Сидящие сзади зрители тянули его за сутану, требуя, чтобы он сел. Люди перешептывались, показывали на ту или иную фигуру, смеялись, радовались удачным шуткам. Патер бессильно опустился на скамью.

Только с появлением Христа дикое веселье утихло. Сатана попытался искушить его, однако Христос решительно отвергал все попытки. На лицах зрителей читались страх и гордость за стойкость Христа. Только лицо патера Иоганнеса мрачнело с каждой новой сценой. Последняя игралась на высокой, в десять футов горе, и зрители должны были поднимать голову, чтобы разглядеть происходящее. Дьявол показал Иисусу мир и его величие, воплощенное в колоннах храма, и бросил Ему вызов.

— Все это я отдам тебе, если встанешь на колени и поклонись мне.

В ответ Иисус произнес сильным голосом Босха:

— Изыди, сатана!

Воцарилась тишина.

В этот момент сатана отошел от Христа и с пронзительным криком, эхом отражавшимся от колонн, упал внутрь горы, где его должны были поймать трое мужчин. Петрониус знал это. Зрители с облегчением вздохнули в ожидании хорошего конца.

Отовсюду устремились ангелы — облаченные в белые и золотые одежды городские девушки. Петрониус узнал дочь бургомистра, схватившую руку Мессии и бросившуюся к Его ногам. Затем она поднялась и сказала, обращаясь к публике:

— Он мой Господь, и за Ним я хочу идти!

Представление закончилось. Зрители встали, у многих на глазах были слезы. Действо тронуло их. И тут над декорациями раздался безумный хохот, улетающий в высоту.

Люди застыли, глазами ища источник голоса, ужас охватил присутствующих. Все замерли. Петрониус увидел, как позади ангела, произносившего заключительное слово, вырос огромный, выше Босха, образ — совершенно голый гермафродит с женской грудью и мужским членом. Он нагнулся и толкнул девушку. Та замахала руками, наклонилась вперед и, потеряв равновесие, упала с горы вниз головой. Раздался душераздирающий крик. Разбившийся о плиты собора ангел лежал на холодном полу.

Всех словно парализовало. Петрониус медленно оторвался от жуткой картины: дочь бургомистра лежала с проломленным черепом, и уже никто ей не мог помочь.

Одним прыжком подмастерье оказался за кулисами, надеясь поймать убийцу. Злодей наверняка еще здесь. Петрониус нашел длинный шест и поднял. К верхушке была прикреплена перекладина, на которой висело набитое соломой чучело в огромном плаще, похожем на дьявольскую одежду. А ниже была прибита деревяшка, с помощью которой легко толкнуть человека. Одно только смутило Петрониуса: половые органы были настоящими, они пахли спиртом и гнилью. Он видел их в кабинете Босха.

Оцепенение в соборе проходило постепенно. Вот раздались крики. Петрониус прислушивался к всхлипываниям, плачу. Неожиданно прозвучал голос, от которого у присутствующих застыла в жилах кровь:

— До каких пор, Господь Правдолюбец, Ты не осудишь и не отомстишь за кровь жителей земли?!

Слова Иоанна из Апокалипсиса! Повисла пауза, люди притихли.

— Вытравим все, что приносит в город несчастье и страх! Выжжем рану неверия, оставляющую нас без надежды на Бога, и потребуем жертв. Удалим с кожи нарывы сомнений и греховности, ибо только в Боге правда. Все мы знаем, кому обязаны несчастьем. Тому, кто порочит имя Господа Бога. Кто во тьме приносит горе на наши головы. Вырвем руку, которая болит, вырвем глаз, который бросает похотливые взоры!

Петрониус увидел, как рука патера Берле поднялась и указала на Иеронима Босха, воплощавшего в одежде Мессии главного героя представления. Мастер все еще стоял на сцене, потрясенно глядя на мертвую девушку у своих ног.

Петрониус увидел дьявольский огонь в глазах инквизитора и отблеск смерти на его лице.

XIV

«Дом братьев лебеда» — вот что было написано на куске материи, который кто-то прикрепил к раме его окна. Внизу стояла похожая на подпись буква «З».

Башенные часы пробили уже дважды, дважды после ужина. Петрониус не был уверен, что прочитал послание правильно. Он снова и снова перечитывал буквы. В выпуклых окнах фахверковых зданий отражались прохожие, до неузнаваемости искажаясь. Будто окна хотели сказать, что все обманчиво, все только притворство и ослепление, за каждым явлением стоит другая правда. Старые круглые оконные стекла насмехались над молодостью, отражая искаженное и отвратительное. И лишь терпеливому наблюдателю за внешним блеском открывалась правда.

Время учило терпеливо ждать. Петрониусу показалось, что темная дверь зевнула, а неверное пламя свечи подмигивало.

— Кого ты ищешь? — прозвучал шепот.

Петрониус испугался и обернулся. Перед ним в двух шагах стояла Зита. На лице девушки застыла ехидная усмешка, которую он сразу простил, попов в плен аромата любимой.

— Если записка от тебя — то тебя, Зита.

Она кивнула, проходя мимо, и коснулась его рукой, приглашая следовать за собой. Потом поджала губы. Казалось, она обиделась, что подмастерье не пошел за ней. Петрониус сделал два шага и остановился рядом с Зитой.

— Зачем ты вызвала меня сюда?

— Я не знала, как встретиться с тобой, не привлекая внимания. Нас не должны часто видеть вместе. — Зита говорила серьезно.

— Почему так таинственно?

Зита вздохнула и быстро направилась к собору, так что Петрониус с трудом успевал за ней.

— Подожди. Я хотел бы узнать...

— Узнать, узнать... — передразнила Зита и рассмеялась. — Почему мужчины всегда хотят все знать?

Они прошли мимо собора, и Зита, к удивлению Петрониуса, направилась к боковому входу.

— Через эти ворота улизнул убийца, — сказал подмастерье, когда они вошли в собор.

За дубовой дверью Зита неожиданно остановилась. Каменотесы опустили перед дверью полосу мешковины, чтобы защитить дерево от пыли. Дверь закрылась. Зита прижалась к Петрониусу и потерлась о него. Подмастерье почувствовал под платьем упругое и нежное тело. Когда Петрониус хотел прижать любимую к себе, Зита повела бровью и сказала:

— Вы, мужчины, должны не только узнать этот мир, но и почувствовать его.

Так же быстро она проскочила под занавеской и поспешила в собор.

— Зита, подожди же! — воскликнул Петрониус вполголоса, но девушка уже исчезла за колоннами.

Его голос прозвучал среди леса колонн, словно низкий аккорд арфы. На заднем плане, черные и величественные, еще стояли декорации вчерашнего представления.

— Ваша любовь должна быть незапятнанной и безгрешной, облаченной в ангельские одежды, так записано в одном из наших пророчеств.

Петрониус закрыл глаза и слушал мелодию голоса Зиты, не обращая внимания на смысл слов. Зита бегала вокруг колонн, и ее голос, казалось, доносился со всех сторон.

— И Троица склонилась к земле, туда, где находятся корни всего сущего, и в глубокой любви создала нас, одно тело и одну душу, громче воды и звонче пения птиц, и красивыми, как отражение солнца.

Последние слова Зита прошептала ему на ухо. Она оплетала его своим голосом будто сетью.

— Всякая любовь, которую мы чувствуем, есть любовь Бога, Петрониус, и потому она чиста, не растрочена и откровенна.

Петрониус открыл глаза и посмотрел в небо, которое сквозь незаконченные своды собора казалось еще глубже, чем на улице. Он осторожно потянул девушку к себе и указал на небосклон, где уже появились первые звезды.

— Я хочу полететь с тобой туда, Зита, — прошептал он и обнял ее. — И на всем пути я хотел бы...

Возбужденный мелодичным и ласковым голосом Зиты, Петрониус начал гладить ее грудь, но Зита отвергла ласки, будто он оскорбил ее.

— Разве я не пыталась объяснить тебе, что имею в виду? Ты глупец, ты не слушаешь меня! Что было, то прошло. Момент слабости переполнил нас чувствами. Такого не должно было произойти. Братство не знает телесной любви, не знает слияния полов до вступления в брак. Мы как Адам и Ева. Мы не ведаем наслаждений и влечения до брака. Ты понимаешь, Петрониус? Только после брака мы становимся свободными и отдаемся зову плоти без меры, что церковь предписывает выполнять как обязанность для воспроизведения себе подобных. Брачный союз — непрерывный соблазн. Но только он!

Петрониус словно получил пощечину. Что происходит? О чем она говорит?

— Я думал, ты испытываешь ко мне такие же чувства, как и я. Я думал, наша встреча...

Зита топнула ногой.

— Это так. Встреча! Ее не должно было быть. И что произошло, не должно было произойти. Мы отведали плод, Петрониус, запретный для братьев и сестер свободного духа, для тебя и меня.

Зита закрыла лицо руками, будто готовая расплакаться.

— Но как мы должны любить, если нам нельзя соединиться?

Петрониус подошел к Зите и обнял ее. Девушка не возражала, она положила голову на его плечо и тяжело вздохнула.

— Как Адам и Ева, в полной невинности, — глухо прозвучал ее голос.

Петрониус ошеломленно покачал головой:

— Не знаю, смогу ли я так.

Вместо ответа Зита высвободилась из его объятий, взяла за руку и повела в сторону часовни.

— Пошли, братство ждет нас.

Петрониус снова удивился. Все было лишь прелюдией к службе. Зита преподала ему урок перед выходом к братству.

Они быстро пробирались между колонн к хорам. У входа в часовню Зита трижды постучала условным стуком, и дверь открылась. В передней комнате Зита разделась и протянула одежду Петрониусу,

чтобы тот повесил ее на крючок, а потом разделся сам. Рука об руку они спустились на три ступеньки ниже, в часовню, где священник уже начал объяснять картину. Зита и Петрониус присели рядом и сосредоточились на разьяснениях.

— ...происходит посвящение в тайну *acclivitas*²¹. Дорога на вершину — это не то, о чем надо раструбить, знающие должны рассказать незнающим. Невеста посвящает своего жениха, жена — мужа, священник — паству в тайных, личных беседах. Видите юношу, расположившегося рядом с девой? У него на голове знак жениха, плод сливы. Он посвящен в нашу любовь и держит...

Петрониус начинал постепенно осознавать, что эта часть картины есть учение учений, урок уроков. Люди сообщают друг другу сведения, предназначенные не для всяких ушей. Группами по два, три, пять человек они стоят и слушают одного, который рассказывает то, что знает. Он поучал, давал указания, раскрывал тайны, а мужчины и женщины опускали глаза. И подмастерье знал, какая мистерия открывалась их взору, ибо там присутствовали символы, которые можно трактовать лишь однозначно: вишни, сливы, земляника, ежевика. Все эти знаки так или иначе указывали на любовь. Вишня предсказывала плодовитость, но не более чем слива указывала на посвящение женщин в тайны вожделения.

— ...знающий в башне, через которую жаждущие ученики, посвященные и обученные ритуалу, отпускаются в рай, на низшую тропу брачной плодовитости, показывает карпа, отяжелевшего от икры. Мы жалуемся на счастье этого мира. Мы привносим в него смех и надежду, любовь и нежность. Мы отказываемся от грубого наслаждения животной стороной нашей жизни, так как Бог создал на шестой день сотворения не зверей, а...

В то время как Петрониус рассматривал сцену, на которой священник вел под венцом жениха и невесту и наставлял их в знании адамитской любви, а прямо под ними лежала, тесно прижавшись, влюбленная пара, на ум художнику пришла Зита. Она сидела рядом, слегка наклонившись вперед, нагая, как образ на картине Босха. Грудь с маленькими темными сосками поднималась и опускалась. Девушка сложила руки на коленях, ее темные волосы спадали до самого пупка. Все это — назойливые слова священника, женщина рядом с ним, запах ее кожи и аромат лаванды — подействовало на его плоть.

Петрониус попытался скрыть сие неприятное обстоятельство. И именно в этот момент священник посмотрел в его сторону, запнулся и обескураженно уставился на чресла подмастерья. Петрониус попытался прикрыть восставшую плоть руками, но священник невольно привлек внимание общины к нему. Петрониусу не оставалось ничего другого, как сидеть и ждать, пока возбуждение не пройдет. Зита повернула голову и посмотрела на него, ее лицо густо покраснело. В отчаянии подмастерье протянул к ней руку, но она вскрикнула, вскочила и побежала к алтарю. Оцепенение прошло, и священник набросился на Петрониуса:

— Исчезни, недостойный! Тот, чье тело является лишь сосудом для похоти и греха, должен очиститься и только тогда открыть дверь в рай, когда он преодолеет дух сатаны в себе.

Петрониус встал и, опустив глаза, прикрывая восставшую плоть одной рукой, другой прокладывал себе дорогу к выходу. Он быстро схватил одежду и убежал в прохладу соборных колонн.

— Я видел убийцу!

Длинный Цуидер был бледен. Он нервно чесал струп на голове и ковырял шрамы на руках так, что они стали кровоточить.

— Нищих не хотели пускать на представление, и я вошел с заднего входа. Грандиозная постановка. Бесспорно! А для инквизитора — пощечина.

Цуидер рассмеялся и закашлялся. Затем притянул к себе Петрониуса и показал на стену, где находилась дверь, в которой прошлый раз исчез инквизитор. Приятели стояли в тени домов, а матовый свет восходящей луны освещал переулок перед ними.

— Я клянусь тебе: когда представление уже заканчивалось, я вышел на улицу. Там есть дверь в каменоломню, и я подумал, что через нее обязательно будут выходить зрители. Я двинулся через задний выход.

Цуидер рассказывал свою историю, и Петрониус все ближе подходил к нему. Запах грязного тела, гноя и крови становился невыносимым.

— Неожиданно я услышал крик, а потом воцарилась тишина. Я хотел опереться на палку, и тут открылась дверь. Я не успел и слова молвить, как кто-то налетел на меня, так что моя палка очутилась на другой стороне улицы.

Правой рукой нищий провел по затылку, будто сгонял надоевшего комара, и Петрониус увидел, что рука вся красная от крови.

— Когда я волнуюсь, Петрониус, то раздираю кожу до крови. Может, стоит добровольно прийти к нашему доминиканцу, тогда я навеки избавлюсь от проклятой чесотки.

Длинный Цуидер рассмеялся своей шутке, словно маленький ребенок, а у Петрониуса по спине пробежал холодок.

— Убийца не понял, что я почувствовал его.

Нищий сделал паузу, давая подмастерью возможность выразить удивление.

— Как это? — спросил Петрониус.

— И это все, что ты можешь сказать? Ты что, не понял? Когда убийца налетел на меня, я почувствовал его тело. И это было откровением! У него была грудь! И не было «хвоста». Я пощупал. Убийца — женщина, понял?

У Петрониуса ослабли ноги, захотелось сесть.

— Ты уверен, Цуидер?

На сей раз губы нищего коснулись уха подмастерья. Он словно хотел слиться с домом или стать частью его, чтобы никто не увидел и не услышал их.

— Да еще какая! Кое в чем я ошибаюсь, но женщину могу отличить от мужчины на расстоянии ста шагов, особенно когда пускаю в ход руки. Сильная дама, хоть и маленькая. Она скрылась в этом направлении. Я подумал, стоит ли поискать свою палку или бежать за ней. Она прохромала мимо, но, думаю, не заметила меня и скрылась вот за этой дверью.

Петрониус посмотрел на освещенную лунным светом дверь. Кроме кошки, проскочившей мимо в поисках добычи, никого не было видно. Переулок будто вымер. Лишь в голубиной дыре время от времени шевелился стрелок, а из круглого отверстия выглядывал арбалетный болт.

— Монахиня! Монахиня из монастыря доминиканцев! — прошептал Петрониус. — Я слышал, как инквизитор отдавал приказ убить девушку.

Подмастерье провел рукой по лицу. Он слышал — и не обратил внимания!

— Она хромает? — спросил Длинный Цуидер. — У меня чуть сердце не ушло у пятки, ведь я подумал, что это сам сатана хромает передо мной в сторону ада.

— Ну и что же мы будем делать? У нас нет доказательств, а без них мы не можем обвинить монахиню перед городским судом. Мы ничего не в силах предпринять, — прошептал потрясенный Петрониус. — Мы должны...

Рука нищего закрыла рот Петрониуса, и он почувствовал на губах вкус крови.

— Тихо! — прошипел Длинный Цуидер.

Они вслушивались в тишину. Из тьмы донеслись шаги. Нищий убрал руку, и приятели прижались к стене, почти приросли к ней

спинами. Незнакомец целеустремленно пересек улицу недалеко от них и направился прямо к двери в стене.

— Если он попадет сейчас в полосу лунного света... — прошептал Цуидер.

Любопытство Петрониуса достигло предела. Мужчина был в хорошо знакомом подмастерью одеянии.

— Якоб ван Алмагин!

Петрониус произнес это имя одними губами, но человек тотчас же остановился, обернулся и зорко посмотрел на противоположную сторону переулка. Он увидел бы друзей, если бы не кошка, на которую Алмагин едва не наступил в темноте. Ученый споткнулся и ногой отшвырнул животное в один из пожарных люков. Затем отвернулся, подошел к двери, резко постучал, и дверь открылась. Ученый проскользнул внутрь и исчез.

— Святой Фома! — вырвалось из уст ошеломленного нищего. — Что надо ученому в монастыре?

— Ночью, когда честные горожане спят, — добавил Петрониус.

— Ты не думал над тем, почему монастырь доминиканцев нужно охранять? Мы до сих пор считали это само собой разумеющимся. Здесь прогуливаются важнейшие городские мужи, и тогда вверху все спокойно. Но стоит приблизиться нищему, как летит арбалетная стрела.

Петрониус ухмыльнулся, хотя Цуидер и не мог видеть в темноте его лица.

— Что тут удивительного, Цуидер? Ваши вонючие тела и накрахмаленные одеяния монахинь не слишком сочетаются.

— Шути, шути. Почему патер Иоганнес и Якоб ван Алмагин могут ходить туда как к себе домой?

Эта мысль занимала и Петрониуса. Ну, насчет патера Берле он еще мог понять — монастырь принадлежал его конгрегации. Женский конвент подчинялся его уставу. Наверное, патер исповедует монахинь или раздает поручения. Но что делает здесь Якоб ван Алмагин? Какую роль играет он в запутанной борьбе за власть в городе?

— Нам не решить этой загадки. Давай исчезнем отсюда и встретимся завтра в трактире. Согласен?

— С тебя два пива, — произнес нищий и исчез в переулке, откуда появился Якоб ван Алмагин.

Петрониус подождал, пока не смолкли шаги Цуидера, и отправился в обратный путь. Однако не успел он и шага шагнуть, как попал в яму. Потерял равновесие, споткнулся и оказался на середине освещенной лунным светом улицы.

В этот миг подмастерье услышал за спиной шорох. Дверь была открыта, и монахиня, встречавшая посетителей, стояла на пороге и смотрела на него. Петрониус узнал шрам на щеке и одним прыжком очутился в спасительной тени переулка.

XVI

Петрониус неся по улицам города сломя голову. Кто-то преследовал подмастерье с тех пор, как он вышел из трактира. Юноша надеялся оторваться от преследователя в темных переулках северной части города. Но видимо, незнакомец знал, куда он свернет, и оказывался то впереди, то позади него. Похоже, юношу вели в определенном направлении. Безжалостный преследователь медленно теснил его через рыночную площадь к южной части Хертогенбоса. Хотя ночь была холодной, а одежда Петрониуса легкой, но он весь вспотел. Страх гнал художника вперед, тень прилипла к нему, словно кусок смолы, и Петрониус догадывался, что даже его комната в доме мастера Босха не станет ему убежищем.

Петрониусу очень не хватало Длинного Цуидера. Хотелось обсудить с ним вчерашнее происшествие у адамитов, но нищего найти не удалось. Подмастерье выпил три кружки пива и просто наблюдал за происходящим в трактире. Возможно, он посидел бы дольше, выпил еще кружку и постарался забыть неудачи последних дней, если бы не заметил в дверях фигуру в черной сутане. Человек стоял, прислонившись к дверному проему, и из-под капюшона смотрел на Петрониуса. Петрониус решил отправиться домой и там подумать о делах.

Не сделав и нескольких шагов по переулку, Петрониус услышал звук шагов за спиной и увидел, что человек в монашеском одеянии следует за ним.

Петрониус совершенно выбился из сил. Тяжело дыша, он прислонился к стене и вслушивался в темноту улицы. Может, ему наконец удалось оторваться от преследователя? Нос подсказывал подмастерью, где он находится. Судя по запаху, недалеко от красильни. Там в обмазанных глиной ямах перегнивали остатки растений, отдавая свои краски в наполненный водой и мочой бассейн. Кругом пахло гнилью, зловонная жижа булькала.

Петрониус поспешил дальше, однако шаги по-прежнему преследовали юношу. В голове засела мысль, что Яна де Грота могли травить подобным образом. Впрочем, лучше сейчас об этом не думать.

Кусок ткани упал на него неожиданно. Целый кусок еще мокрого льна. Сбил с ног и окутал тело. Прежде чем Петрониус смог оказать сопротивление, сильные руки замотали концы мокрого полотна и швырнули художника в сторону. От вони Петрониус едва мог дышать. Замотанному в ткань подмастерью оставалось только семенить вперед. Петрониус почувствовал, что они поднимаются по пологому холму, и в этот момент он бултыхнулся в густую жидкость, накрывшую его с головой. Петрониуса охватила паника. Он бился в вязкой, густой жидкости, рвался из стороны в сторону, но лишь глубже уходил в гущу. Подмастерье уже перестал сопротивляться, когда кто-то схватил его за ноги и вытащил на свет Божий. Полотно приклеилось к лицу словно пленка, жидкость стекала с волос, носа, губ. Юноша глотнул ее, поперхнулся и скорчился в судорогах. Неожиданно кто-то сорвал с него ткань.

Петрониус жадно хватал воздух, жидкость попала в рот, и он снова поперхнулся, проглотил ее, принялся с отвращением отплевываться.

— Петрониус Орис, вы что, сошли с ума?

Подмастерье даже не пытался открыть глаза, продолжая неловкими движениями сбрасывать с себя полотно. Голос он узнал сразу.

— Я всегда так крашу свою одежду, патер Иоганнес. Подмастерье откашливался, выплевывая остатки красителя.

— Пока чувство юмора не покинуло вас, можно сказать, что ваши дела идут хорошо.

— Лучше не бывает, патер, бывает только суше.

Петрониус отряхнулся и осторожно открыл склеившиеся глаза. Они находились на территории красильни с бассейнами, ярко светила луна.

— Вы всегда гуляете здесь, патер Иоганнес? — ехидно поинтересовался подмастерье, отплевываясь в желании избавиться от запаха мочи.

Патер зажал нос руками.

— Какая сильная вонь!

— Лучше сильная вонь, чем сильная вера. Вы не объясните мне, почему мы здесь встретились?

— Случайно, Петрониус, совершенно случайно, — бросил священник раздраженно. — Акт человеколюбия с моей стороны. Я услышал шорох, увидел выбегающего из двери красильни человека и подумал о преступлении. Потом обернулся, услышал, как вы бултыхаетесь, и вытащил вас из бочки за ноги. И предполагаю, вовремя, иначе вы утонули бы.

— Не верю ни одному вашему слову. Даже если поклянетесь всеми святыми и чудотворцами. Зачем вы хотели избавиться от меня?

Патер отвернулся.

— Лучше бы я дал вам утонуть. Вместо того чтобы снабжать меня сведениями, которые мне необходимы, вы доставляете мне одни неприятности.

Патер кивнул, давая понять, что пора уходить. На втором этаже уже открылись ставни, и из окна выглянул толстый ремесленник:

— Эй, кто там, убирайтесь отсюда, нищий сброд!

Петрониус молча поплелся к двери, мокрая одежда мешала идти.

— А теперь серьезно, Петрониус Орис! У меня была причина макнуть вас в дерьмо, была, но я шел за вами, поскольку увидел, что кто-то преследует вас.

Петрониус постепенно приходил в себя. Мир в лунном свете показался ему восхитительным. Переулки, которые совсем недавно нагоняли страх и вызывали мысли о дороге в преисподнюю, все еще устало зевали ему в лицо, а балки фахверковых домов напоминали рты великанов, смеявшихся над его страхом.

— Я не знаю, зачем вы лжете, патер Иоганнес. Никто, кроме вас, не заинтересован в моей смерти.

— Вы не желаете понять меня. Если бы я хотел распять вас на кресте, то давно сделал бы это. Мне не нужно тайком выслеживать вас и закручивать в покрывало. Я бы сжег вас открыто, и это был бы пример для всех тех, кто думает, что над церковью можно подшучивать. Раз и навсегда. Не мои палачи устроили вам засаду.

Петрониус задумчиво опустил голову, следуя за доминиканцем. Если священник действительно говорит правду, то у подмастерья появился в городе враг, жаждущий его смерти, хотя непонятно, за что и кто он. По спине Петрониуса пробежал холодок. Кому он перешел дорогу, кому угрожает так, что от него решили избавиться?

Подмастерье очнулся от своих мыслей, только когда они оказались перед домом недалеко от городской стены. Он поднял глаза, услышав, как патер постучал в дверь.

— Где мы? — спросил Петрониус, внимательно разглядывая окрестности.

Но дверь уже открылась, и патер грубо подтолкнул его внутрь. За дверью ожидала неопределенного возраста монахиня. Патер наклонился к ней и прошептал несколько слов. Монахиня кивнула и отошла в сторону. Она бросила на художника быстрый взгляд, и он узнал шрам, проходивший от правого уголка рта до самого уха, отчего улыбка навсегда замерла на ее лице. Тяжело хромя, монахиня исчезла в темноте коридора.

Вскоре она появилась вновь, неся в руке одежду и таз. Монахиня указала на воду, мыло и чистое белье.

— Спасибо, сестра Конкордия. Умойтесь, Петрониус, перед тем как мы отправимся дальше, — приказал инквизитор. — От вас воняет, как от обмочившегося кабана.

Петрониус кивнул, снял одежду, вымыл волосы, руки, ноги и тело. Облачился в чистую одежду. Она была широкой и складками свисала с плеч, но подмастерье радовался чистому запаху мягкой ткани. Его чуткий нос понял, где они. Среди деревянных, сырых стен поселился сладкий запах женских тел и тимьяна. Это был монастырь, связанный с пансионом, в котором проживала Зита.

— Что мы делаем здесь?

Петрониус осмотрелся по сторонам.

— Говорить будете, когда вам прикажут! — резко оборвал его патер, молча стоявший в углу.

Петрониус хотел что-то ответить, но в конце коридора снова появилась сестра Конкордия и махнула им рукой. Патер Иоганнес кивнул в ответ и подтолкнул Петрониуса перед собой, хотя тот сопротивлялся. Чем глубже они заходили в монастырь, тем сильнее становился запах воска и лаванды, которую использовали для защиты одежды от моли. Они молча следовали за сестрой Конкордией, сопровождавшей их по коридорам и лестницам монастыря. Петрониус старался запомнить дорогу, однако уже после пятого поворота сбился. Сводчатые проходы сменялись кирпичными стенами и обшитыми

деревом коридорами. Соединенные между собой здания образовывали единый запутанный лабиринт.

Наконец они пришли в комнату, освещенную свечами, хотя коричневые дубовые панели и подавляли свет. Натертая воском мебель отливала матовым блеском. Низкий шкаф с золотистой медной обивкой занимал большую часть комнаты. Удушье и страх мучили Петрониуса уже по дороге сюда. Посреди комнаты ждала еще одна монахиня, но она стояла спиной к ним.

— Вы знаете сестру Хильтрут? — спросил патер Иоганнес. Петрониус покачал головой:

— Нет, откуда мне знать монахиню?

Вдруг смутное ощущение, что осанка женщины ему знакома, охватило подмастерье.

— Повернитесь, сестра Хильтрут! — потребовал священник, и тут Петрониус увидел лицо, которое не мог не узнать, несмотря на воспаленные, красные глаза.

Губы девушки были плотно сжаты.

— Зита! Что они сделали с тобой?

Сестра Хильтрут покачала головой. Она смотрела на Петрониуса, и в глазах ее читался немой вопрос: «Почему ты не ушел, как я просила тебя?»

Затем монахиня опустила глаза.

— А теперь слушайте внимательно, Петрониус Орис. Меня мало волнует, что у вас есть враги в городе. Это ваши, а не мои. Вы не должны были втягивать сестру Хильтрут в ваши делишки. Я предупреждал вас. Вам следовало держаться в стороне от нее. Она монахиня, и не питайте напрасных надежд.

До этого момента Петрониус молчал и рассматривал Зиту — теперь сестру Хильтрут, — не осознавая до конца, что это значит. Теперь, когда прозвучало слово «монахиня», его оцепенение прошло. Художнику показалось, будто он проваливается в черную яму.

— Монахиня, Зита, но ты же была...

Девушка подняла глаза, и в ее взгляде читалось только презрение! Петрониусу захотелось закричать, затопать ногами, разнести мебель и растоптать ногами эту отвратительную жабу, инквизитора, за то, что он рассказал ему о Зите именно сейчас, когда он понял, что любит ее.

— Да, я горжусь тем, что могу служить Господу Богу... Взмах руки инквизитора, и девушка замолчала и неохотно опустила глаза.

Петрониус едва не зарычал, видя, как покорна Зита инквизитору. Патер Иоганнес повел бровью и застыл как статуя.

— Зита была нашими глазами, наблюдавшими за братством, она работала в трактире и была нашими ушами. А теперь она не у дел. После вашей животной выходки она, как и вы, исключена из братства. А мы оглохли и ослепли.

Патер подошел к Петрониусу ближе и улыбнулся. В его глазах сверкнула искорка наслаждения унижением художника.

— Я даю вам два дня, чтобы вы покинули город. И если я еще раз встречу человека по имени Петрониус Орис, то отправлю его на костер. На сей раз это не пустая угроза.

Один щелчок пальцев, и сестра Конкордия коснулась руки Петрониуса, предлагая ему следовать за ней. Монахиня медленно вышла из комнаты, он молча последовал за ней.

Подмастерье словно умер. Гнев выжег душу, словно кусок дерева. Патер должен заплатить за все. Петрониус и не думал покидать город. Он ломал голову над тем, как помочь Зите, или сестре Хильтрут, как ее теперь звали. Подмастерье чувствовал, что его губы дрожат, а дыхание участилось. У него есть два дня. Хотелось как можно быстрее выбраться из этого здания, закричать, дать волю чувствам.

И в этот миг Петрониус увидел лестницу, по которой поднимался к Зите. Он замедлил шаг и отстал от монахини. Проходя мимо кельи Зиты, Петрониус тихо открыл дверь и прошмыгнул внутрь. Пусть сестра Конкордия удивляется, куда он пропал.

XVII

Петрониус осторожно скользнул по лестнице вверх, на крепостную стену. Поднявшись, остановился и стал наблюдать, нет ли за ним слежки. Подмастерье долго стоял без движения, он будто сросся со старой балкой стены. Слух юноши старался уловить шорохи среди вечернего пения птиц, а глаза обыскивали каждый закоулок, каждую дверь.

Петрониус не заметил ничего подозрительного, и все же кровь стучала в висках, когда он одной рукой подтягивался к бойнице, а другой ощупывал перекладину.

Кожаная сумка лежала там, где он оставил ее. Петрониус осторожно подтянул ее к себе и спрыгнул в проход. Он снова прижался к стене, чтобы его не увидели снизу. Схватил сумку и быстро достал из нее картину, которую, сам того не зная, должен был доставить в Оиршот. Развернул ее и разглядел. Было еще достаточно светло, чтобы рассмотреть изображение.

Постепенно к юноше приходило понимание ценности картины. Вот почему патер Берле убил из-за нее человека! Лицо священника было нарисовано так хорошо, что не вызывало никаких сомнений. Он был в черном платье ордена и изображен с рогами, в образе черта. Одного этого достаточно, чтобы отправить мастера Босха на костер. Послание картины было по-настоящему опасным. Одежда священника сразу бросалась в глаза. Другие детали на рисунке до сих пор были непонятны юноше. Но после представления Петрониус смог толковать их, они оказались пророческими. Черт висел на шесте, словно марионетка, у него были и мужские, и женские половые органы, и он толкал с горы человека!

На картине было изображено нападение на дочь бургомистра, но с одним важным отличием. Жертвой был не ангел, а актер, изображавший Христа. Именно его сталкивали вниз.

Петрониус прислонился к холодной стене. Он был рад, что не хранил картину в своей комнате, а спрятал после возвращения здесь. Лицо горело, вереница мыслей пролетала в голове, надвигающаяся тьма звенела в ушах.

Кто сделал рисунок? Конечно, один из учеников Босха. Энрик? Похоже, все-таки Питер. Это он положил рисунок в сумку, так что Петрониус не догадывался о нем. Но откуда он знал о предстоящем событии? Может, подслушал Босха или Якоба ван Алмагина?

Петрониус испугался своих мыслей. Он услышал приближающиеся шаги. Подмастерье, затаив дыхание, напряженно ждал. Петрониус мог видеть всю улицу. Две женщины с кувшинами спешили к колодцу за водой. Юноша тряхнул головой, пытаясь восстановить ход своих мыслей. Картина была предостережением для Босха, и он, Петрониус, виноват в убийстве, потому что не отдал рисунок, а спрятал его. Неужели это хотел сообщить ему Питер?

Неожиданно подмастерье вспомнил, что видел, как Якоб ван Алмагин входил в дверь монастыря. Он связан с убийством! Возможно, Питер узнал об этом и потому был убит. Мысли Петрониуса путались. Первый крик сторожа вернул юношу к действительности. Только сейчас Петрониус заметил, что наступила ночь. Ясно одно. Картина не должна остаться в Хертогенбосе. Он или увезет ее, или уничтожит.

Неожиданно Петрониус услышал звук, отличавшийся от остальных. Кто-то медленно, шаг за шагом, поднимался по лестнице, стараясь не шуметь. Подмастерье никого не видел, ночь слишком быстро окутала город черным покрывалом. Стало ясно, что, несмотря на всю осторожность, Петрониуса выследили. Он быстро схватил картину, повесил на шею сумку, встал и прижался к стене. Не оставалось ничего другого, как только ждать. Поблизости находился лишь один спуск. Его глаза искали и наконец нашли в темноте на фоне домов черный силуэт, медленно и бесшумно приближавшийся к нему. Петрониус старался слиться с черной балкой стены и дожидаться, пока человек не поднимется на его уровень.

Незнакомец закутался в черный плащ, на голову набросил капюшон, так что лицо невозможно было рассмотреть. Когда неизвестный оказался рядом, Петрониус неожиданно вышел из укрытия, сильно оттолкнул преследователя, так что тот пошатнулся, и, проскочив мимо, бросился вниз по лестнице. Подмастерье не знал, преследует ли его кто. Но в момент прикосновения почувствовал, что незнакомец — женщина, он дотронулся до ее груди.

Впрочем, сейчас его волновала только одна мысль: если его задержат с картиной, гореть ему на костре. На бегу Петрониус стал разрывать картину на куски. Он сориентировался по солоноватому запаху воды в реке и, оказавшись на берегу, выбросил горсть разорванной бумаги в темную воду. Побежал дальше и швырнул в реку остатки картины. Теперь можно было прислониться к стене и перевести дух. Сердце стучало, лицо горело. Постепенно Петрониус успокаивался, чувствуя, как остывает разгоряченное лицо. Никто, кроме него, не знал и уже не узнает, что было изображено на рисунке Питера. Подмастерье собирался отправиться в обратный путь, когда раздался мягкий голос:

— Что вы делаете в такой час на улице, Петрониус?

Подмастерье вздрогнул. Перед ним стоял закутанный в темную одежду Якоб ван Алмагин.

— Я видел, как вы от кого-то убегали. Вам нужна помощь?

Петрониус с недоверием смотрел на ученого. Откуда идет меестер? Может, это ученый муж шел тогда за ним? Подмастерье злился, что не рассмотрел своего преследователя лучше. Он не мог сказать точно, был ли это Якоб ван Алмагин.

— На улицах полно сброда, — ответил юноша и откашлялся в кулак, — и лучшее средство избежать неприятностей — скорость.

Алмагин сдержанно засмеялся и указал на сумку:

— Вижу, вы справляетесь, но сумку лучше оставлять дома. Ее вид может навести на преступные мысли.

С этими словами ученый, не дожидаясь ответа, отправился дальше. Петрониус смотрел ему вслед. Ученый остановился там, где Петрониус выкинул в воду клочки бумаги, наклонился, поднял что-то и, как показалось подмастерью, бросил в воду какой-то предмет. Но он мог и ошибаться.

XVIII

— Вы с ума сошли?

Никогда Петрониус не видел своего учителя таким разгневанным. Мастер нервно дергал полу своей куртки.

— Вы что, не могли сделать вид, что согласны с предложением патера? С того несчастного случая доминиканец занят только тем, что тайно настраивает против нас горожан. Они обрабатывают дом за домом, семью за семьей. Вынюхивают, подслушивают и сеют недоверие. Вы знаете, что люди говорят об адамитах?

Босх широкими шагами мерил мастерскую. Он размахивал кистью в левой руке, будто мечом. Палитра лежала на мольберте перед картиной, на которую мастер только что нанес последние штрихи, и свежая краска еще блестела.

— Если бы мы что-нибудь знали об этом! — бормотал мастер.

Петрониус неожиданно вспомнил о рисунке, который передал ему Питер. Он неуверенно переступал с ноги на ногу. Юноша был смущен, поскольку не вручил картину по назначению, а еще и потому, что в порыве ярости рассказал о своем соглашении с патером Берле.

— Я думал, сотрудничество с инквизитором...

— Оставьте! Это все второстепенно. Они открыто обвиняют нас в проведении оргий во время службы. Только большое воображение этих высохших монахов могло породить такое!

Но это еще не самое страшное преступление, которое нам приписывают. Ходят слухи, что мы приносим в жертву людей. В последнее время на улицах пропало несколько детей, и их не нашли. И теперь они хотят узнать, у кого на совести жертвы. Конечно, на совести братства. А вы своим необдуманном поведением подливаете масла в огонь.

Петрониус и мастер Босх стояли друг против друга. Художник изучал ученика.

— Я полагаю, ваша ошибка — это не проявление отваги, а следствие непонимания последствий в этой опасной игре не на жизнь, а на смерть.

Мастер повернулся к подмастерью спиной и снова подошел к картине, придирчиво ища ошибки и неточности в своем произведении. Он долго стоял перед ней, не произнося ни слова. Казалось, Босх забыл о существовании Петрониуса. Вдруг он обернулся и пристально посмотрел на ученика:

— Я опасюсь, что на днях протрубят призыв к травле братства. Патеру Иоганнесу нужен успех, а несчастный случай с дочерью бургомистра предоставил ему долгожданный повод. Так как дьявола, толкнувшего девушку, не нашли и, похоже, уже не найдут. — Мастер Босх не сводил глаз с Петрониуса. — Вы так же хорошо, как и я, знаете, что все было подстроено. Доминиканец сам отдал приказ травить нас. И он точно знал, чем закончится представление.

Петрониус отважился прервать мастера:

— Многие знали это, не только патер.

— Вы правы, слишком многие.

Тяжело вздохнув, Босх повернулся к картине. Художник решительно смешал краски, затем взял кисть из трех волосков и уверенно брызнул на землянику, находившуюся на голове одной из фигур. Символ любви в одно мгновение превратился в череп, знак жизни стал символом смерти.

— Кто подает вам эти мысли, мастер Босх? — отважился спросить Петрониус, удивляясь своей смелости. — Или вы все выдумываете сами? Введение в любовь, отношения персонажей между собой...

— Никто не может сам выдумать такое. Каждая ветка, каждая скала на картине имеют значение. Все они несут тайный смысл. И только внешне мир кажется зрителю демоническим.

— Это как текст, нужно только знать алфавит, — продолжал Петрониус.

Он повторил слова из ночного разговора. Мастер обернулся, и на мгновение на его лице отразился ужас. Затем оно вновь стало безразличным.

— Вы знаете алфавит?

— Только то, что я услышал на проповедях.

Босх задумчиво кивнул:

— Это обстоятельство мне не нравится. Картине вредит постоянное перемещение. Она не должна попасть в руки патера

неосвященной. И тут мы подошли к главному... Петрониус Орис из Аугсбурга, дайте мне слово. Когда начнется травля, доставьте картину в Оиршот. Пусть ее там освятят. Священник уже в курсе, он благословит ее. Картина не должна попасть на костер. Пусть лучше пройдут столетия, пока люди снова смогут прочесть ее. И не важно, что произойдет с вами, со мной. Обещайте мне это!

Мастер так близко подошел к Петрониусу, что в нос ему ударил кисловатый запах тела художника.

— Обещайте мне это!

Иероним Босх стоял перед Петрониусом, протянув руку, и подмастерье пожал ее, глядя учителю в глаза.

— Да отсохнет ваша рука, если нарушите клятву, — добавил Босх.

Голос его звучал так, что по спине подмастерья пробежал холодок.

— Теперь я поведаю вам одну из тайн картины. Подойдите ближе.

Босх потянул подмастерье к картине и указал на фигуру, которая пряталась в правом нижнем углу в своего рода пещере; взгляд ее был направлен прямо на зрителя.

— Видите этого человека? Что бросилось вам в глаза?

Петрониус подошел ближе. Освещения мастерской хватало, чтобы рассмотреть детали.

— Справа от него стоит колонна, на ней — стеклянная чаша. Чаша украшена жемчугом, и в ней сидит птица.

Мастер улыбнулся и тоже наклонился к картине, будто эта сцена была для него такой же незнакомой, как и для Петрониуса.

— Интересное наблюдение, Петрониус. Эта птица — индийский дрозд. Прекрасный певец с мелодичными, звонкими песнями, разносящимися далеко-далеко. Я знаю эту птицу по ее чучелу. Дрозда кормит второй дрозд, находящийся за пределами чаши. Две мужские особи, которые тайком суют друг другу разные предметы. Эти птицы — прекрасный пример того, что в мире нет ничего бесполезного, не исключая пения пернатых братьев и сестер. Даже они радуют наш слух и показывают нам свою божественную прелесть. Разве мы чувствуем себя не так, как эти птицы? Разве не заперты в стеклянную сферу и не видим только то, что находится прямо перед нами и что дают нам в виде подкормки другие, знающие? Здесь празднуют своего рода свадьбу, передают переходящее из глубины веков сладкое знание.

Мастер Босх помолчал.

— Но я имею в виду тот образ. Вам в нем ничего не кажется особенным?

Петрониус рассматривал фрагмент.

— Если не ошибаюсь, это единственный одетый человек на картине, — ответил подмастерье на вопрос учителя.

— Правильно. Он одет. Мужчина, и одет, — рассеянно добавил мастер, — и он показывает на...

— ...на женщину, которая, по моему мнению, может быть Евой. Она держит в правой руке яблоко. Я нахожу в ней женские признаки, хотя все они скрыты сферическим отражением хрустальной чаши.

Мастер Босх закашлялся от смеха и кистью указал на фигуру женщины.

— Ее покрывают пять печатей: одна на груди, на шейной артерии, на артериях локтей, и пятая закрывает рот. Она пророчица, жрица, Ева адамитского рая. Она — знающая. Ей известна тайна крови, она помощница...

Шаги на лестнице стали громче. Мастер Босх прервал объяснения, прислушался. Потом снова повернулся к подмастерью. Если Петрониус правильно понял, к ним поднимался Якоб ван Алмагин. Торопливо, будто хотел избавиться от еще одной тайны, мастер указал на фигуру мужчины. Глаза художника вспыхнули, как совы, на бледном лице.

— Вы узнали этого мужчину?

Петрониус наклонился к картине, стараясь различить в полутьме мастерской черты лица персонажа. И неожиданно, будто шаги навели его на эту мысль, он узнал Якоба ран Алмагина.

— Якоб... — прошептал он.

Петрониус не договорил, так как в этот момент показался ученый. Он сразу уловил ситуацию, и его голос, обычно приветливый, прозвучал так резко, что даже мастер удивленно обернулся.

— Мастер Босх! Вы ведь не собираетесь разболтать все тайны этой картины? Тогда в ней не останется ничего неразгаданного.

Когда ученый выпрямился, в глаза бросилось сходство, которого Петрониус раньше не замечал, потому что не хотел видеть. Одетый мужчина на картине был похож на пророчицу Еву.

XIX

— Петрониус, быстро! Босх арестован! Скоро начнут обыск в мастерской. Картины должны исчезнуть.

В мастерскую вбежал возбужденный и запыхавшийся подмастерье Энрик. Петрониус как раз подправлял пейзаж, который по желанию Якоба ван Алмагина должен был находиться на заднем плане. Пейзаж слева от зрителя призван изображать милую даль, где люди и природа созвучны творениям мира, а справа бесчинствуют тьма и хаос ада, что олицетворяет единство всего сущего. На дереве с частично опавшей листвой надлежит сидеть сове — знак зеркального отражения вещей.

Петрониус вскочил, схватил Энрика за рукав и посадил на табуретку. На таких сидели художники, чтобы меньше уставать.

— Что случилось?

Энрик опустил на табуретку, стараясь отдышаться.

— Было собрание братства милых женщин... инквизитор тоже присутствовал... лебединая трапеза... нельзя было предотвратить... — заикаясь говорил он. — Неожиданно инквизитор встал и обвинил мастера Босха, который сидел напротив. Убийца найден... он признался под пытками. Словесная перепалка... Якоб ван Алмагин уличает его во лжи.

Энрик постепенно успокаивался, и его рассказ становился понятнее. Подмастерье провел рукой по разгоряченному лицу.

— Мастер Босх сказал, что под пытками любой сознается во всем. И сам бы инквизитор признался в том, что распял Христа. Он может доказать это на деле, если инквизитор согласится попробовать горячие щипцы и даст полчаса времени. Патер Берле неистовствовал, говоря, что это богохульство, что мастер Босх и его друзья-адамиты приказали убить дочь бургомистра.

В голове Петрониуса пронеслась мысль: учитель предсказал эти события. Он знал об этом! Но откуда все известно Энрику? И что такое лебединая трапеза?

— Что такое лебединая трапеза?

Энрик удивленно посмотрел на Петрониуса и шумно потянул носом.

— Праздничный обед, на котором братство любимых женщин поедает лебедя. Вся городская знать приглашается на обед: патриархат, священники, а если ты член братства, то и ремесленники, и, конечно, бургомистр. За столом обсуждаются спорные вопросы и заключаются сделки. Нынче обед устраивал бургомистр.

Несмотря на несчастный случай с дочерью и траур, он устраивает обед? Петрониус был ошеломлен. Очень похоже на западню. Мастер Босх не подумал об этом.

— Мы тоже удивились, но бургомистр настаивал. Полагаю, мастер Босх догадывался, что обед не будет праздничным.

Постепенно Петрониус начинал понимать взаимосвязь, но на языке вертелся вопрос.

— Ты тоже принимал участие в обеде?

Энрик вымученно рассмеялся и покачал головой. Петрониусу показалось, он заметил в глазах товарища ехидный блеск.

— Я — простой подмастерье. Конечно, нет.

— Откуда ты знаешь, что произошло?

— Случайно стоял перед собором. Знаешь, там за несколько монет можно...

Петрониус кивнул. Он знал, что возле храма можно купить любовь всякого рода на глазах у католических священников, которые и сами пользовались услугами потаскух.

— Дальше, говори же!

— Напротив расположен дом «братьев лебедя». Там они празднуют.

Петрониус кивнул. Перед этим зданием он ждал Зиту.

— Неожиданно туда устремилась охрана, ворота распахнулись, и солдаты поднялись на второй этаж. Вскоре они вывели мастера Босха.

— Проклятие! — вырвалось у Петрониуса.

— Мастер узнал меня и подал знак. Я подумал, что речь идет о картинах. Они должны исчезнуть.

Петрониус кивнул. Картины нужно доставить в Оиршот. Но как? Не привяжешь же доски к спине.

— Подвал! — прочел его мысли Энрик. — Там достаточно места, чтобы спрятать их хотя бы на время.

Петрониус был удивлен. О подвале он ничего не слышал.

— Где находится подвал?

— Пошли. Из подмастерьев о нем никто не знает. Я и сам наткнулся на него случайно.

Энрик почти вытолкнул Петрониуса из комнаты и открыл дверь в помещение, где хранилась копия «Воза сена». На другой стороне, ближе к стене, он разгреб опилки. Показалось железное кольцо. Затем Энрик отодвинул в сторону большую глиняную вазу, отставил другие сосуды и кадку, чтобы освободить откидную дверь.

— Здесь можно спуститься вниз. Картины без проблем войдут в отверстие, а внизу их можно поставить в дальний угол и прикрыть тряпками.

Петрониус заглянул в темную шахту подвала.

— А не лучше ли посмотреть, достаточно ли там места?

Энрик протянул ему лучину и свечу. Петрониус зажег свет и осветил спуск. Заметив лестницу, стал осторожно спускаться вниз, проверяя ступеньки на прочность.

В подвале пахло гнилью и застоявшейся водой. В дальнем углу лежали две бочки; они казались новыми, потому что сохранились лучше, чем деревянные полки вдоль стен, две из которых уже обрушились. Для картин места было достаточно, хотя держать их долго в такой сырости нельзя.

— Все в порядке, Энрик! — крикнул Петрониус.

И тут он услышал смех подмастерья, грохот захлопнувшейся крышки, звук передвигаемых на место предметов, загораживающих вход.

— Эй, Энрик! Что это значит?

Ответа не последовало. Петрониус напрасно пытался выбраться наверх и открыть дверь, в результате одна ступенька обломилась, и подмастерье едва не упал. Петрониус был заперт в сыром подвале.

Юноша не сводил глаз с пламени свечи, бросающей прыгающие тени на стены подвала. Еще час или два свеча будет гореть, а потом он окажется в полной тьме, пока его не найдут или он тут не истлеет. Но кто его найдет? Кроме Энрика, никто не знает, что Петрониус в ловушке. И сколько ни стучи, никто не поможет.

Энрик! Теперь Петрониус понял, кто доносчик в доме мастера. Он никогда бы и не подумал, что под приветливостью и отзывчивостью подмастерья скрывается душа инквизитора. Они все попались на его удочку: мастер Босх, Якоб ван Алмагин, Петрониус, а возможно, и Ян де Грот с Питером. Ничего, эта собака еще попадетя Петрониусу! Он собственноручно свернет негодяю шею — и с огромным нехристианским удовольствием.

В подвале становилось душно, кислый сырой воздух затруднял дыхание. Как зачарованный Петрониус смотрел на свечу, а она продолжала гореть.

Зачем Энрик заманил его сюда? Почему хотел устранить? Энрик оказался пауком, сплетшим паутину вокруг мастера Босха. Чего он добивается? И тут Петрониус ударил себя ладонью по лбу. Ну конечно! Два дня прошли. Патер Иоганнес обещал Петрониусу, что он исчезнет, и это удалось. Перед глазами юноши всплыл образ Энрика в черной сутане с капюшоном на глазах в трактире — это он выхватил у Петрониуса записку! Подмастерье почувствовал возрастающую слабость, закрыл глаза и отдал себя на милость судьбы. Но вскоре очнулся. Помочь можно тому, кто хочет, чтобы ему помогли. Пока у него есть свет, необходимо обследовать темницу. Дом полон тайн. Возможно, из подземелья есть выход.

Со свечой в руках Петрониус осмотрел стены. Они были каменными и казались непробиваемыми. Только на полу лежала глина, которая размякла от влаги и хлюпала при каждом шаге. Ни на одной стене не было видно ни потайной двери, ни лаза. Даже за трухлявыми полками он ничего не нашел. Петрониус прислонился к одной из бочек, держа свечу в левой руке.

Неожиданно пламя заколыхалось и едва не потухло. Невероятно! Поток воздуха снизу! Пламя выровнялось, свеча вновь горела ровно. Петрониус переместил свечу, и снова пламя запрыгало и потянулось в сторону бочек. Юноша последовал за ним, опустил на колени и исследовал бочку. Постучал по ней. Винная бочка оказалась пустой, следующая тоже. Затем Петрониус обнаружил отверстие для затычки величиной в палец, чернеющее в дереве бочки. Он поднес свечу к отверстию, и пламя сразу же повернуло туда. Петрониус глубоко вздохнул. Наверняка там какой-то ход. Если ему повезет и проход будет достаточно широким, чтобы пролезть...

Подмастерье отставил свечу в сторону и уперся плечом, однако бочка не сдвинулась с места. Когда Петрониус попытался еще раз, то поскользнулся на мокрой глине и толкнул свечу ногой. Она упала и с шипением погасла. Кромешная мгла окутала подмастерье. Петрониус прислонился к бочке и от отчаяния едва не закричал. Теперь он точно погибнет. Без света ему отсюда не выбраться.

Но нет, так просто он не сдастся!

Петрониус ощупывал дырку, а волосы на его руке шевелились от легкого ветерка. Юноша закрыл глаза и продолжал исследовать отверстие диаметром в два пальца. Оно казалось гладким и холодным. Затем в палец впился шип. Петрониус потянул за него, прижал... Неожиданно что-то звякнуло, и крышка легко подалась. Петрониус обернулся, схватил свечу и влез в отверстие, следуя за потоком воздуха, который теперь ощущался сильнее, пока не наткнулся на противоположную перегородку. Он осторожно ощупал ее — такая же задвижка! Подмастерье выполз из бочки и понял, что находится в помещении, большем по размеру, чем подвал. На стене в подсвечнике тлела лучина. Петрониус осторожно встал и, спотыкаясь, направился к ней, взял в руки, раздул пламя и поджег свечу.

От увиденного у подмастерья захватило дух. Все пространство было заполнено всякой всячиной: горшки, кастрюли, банки, книги и странные предметы, сложенные на полках вдоль стен. Со стороны дома в стену была встроена печь с железной треногой. На цепи висел тяжелый, покрытый сажей котел, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Именно печь вызывала циркуляцию воздуха. Каменные стены потемнели от сажи. На одной из них висели рисунки с кругами и полями, в которые были вписаны цифры и буквы. На конторке лежала

раскрытая книга с цветными иллюстрациями. Петрониус подошел ближе и прочитал рецепт мази — он даже смог расшифровать ее составные части, такие как полынь, красавка, наперстянка, дурман, полевой корень, борец. Там было написано, как натирать маслом отдельные травы и высушенные растения, как долго и в каких пропорциях варить и толочь их.

Петрониус предположил, что здесь готовились отвары для мастера Босха, с помощью которых он создавал свой фантастический мир.

Так он оказался в лаборатории алхимика! Кто тут работал? Якоб ван Алмагин? Рецепт мази указывал на это.

Длинный Цуидер ничего не знал об алхимических опытах ученого. Конечно, не знал. С тех пор как доминиканцы пришли в город, он пользовался тайной лабораторией. Свои опыты ученый прикрывал сеансами позирования для портрета, на которых регулярно появлялся. Никто не мог предполагать, что Алмагин не просто сидел тут в качестве модели.

В голову Петрониусу пришла неожиданная мысль. Путь в лабораторию должен вести из кунсткамеры. Якоб ван Алмагин и мастер Босх позволили ему найти кабинет, чтобы отвлечь внимание от второй потайной двери, ведущей в лабораторию. По той же причине ученый не ответил на вопрос подмастерья, почему кабинет нельзя сделать доступным для всех. Он мог найти только то, что должен был.

Петрониус разрывался между желанием обследовать лабораторию и обязательством, данным мастеру. Если Энрик не лгал и Босх арестован, то картина должна исчезнуть, и ее нужно доставить в Оиршот. Когда поручение будет выполнено, можно вернуться и обследовать подвал. Петрониус понимал, что время не ждет.

Размышления подмастерья прервал шорох. Прямо над его головой повернули ключ, и дверь отворилась. Кто-то вошел в лабораторию.

Находчивый подмастерье присел за конторку, огляделся и пополз назад к бочке, через которую пришел. Оттуда он мог хорошо рассмотреть лестницу, проходящую по стене вдоль полок. К своему удивлению, Петрониус увидел на ней Якоба ван Алмагина. Когда ученый сошел вниз, он стал быстро все с себя снимать, чтобы переодеться в висевшее на крючке над печью одеяние.

Но прежде чем он успел облачиться в рабочую одежду, Петрониус вылез из своего укрытия и показался ученому.

— Магистр Якоб, не пугайтесь, это я.

С криком, будто к нему обратился сам черт, полуголый ученый обернулся. Теперь Петрониус знал, почему ему не удавалось нарисовать портрет. Он открыл тайну личности Алмагина.

Перед входом в мастерскую мастера Босха на рыночной площади стоял патруль. Петрониус закусил губу. Они расположились с Длинным Цуидером на углу Твидо-Корен и наблюдали за солдатами, внимательно следившими за любым передвижением перед домом мастера.

— Будем надеяться, инквизитор не сразу начнет обыск, — сказал Петрониус. — Если картина попадет ему в руки, он уничтожит ее. Полотно нужно доставить в Оиршот, я обещал это мастеру.

Повисла пауза. Длинный Цуидер, сидевший на корточках рядом, не проронил ни слова.

Там, в Оиршоте, находились боковые створки и сцена рая, которые мастер Босх заранее отвез в безопасное место. Только картину ада Петрониус еще не видел. Якоб ван Алмагин открыл ему, что она была написана там, в сельском уединении. И лишь средняя часть — «Райский сад» — еще находилась в мастерской.

— Нам надо попасть во внутренний сад через боковую дверь.

Длинный Цуидер покачал головой:

— Тогда придется проходить мимо охраны. Прикажешь лететь?

Петрониус прикусил губу.

— Можно попасть в сад через соседний дом.

— А в доме нет солдат?

Вопрос нищего остался без ответа. Никто не знал, что происходило здесь в последнее время. С момента ареста Босха и до их прихода сюда прошло несколько часов. Длинный Цуидер почесал голову и вытер пальцы о рубашку.

— Патер Иоганнес пока не решается войти в дом.

— Тогда вперед. Ты позаботишься о повозке, по возможности незаметно. Пока не стемнеет, мы должны вывезти картину за городские стены. Только тогда она будет в безопасности. Картина слишком велика, чтобы спрятать ее в городе. Я жду тебя в соседнем доме. — Петрониус протянул нищему несколько монет. — Для повозки, связного и для тебя. С Богом!

Длинный Цуидер улыбнулся:

— До скорого!

Петрониус последний раз посмотрел на стражу, с подозрением оглядывающую каждого, приближающегося к дому мастера. Они были угрозой, но и гарантией, что в дом никто не войдет незамеченным.

Петрониус обошел площадь и свернул на соседнюю улицу, изучая темные низкие дома. Какой из них ведет во внутренний дворик Босха? Все дома были похожи один на другой, с маленькими окошечками и разноцветными дверями. Подмастерье начал считать, наконец остановился перед одним из зданий и постучал. Ему открыла женщина — глаза ввалились, под ними мешки. Лицо сморщенное, как печеное яблоко.

Петрониус подошел к женщине и коротко объяснил ей, чего хочет. Свои слова он подкрепил несколькими монетами. Она не удивилась, не возмутилась и не сопротивлялась, открыла дверь и впустила подмастерье. Дом был мрачным, пахло сыростью, нечистым бельем, немойтой посудой и остатками пищи.

— Вы живете одна? — спросил Петрониус, когда они прошли в коридор.

— Нет, я ухаживаю за мужем. Он лежит наверху, у него больные ноги.

Петрониус так и подумал.

— К нему заглядывает врач или цирюльник?

Старуха посмотрела на подмастерье своими невыразительными глазами.

— В дом не приходит никто. Доминиканцы всех выгнали.

Она говорила бесстрастным голосом, будто уже покорила судьбе. Ожидая Длинного Цуидера, Петрониус узнал от хозяйки, что ее муж писал фрески. Но заказов давно не поступало, к тому же он заболел. Ноги больше не слушались, так как часто мерзли в холодных церквах. А зарабатывал он слишком мало, чтобы позволить себе таз с углем для работы зимой. Раньше он мог сидеть в саду, где напротив работали подмастерья и спрашивали его совета. Увы, все в прошлом. Муж не встает с кровати уже год. Теперь они вместе ждут его смерти.

Петрониус слушал историю жизни двух людей, и у него созрел план, который очень подходил к ситуации.

— Женщина, соберите свои пожитки, возьмите с собой мужа и забудьте на время о смерти. Я хочу, чтобы его осмотрел врач. Мы

поедем в Оиршот, жена моего мастера тепло примет вас.

Старуха медленно теребила косынку.

— В нашей мастерской очень сыро.

— Кто говорит о мастерской? Я намерен подарить вам жизнь. Вашего мужа вылечит врач.

Старуха не хотела верить услышанному, но у Петрониуса не было времени на объяснения, так как в дверях появился нищий.

— Решайтесь, вы можете поехать на повозке.

Длинный Цуидер сразу все понял.

— Она будет ждать перед дверью, когда мы закончим.

Хозяйка провела мужчин к черному ходу и открыла дверь.

Петрониус действительно увидел дворик перед домом Босха. Узнал его по запаху. Аромат трав заполнил все помещение и вытеснил затхлый воздух. Юноша проверил сад, но солдат не заметил. Над ним на стене мастерской висел механизм для подъема тяжестей.

— Пока все хорошо, — сказал он подошедшему нищему. — А теперь — через боковую дверь и через кунсткамеру в мастерскую Босха.

Петрониус шел впереди, стараясь не шуметь. Тише кошки они пробирались по этажам в мастерскую художника. Казалось, в доме никого нет. Подмастерья, обычно шумные и веселые, сбежали, узнав об аресте Босха, нашли приют в домах своих моделей или у старого подмастерья Герда, который был женат и имел собственный дом.

— Картина стоит сзади, в нише, — скомандовал Петрониус, открывая дверь и входя в мастерскую.

Все было по-прежнему. Обыска в доме пока не проводили.

— Быстро! Надо закрыть картину тканью, набросить канат, но сначала кожаные лоскуты по краям. Всё за лестницей. Надо торопиться.

Петрониус и Длинный Цуидер работали слаженно, быстро упаковали картину и подтащили к люку.

— Нет бы твоему мастеру нарисовать маленькую картину, которую можно нести в руках. С этой мы надорвемся.

Петрониус не ответил, он искал канат.

Через люк поднимали для работы большие доски. Сам он не занимался этим, но, со слов Энрика и Герда, знал, что это ужасная канитель. Картина, изображающая сцену рая, была тяжелой и

неудобной. С каждым шагом Петрониуса покидала уверенность, что он сумеет исполнить просьбу мастера Босха.

— Думаешь, веревка выдержит?

Нищий с недоверием рассматривал протертый в некоторых местах канат.

— Нужно попробовать.

Петрониус просунул конец веревки в подъемный механизм и обмотал другим концом картину, завязал узел и попросил нищего натянуть канат, а сам протолкнул картину через отверстие в крыше.

Потянулись секунды тишины и надежды, на лбу подмастерья выступил пот. Картина опустилась вниз, канат натянулся, раздался скрип, и средняя часть триптиха повисла над садом.

— Отпускай медленно! — приказал Петрониус. Подъемный механизм скрипел ужасно громко.

— Будем надеяться, что никто не услышит. Если охрана доложит инквизитору, нам лучше повеситься на этой веревке самим, — сдавленным голосом произнес Цуидер.

Подъемник выдержал вес, канат впился в руки, но вскоре тяга ослабла.

— Картина внизу!

Перед домом раздались голоса — кто-то громко отдавал приказы. Петрониус закрыл люк и поторопил Цуидера. Нищий влез в кабинет раритетов, а Петрониус быстро взглянул на улицу через смотровой люк. От увиденного сердце юноши сжалось. Перед домом стояли бургомистр, начальник стражи и, конечно, инквизитор. За ними в цепях, с гордо поднятой головой — мастер Босх. Очевидно, шел совет, как проникнуть в дом, потому что художник качал головой, отказываясь впускать незваных гостей. Торопливо, но стараясь не шуметь, Петрониус спустился по лестнице и оказался рядом с Длинным Цуидером. Тот уже отвязал веревку с подъемника.

— Пошли. Патер Иоганнес у дверей.

Друзья быстро пронесли картину через садик и исчезли в соседнем доме. В передней на низком стуле сидел фресочник, рядом — его жена. В воздухе пахло гноем и кровью.

— Мы поедем с вами, чтобы спасти картину, — проговорил старик. — Я уже не поправлюсь. Смерть поселилась во мне. Но отдать картину патеру Берле я не позволю.

Он с усилием выдавил улыбку, и Петрониус понял, какую боль переносит этот человек.

— Ваша единственная задача — доставить картину в Оиршот, — сказал старухе подмастерье. — Там ее примет жена мастера Босха. Положите мужа на картину и скажите, что у него заразная болезнь. Никто не станет обыскивать повозку. Возьмите. — Петрониус протянул женщине несколько монет. — На первое время хватит. Счастливого пути!

Петрониус и Длинный Цуидер погрузили картину и обоих стариков на повозку и провожали их взглядом, пока те не скрылись из виду.

— Нужно уносить ноги, — проговорил юноша. — Кроме того, у меня еще есть незаконченные дела.

— Не следовало вам возвращаться. Два раза подряд повезти не может.

Петрониус замер, глядя в гневное лицо инквизитора. Он не ожидал увидеть его здесь. Патер сидел у окна, широко расставив ноги и подперев голову руками. Свет полумесяца освещал келью.

— Некоторые люди, — зловеще улыбаясь, произнес он, — таковы, что почти каждый их шаг можно предугадать. Поэтому я и сижу здесь в ожидании, когда вы появитесь после побега из подвала.

Петрониус отдал патеру должное. За глупость надо наказывать, а если любовь слепа, следует бить палкой. Подмастерье проклинал себя за ошибку.

— Где Зита? — зло спросил он.

— Прежде чем вы решитесь на необдуманные действия, хочу сообщить, что во внутреннем дворике вас ожидает дюжина солдат городской стражи. Моя жизнь не в счет. Если я умру, очищать город от еретиков будет другой. — Инквизитор расправил плечи.

— А я мог бы подарить вам сотню тысяч лет в чистилище! — возразил подмастерье.

Патер Иоганнес рассмеялся и встал:

— Петрониус Орис, меня развлекают сказки для маленьких детей, но я в них не верю. Однако ответьте на один вопрос: где находится алтарный триптих вашего мастера?

— В безопасности. А если хотите знать точно, то почему я должен отвечать на ваши вопросы, когда вы оставляете без ответа мои?.. Где Зита?

Иоганнес фон Берле дважды прошел по комнате и открыл дверь в коридор. Помещение сразу же наполнил запах лаванды.

— Если вы имеете в виду маленькую монахиню, которая в этой келье выполняла свои обязанности, то она должна была уехать — в Брюгге, или в Амстердам, или даже в Рим. Что касается моего вопроса, вы все равно дадите ответ. А сейчас пойдёмте.

В коридоре патер повернулся к Петрониусу:

— Вы очень ловкий молодой человек. Расскажите, как попали сюда. Вы появились неожиданно.

Петрониус насторожился. Seriously ли говорит патер? Если да, то он не знает о дороге через сад и там нет его подручных.

Сейчас Петрониусу не оставалось ничего другого, как следовать за инквизитором, — один из стражников, ждавших на улице, приставил к спине юноши кинжал. Подмастерье неуклюже зашагал за доминиканцем. В руках у патера был факел, бросающий неверные тени на беленые стены дома.

Петрониус напряженно размышлял. Позади дома ждут Длинный Цуидер и его друг Ханнес с повозкой и одеждой для Зиты. Если ему удастся...

Они действительно повернули к винтовой лестнице, которая вела к двери во внутренний садик. Петрониус лишь слегка прикрыл ее, чтобы не вызывать лишнего шума, когда они будут возвращаться с Зитой. Патер Берле маячил впереди, солдат следовал за подмастерьем. Петрониус заметил, что на узкой лестнице стражнику неудобно держать кинжал и он опустил его. Сердце подмастерья подпрыгнуло, ладони вспотели. Он ощущал сырость стен, а подошвы его кожаных башмаков нащупывали неровности ступеней. Лестница все больше сужалась, момент был подходящий. Нужно действовать.

Петрониус ударил патера Иоганнеса ногой в плечо, и тот стукнулся головой о стену. Светильник упал на пол, свеча погасла.

Юноша протиснулся мимо патера, поспешил вниз по лестнице, рванул дверь и быстро закрыл ее за собой. Солдат не видел его. Теперь у Петрониуса было несколько минут, чтобы скрыться. Он пробежал через дворик и исчез в пристройке.

— Цуидер, Ханнес, где вы?

Петрониус вглядывался в темноту и тут у черного хода заметил движение. Он поспешил туда.

— Цуидер, Ханнес, быстро! Патер Иоганнес и его палачи преследуют нас!

Юноша споткнулся, так как слишком поздно увидел на земле перед собой тело. Он наклонился, не желая верить глазам. Ханнес! И в спине его торчал нож.

— Что?.. — тихо спросил он в темноту.

Ответ пришел быстро. Дверь отворилась, и в лунном свете блеснул клинок. Петрониус попытался увернуться, но нож попал ему в грудь между рукой и ребром. Острая боль пронзила тело. В свете ночных звезд он успел заметить шрам на щеке. Реальный мир казался далеким и уходил все дальше.

Петрониус услышал голоса двух человек.

— Он мертв? Кто-то ощупывал его руками, щипал за одежду.

— Мертв, никаких признаков жизни.

— Прекрасно, — пробормотал кто-то, в то время как Петрониус уходил в никуда. — Никто не должен знать обо мне больше, чем я сам. Пусть отправляется к червям. И почему он был таким любопытным? Пример других должен был предостеречь его.

Последние слова проникли в сознание подмастерья, и он погрузился в безграничную тьму, унося с собой имена убийцы и его хозяина.

XXIII

— Сеньор Кайе! Михаэль, что с вами?

Кайе пронзила боль, он открыл глаза и увидел над собой лицо патера Берле. Рука сразу нащупала в кармане перочинный нож.

— Проклятие! — раздался из-за письменного стола ворчливый голос Антонио де Небрихи. — Почему мы должны прерываться именно сейчас?

— Черт возьми, патер! — простонал Кайе. — От вашей манеры рассказывать истории мне становится жутко. Еще несколько мгновений в том времени, и я стал бы жертвой убийцы. Что из сказанного вами правда, а что — чистой воды вымысел?

После того как Берле помог реставратору подняться, он снова сел на стул, и все же его голос дрожал.

— Почти все. Я просто не успел закончить. Вы сползли с кресла и ударились головой.

Кайе с удивлением смотрел на патера, контраст между черной одеждой и белым лицом которого казался неестественным.

Антонио де Небриха тоже вернулся в настоящее. Он встал из-за стола и попытался размять ноги.

— Все это есть в вашей рукописи?

— Вы не верите мне, сеньоры? Впрочем, я не обижаюсь.

— Поймите, — поспешил возразить Кайе, — все звучит как-то фантастически.

Антонио де Небриха сел напротив патера, тогда как Кайе ходил по комнате взад и вперед, чтобы стимулировать кровообращение. Он потирал виски пальцами, желая прогнать головную боль, и ощупывал свою шишку.

— Думаю, то, что мы узнали о картине, продвинуло нас вперед, — констатировал Небриха. — Ваш рассказ меняет перспективу. Даже не могу описать вам, какие чувства вызвала во мне эта история. Будто в вековом хаосе наконец воцарился порядок. — Антонио поднял вверх обе руки, словно собирался совершить молитву. — Теперь наша очередь. Я хочу попытаться, опираясь на вашу историю, свести воедино то, что уже выстраивалось в моей голове.

Патер Берле провел рукой по лицу. Казалось, он тоже страшно устал.

— То, что я рассказал вам о картине, — лишь фрагменты.

Патер Берле откинулся на стуле и закрыл глаза. Кайе принес стул для себя, и мужчины образовали круг. Реставратор оперся руками на спинку стула.

— Я лучше постою.

В комнате было душно и слишком тепло. Кайе расстегнул две верхние пуговицы рубашки и провел рукой по небритому подбородку. Исподволь он наблюдал за священником. На лице патера все отчетливее проступала неуверенность. Он нервно ломал пальцы, взгляд рассеянно бродил по комнате.

Антонио де Небриха ни на что не обращал внимания. Срывающимся голосом он начал свое повествование.

— В наше время мы верим, что жизнь идет по прямой линии. Она начинается рождением и оканчивается смертью, как доказывает нам время. Потом нить идет прямо в будущее.

Небриха замолчал, откашлялся, будто хотел, чтобы сказанное звучало убедительнее. Патер Берле смущенно смотрел в пол, не переставая терзать пальцы.

— Это слишком упрощенная картина нашего существования и, возможно, неверная.

Кайе попытался что-то возразить, но Небриха взмахом руки остановил его:

— Я бы хотел привести несколько примеров, чтобы показать, что в природе все происходит не так, как мы себе представляем. Наша жизнь состоит из повторяющихся циклов, даже если мы не хотим в это верить. Дневной цикл, цикл времен года, цикл, за время которого Солнце проходит по своей орбите вокруг центра Млечного Пути. И даже в космосе некий огромный цикл определяет нашу жизнь, пока материя универсума не остановит экспансию, не повернет и не сведет воедино все млечные пути, солнца и планеты когда-нибудь в будущем.

— Что же неверно в идее прямой линии? — с издевкой спросил патер Берле.

Голос его дрожал, будто он боролся с волнением. В дискуссию вступил Кайе. Ему стало ясно, куда клонит Небриха.

— Церковь и ее представители. Мужчины знают только одно движение вперед от рождения до конца в раю. Никаких циклов, никаких кризисов, и бесконечное течение времени. Такое представление заключено в идее прямолинейности.

Антонио де Небриха заметил капли пота на лице священника и кивнул Кайе, чтобы тот включил вентилятор.

— Женщины, патер Берле, думают иначе. Они ближе к идее возвращения по причине женских циклов, смены плодovitости бесплодием. Их тело тесно связано с лунным циклом. Поэтому большинство идей о прямолинейности уходят корнями в патриархат и поддерживаются патриархальными структурами.

Кайе опустил на стул. Перед глазами встали Зита и Грит Вандерверф, эти два образа странным образом привлекали его. Патер Берле смотрел на пол, сцепив пальцы.

Небриха уверенно продолжил:

— Идея прямолинейности — западная, современная, но не единственная, описывающая ход времени. У людей позднего Средневековья господствовала мысль о циклической природе времени. Все повторяется в новом круговороте, и где-то между этими циклами находится настоящее.

Антонио де Небриха не обращал внимания ни на патера Берле, ни на Кайе, которые с трудом следили за ходом его мыслей. Лицо патера становилось все бледнее, он постоянно вытирал пот с лица.

Взгляд Кайе обратился к репродукции «Сада наслаждений», и неожиданно он обнаружил повсюду на картине круговороты.

— Вы, конечно, уже обратили внимание, патер Берле, что в картине много таких циклов: круговорот птиц, прогулка верхом вокруг пруда, начало картины с сотворения мира до падения в ад. Я считаю их уже несколько лет — шары, круги, наполняющие прежде всего среднюю часть. А теперь сделаем вывод. Во многих культурах, с которыми наверняка был знаком Босх, циклический ход времени разделен и подтвержден ритуалами. Возьмем только один пример: античность. В античном мире господствовала мысль о возвращении одного и того же, вечного. Приверженцами этой идеи были прежде всего стоики. Для них не существовало ничего, чего не было бы раньше. Поэтому не существовало никакого начала жизненного цикла. Каждый век повторяется до мельчайших деталей, так что людям

предстоит вновь и вновь проживать свою жизнь. Эта мысль захватывает дух, даже если ее нет в нашем триптихе.

Патер Берле продолжал тереть пальцами лоб и смахивать капли с верхней губы. Полуденная жара постепенно проникала через окна подвала, лишь вентилятор помогал поддерживать более или менее сносные условия. Кайе, незаметно наблюдавший за Берле, предполагал, что причиной такого потоотделения была не жара. Священника мучил ход мыслей Небрихи. В голове Кайе все нити истории сплелись в один клубок. Разве не эти мысли были представлены в объяснениях Якоба ван Алмагина к картине Босха, разве сам Босх не говорил о том же?

— И к какому заключению по поводу картины мы придем, Антонио? — спросил Кайе хрипло — от жары у него пересохло горло.

— Что она содержит послание, связанное с невероятно длительным циклом, Михаэль.

— Потому что адамиты провозглашали новое учение вечного повторения и возвращения, сеньор Небриха?

— Верно, патер. В нем не было места Богу, и потому такое произведение являлось подозрительным для католической церкви.

Антонио де Небриха вскочил. Он был в своей стихии.

— Допустим, идея картины возникла у Босха под влиянием Алмагина. Можно предположить, что картина содержит каббалистические идеи. Одним из главных принципов Каббалы является искажение действительности с целью скрыть ее от взгляда профана и сделать доступной посвященному. Так Книга Еноха говорит о космическом занавесе, плаще памяти. Он должен содержать наглядное изображение всех вещей, которые были созданы со дня сотворения мира. Все события в конце концов вплетаются в этот плащ. Два других принципа Каббалы состоят в том, что все сводится к последнему столкновению между добром и злом и в конце концов зло должно быть разоблачено. Только мистики, некоторые посвященные знали о времени столкновения и могли сообщить об этом простому народу.

Небриха уже ходил вокруг Кайе и патера Берле кругами, будто хотел подкрепить таким образом свои мысли о цикличности. Он тяжело дышал, и его суетливость контрастировала со спокойствием Берле, который, по наблюдениям Кайе, готов был взорваться.

— Итак, у нас есть обоснование принципа построения картины, Михаэль. Добро и зло в своих самых сильнейших проявлениях на правой и левой створках триптиха и учение о круговороте мысли в центре. Возможно, мы застали первые дни сотворения мира, так как все люди одного возраста, и на картине нет ни стариков, ни детей.

— И все люди — ученики. Они учатся любви, симпатии, нежности и пониманию мира, — вставил Кайе.

— И последнее, господа, прежде чем мы обратимся к картине: иудейско-христианские традиции очень тесно связаны с числом 7 — семь дней недели, семь таинств, семь возрастов жизни, семь больших религиозных праздников. И квадрат числа семь используется часто: еврейский праздник Вохенфест праздновался через семь недель после праздника первого снопа, что означает 7×7 . Пасху празднуют за пятьдесят дней до праздника урожая, что означает $7 \times 7 + 1$. Весь еврейский календарь основан на семицикличности: семь дней недели, семь отрезков по пятьдесят дней, известен даже так называемый большой цикл 7×7000 .

До сих пор патер Берле молчал, но тут его прорвало.

— Прекратите, прекратите! — застонал он, закрыв уши руками. — Вы грешите, все это ересь! Такие произведения не должны видеть света Божьего. Их надо скрывать от глаз, чтобы люди не пошли по ложному пути.

Патер Берле кричал истерически, захлебываясь от эмоций. Антонио де Небриха смотрел на него широко раскрытыми глазами, словно пробудившись ото сна.

— Вы что, не понимаете, Берле? — Он указал на листочки бумаги на стене. — PSSNNMR, posse non mori, если все повторяется, если каждая деталь или грубые линии событий возвращаются, как зима и лето, то это — бессмертие!

— Кто сказал? — спросил Берле на сей раз мягким, почти льстивым голосом.

— Наша загадка из букв. Способность не умирать. Бессмертие. Вечно повторяющийся цикл. Простая мысль.

Антонио стоял перед «Садом наслаждений» с распростертыми руками.

— А теперь проясняется и второй символ — сова. Она говорит: взгляни на события с другой стороны. Нет рая и нет конца развитию.

Есть цикл и вечный круговорот.

Раздался пронзительный крик. Кайе испуганно вскочил:

— Патер Берле, что с вами?

Патер колотил себя по скулам, будто хотел выбить слова, засевшие там. Антонио, казалось, не слышал диких воплей Берле, он обернулся и уставился на Кайе:

— Михаэль! У нас есть негативы к третьей части. Может, на них мы найдем ответ. Надо увеличить. Нужен ключ к разгадке.

Берле, в ярости уронив стул, вскочил. Его лицо окаменело. Только в глазах горел огонь да дрожали зрачки.

— Вы никогда не узнаете тайну! Никогда! — крикнул Берле и оттолкнул Кайе, который попытался загородить ему дорогу.

На пороге патер резко обернулся, на лице его были ненависть и отвращение. Затем он устремился прочь.

XXIV

— Я решила, что вы забыли обо мне, доктор Кайе.

Грит Вандерверф, освещенная солнцем, стояла перед входом в реставрационные мастерские. Кайе был сражен красотой ее кожи, которая на свету приобрела бархатный оттенок. Красный цвет платья оттенял каштановые волосы до плеч.

— Нам пришлось предпринять меры безопасности, сеньора Вандерверф.

Кайе расцеловал психолога в обе щеки. Никогда еще этот испанский обычай не доставлял ему такого удовольствия.

— Меры безопасности? Зачем?

Кайе пригласил Грит войти. Сделал знак привратнику — тот открыл дверь и снова закрыл ее за ними. Кайе показалось, что Грит принесла с собой в темный коридор здания частичку солнечного света с улицы. Вандерверф была в тесно облегающем платье с глубоким вырезом. Бедра соблазнительно покачивались, и Кайе подумал, что его намеренно очаровывают.

— Патер Берле был здесь, вот почему такие меры предосторожности.

— Он был здесь? — Грит внимательно посмотрела на Кайе. — Я предупредила твоего коллегу. С «Садом наслаждений» все в порядке?

Кайе был удивлен обращением, но ответил непривычным для себя «ты».

— Нет, Грит. Он не прикоснулся к картине. Еще нет. Он проник в кабинет Антонио. Я выследил его. Патер был очень разгневан и сломя голову выскочил из здания. Однако прежде Небриха смог выудить у него еще одну часть рассказа.

Грит задумчиво кивнула, потом взяла Кайе под руку, и они пошли в направлении мастерских.

— Полагаю, вы не вызвали полицию. Весьма неосторожно с вашей стороны. Берле опасен.

— Он был в курсе нашей работы. А Небриха хотел узнать, соответствуют ли открытия, сделанные нами на картине, действительности.

— И что же?

По пути в реставрационные мастерские Кайе рассказал Грит о значении надписи «PSSNNMR», о каббалистической нумерологии в имени Босха и мыслях о цикличности, которые развивал Небриха.

Грит слушала и улыбнулась, узнав, что ее намек на имя Босха вызвал такую бурную реакцию. Только когда Кайе упомянул Алмагина, Грит заволновалась:

— Что о нем известно патеру Берле?

— Ну, этот человек что-то скрывал.

Пройдя пост охраны, они вошли в мастерские. Свет, проникавший через множество окон, наполнял помещение, и волосы Грит засияли красным пламенем. Кайе на мгновение закрыл глаза, чтобы привыкнуть к слепящим лучам. В мастерской на мольбертах стояли четыре картины большого формата, перед ними лежали инструменты реставраторов. В центре располагалась доска «Сада наслаждений». Картина сияла яркими красками. Грит подошла к картине, чтобы оценить работу реставратора.

— Вы убрали все отслоения и скрыли трещины. Следов кислоты и в самом деле не осталось.

Реставратор посмотрел сначала на картину, затем на совершенные формы Грит. И не смог решить, что привлекает его больше.

— Я считаю эту картину Босха произведением для тех, кто находится в поиске. Взгляд переходит от фигуры к фигуре, от сцены к сцене. Я спрашиваю себя: где спрятана тайна? И думаю, что она откроется нам, если правильно поставить вопрос.

Кайе в растерянности смотрел на картину. Он еще никогда не рассматривал ее с такой позиции.

— И какой вопрос задала бы ты?

Грит пожала плечами и обернулась к реставратору:

— Если бы ты знал, Михаэль, что нашей жизни суждено вечное возвращение и ты захотел бы передать эти знания другим поколениям, как бы ты сделал это?

Кайе был обескуражен вопросом и вновь сосредоточился на картине.

— Есть две возможности. — Он подумал об идее Небрихи. — Если возвращение определено до малейших деталей, я бы не стал ничего делать. Ибо каждый рисунок, картина, каждый намек погибнет

при Апокалипсисе, и ничего из старого мира не перейдет в новый, поскольку там все и так повторится. Но если это соображение неверно и повторение включает в себя развитие, я бы написал книгу, нарисовал картину, которые переживут века, так как имеют собственную ценность.

— Я пришла к такому же заключению, Михаэль. Послушай, ты знаешь историю Якоба ван Алмагина, как она записана в рукописи. В ней есть кое-что, о чем умолчал патер Берле.

Кайе насторожился. Небриха прав: Грит знает больше, чем готова рассказать.

— Предположим, что веками существовали организации или группы ученых, представленные различными объединениями. Их находят в иудаизме и христианстве, у тамплиеров и у членов Алой и Белой розы, у масонов и в других братствах. Не более пяти-шести человек. Их выбирают из своих рядов и посвящают в таинство.

— Прекрасно. А каким образом эти люди связаны с нашей картиной? И откуда тебе это известно?

— Я только предполагаю. Как я к этому пришла, расскажу в следующий раз. Якоб ван Алмагин принадлежал к такой группе. Он был одним из величайших умов своего времени. Уже тогда следовало принимать решение, хотя, возможно, его приняли намного раньше, только не смогли осуществить. Записать знание о предстоящем повороте и сообщить «мудрецам будущего». Они хотели перенести информацию о прошлом в будущее.

— Если я правильно понимаю, «Сад наслаждений» — это эксперимент. Попытка. Но картина слишком оригинальна, слишком умело выполнена и слишком хорошо продумана. Односторонняя интерпретация картины — дань современности, отражение концепции людей с узким кругозором. А это полотно далеко не однозначно.

Кайе подошел ближе к Грит и почувствовал аромат ее духов.

— Нет, не эксперимент, Михаэль. Благодаря принадлежности к адамитам Алмагин мог не только сформировать их идейное наследие и перенести его в картину, но и придать отдельным частям триптиха двойное значение и использовать для своих целей, для следующего уровня. Картина стала своеобразной машиной времени, которая движется в будущее, чтобы там ее правильно прочли.

Кайе отвел взгляд от волос Грит и посмотрел на картину.

— Как можно верить, что кто-то в состоянии обнаружить скрытые знаки под слоем краски? И кто сейчас должен прочесть их?

— Возможно, такой человек, как патер Берле. В его рукописи определенно есть ключ к пониманию «Сада наслаждений».

— Именно! Послание не было обращено к патеру и ему подобным. Но он всерьез верит в его существование и не успокоится, пока не уничтожит картину.

Взгляд Кайе переходил от картины к Грит и обратно. Женщина стояла очень близко к нему, ее запах дурманил.

— Если я правильно понял тебя, Грит, то посвященные существуют и сегодня. Однако если группа собирающих знания о развитии мира передает их из поколения в поколение, то почему они до сих пор не раскрыли тайну?

Грит Вандерверф медлила с ответом.

— Возможно, потому что часть этих людей во времена инквизиции погибла на костре, не успев передать свое знание.

— Откуда ты знаешь? До сих пор я думал, тебя интересует только патер Берле и его болезнь. Или он уже успел рассказать тебе что-то?

Грит Вандерверф повернулась к Кайе. Тот продолжал:

— Или предположения Антонио де Небрихи верны и ты член братства адамитов, которые были уничтожены четыре сотни лет назад?

Грит не сводила глаз с реставратора и упорно молчала.

— А если адамитов не уничтожили? Если они ушли в тень, чтобы спастись от гибели? Братья и сестры свободного духа расселились по Голландии, Франции и части Германии. Они покинули родные места и поселились при поддержке братства там, где было безопасно и где никто их не знал.

Серые глаза Грит напоминали Кайе замерзшую поверхность воды зимой, когда солнце просвечивает сквозь прозрачный лед. Его взгляд словно проваливался в бездонную глубину.

— Секта пропала в катакомбах истории. Я прав, Грит? И все же была причина, облегчавшая пребывание в подполье: знание о существовании тайного учения. Однако не только адамиты искали его. Инквизиторы тоже. Причина проста и ясна. Секта знала о послании, которое церковь хотела бы заполучить и спрятать навсегда. Послание содержалось в «Саду наслаждений». Не было только указаний на суть

послания. Пока никому ничего не было известно наверняка, картину не уничтожали. Только по этой причине она существует до сих пор.

— Сказки, Михаэль, — бросила Грит. — Тебе надо бы книги писать. Итак, я — член общества адамитов. В наше время не нужны секты, чтобы проводить в подвалах и на чердаках тайные нудистские службы. Можно выйти открыто, да еще и собрать вокруг себя целую толпу зевак. У тебя богатая фантазия, дорогой.

Кайе схватил Грит за руку и подвел к картине.

— Секта считает себя избранной. Избранной, потому что адамиты знали тайну. Однако тайна утеряна, а они уверены: это что-то великое. — Кайе указал на фигуру читающей рыбы. — Здесь написано «Posse non mori». Неспособность умереть, бессмертие. Если адамиты догадывались об этом, то у них была причина сохранять секту в течение четырехсот лет. И когда было совершено покушение на картину, они выбрались из укрытия, чтобы ухватить судьбу за хвост. Картина давно не давала им покоя, только никто не знал, как ее интерпретировать.

— Абсурд, Михаэль! Лучше подумай, как защитить триптих от патера Берле. Я убеждена: он попытается уничтожить его.

Кайе полагал, что в ставших непроницаемыми глазах Грит Вандерверф нашел подтверждение своей догадке. Но он намеревался выудить из нее все и потому выложил козырь, который у него возник в уме в начале разговора. Реставратор указал на створку со сценой ада:

— Там мы нашли знак, но еще не смогли проанализировать его. Интересное открытие. Третье! Берле о нем не упоминал.

Кайе заметил, как Грит сделала маленький шаг в его сторону. Их бедра соприкоснулись. Кайе почувствовал легкое возбуждение, но старался избегать взгляда женщины. Она стояла вплотную к нему.

Реставратор попытался сменить тему:

— Надо принять дополнительные меры безопасности. Вероятно, нужны еще несколько постов охраны. Руководство музея, думаю, согласится. Могу я оставить тебя одну? Скоро придет Небриха.

Грит улыбнулась и кивнула реставратору. Отступила на шаг и пропустила его. Затем повернулась к «Саду наслаждений», достала лупу из сумки и стала изучать среднюю часть триптиха, не обращая никакого внимания на Кайе.

— Я считаю всю эту болтовню о так называемых мудрецах безумием. Отвлекающим маневром Грит Вандерверф.

Антонио де Небриха перехватил Кайе по пути к мастерским. Он размахивал левой рукой, держа в правой несколько засаленных книг.

— Хорошо, Михаэль, что вы назвали Грит адамиткой. Это отвлечет ее и даст нам возможность узнать, почему она на самом деле так интересуется картиной.

Кайе обмахивался конвертом. Воздух в коридорах к обеду стал раскаленным. Только в мастерских работали кондиционеры, поддерживающие необходимую для картин температуру. Когда реставраторы вошли в мастерскую, Грит там не было.

— Куда она ушла?

Антонио де Небриха приблизился к картинам. Доски были поставлены так, что доходили до пола, а с помощью небольшой подъемной платформы их можно было поднять и перевернуть, таким образом достигая любой части триптиха.

— Воспользуемся случаем и поговорим о вещах, которые ее не касаются, например, о третьей части картины. Вы сделали увеличение?

Кайе поднял над головой конверт. Он озирался по сторонам, ища Грит.

— Может, она пошла в туалет?

— Или стоит за картиной, чтобы лучше рассмотреть обратную сторону.

Из-за боковой створки раздался голос, и оттуда появилась Грит Вандерверф.

— И что же, интересно, меня не касается? Вы хотели скрыть от меня какую-то тайну?

Антонио де Небриха закусил губу и вымученно улыбнулся:

— Мы не собираемся ничего утаивать от вас. Хотя глубокая интерпретации картины интересна только историкам-искусствоведам. Для любителей это будет скучно.

— О! — возразила Грит. — Вот ваш коллега считает меня не любителем, а адамитом и соответственно достаточно компетентной для ваших объяснений.

Антонио сторонился. Кайе заметил, что манера Грит раздражает старого реставратора. Психолог повесила на шею ленту рулетки, в руке держала лупу и была похожа на последовательницу метода Шерлока Холмса. Небриха усмехнулся:

— Серьезные инструменты, ничего не скажешь.

Грит не обратила внимания на его слова. Она повернулась к картине и принялась объяснять:

— Средняя часть триптиха состоит из трех частей: верхняя сфера, в которой доминируют пять причудливых башен-скал и странные водяные существа. Ниже на картине господствует огромный хоровод: триумфальное шествие вокруг пруда. Оптически он отделен от переднего плана зеленым поясом, на котором находятся группы людей, и населен многочисленными животными, птицами и растениями. Во всех трех сферах появляются необычные сосуды, шары и трубки, однозначно указывающие на алхимическое искусство.

Грит говорила сухо и деловито, будто повторяла это уже сотый раз. Затем взяла рулетку и приложила измерительную ленту к картине.

— Если провести по диагонали крест, то в центре картины окажется фигура весьма необычного всадника на льве. Он держит в руке рыбу и указывает в направлении звериного хоровода вокруг пруда.

Затем Грит повернулась к мужчинам с ехидной улыбкой, которую Кайе, впрочем, нашел очаровательной.

— Сеньор Небриха, этому есть очевидное объяснение. Рыбы — символ христианства. Лев, на котором скачет всадник, — царское животное. В средневековой иерархии животных он приравнивался к Христу. Кроме того, есть и другая связь между Христом и этим хороводом. В алхимических рукописях сказано: суть Бога есть колесо.

Небриха внимательно слушал. Когда Грит Вандерверф начала говорить о льве, он открыл одну из книг — истрепанный коричневый томик, который держал в руке. На обложке Кайе заметил знаки зодиака.

Неожиданно Небриха перебил Грит:

— Если я правильно прочел в книге, сейчас мы живем под знаком Рыб и скоро перейдем в созвездие Водолея. Земная ось вращается по кругу. Лишь раз в двадцать пять тысяч семьсот двадцать пять лет она совершает полный оборот. А теперь посмотрим на круг зверей. Ось Земли проходит знаки зодиака против часовой стрелки: Рыбы, Водолей, Козерог, Стрелец. С точки зрения астрологии Христос — господствующая личность эпохи Рыб, знака зодиака, при котором начался его мир. Скоро мы перейдем в знак Водолея. Противоположный Рыбам знак зодиака — Дева, Водолею — Лев. В картине предостаточно указаний на эту смену.

Небриха, не выпуская из поля зрения Грит, подошел к картине. Он явно медлил с продолжением, будто подыскивал правильные слова.

— И в итоге над всем парит яйцо, мировое яйцо алхимиков. Знак и указание на новое начало.

Грит Вандерверф выдержала его взгляд.

— К этому надо добавить, сеньор Небриха, что все всадники — мужчины.

— В трудах искусствоведа Вильгельма Френгера учтены только мужчины. За одним исключением: две фигуры под женщиной, несущим рыбу, похожи на жениха и невесту.

Кайе покачал головой.

— Ерунда! — бросил он. — Мне эта картина напоминает изображение на гербе храмового ордена: два монаха, скачущие вместе на белом коне. Намек на бедность и смирение, но в то же время и на жизнь с определенной целью. Вот что имеется в виду. Однако цель остается скрытой, ведь оба ничего не видят под своим цветочным колпаком.

Небриха провел руками по картине, считая фигуры.

— Сотня мужчин вокруг озера и тридцать три женщины, купающиеся в нем. Это не может быть случайностью. Почему купаются только женщины?

— И нет детей и стариков, — вставила Грит.

Вандерверф переминалась с ноги на ногу, озираясь по сторонам, ища возможность присесть. Кайе бросился искать стул. Нашел две табуретки и поднес к картине.

Небриха тут же уселся на одну из них. Кайе предложил табуретку Грит, и та с благодарностью улыбнулась.

Наступившую тишину прервал Небриха:

— Послание так запутано, что даже в серьезной большой книге, невозможно объединить и объяснить все аспекты.

Кайе наблюдал за Грит.

— Что мы пропустили? — спросил он ее. Неожиданно Небриха ударил себя ладонью по лбу. Встал со стула, опустился на колени перед справочником символов и стал его листать.

— Аисты! Перед всадником с рыбой скачут на кабане два аиста. Разве аисты не посланники весны, предвестники новой жизни, приносящие детей? И разве один аист не смотрит назад, на век Рыб, в то время как другой смотрит вперед, в будущее?

Грит Вандерверф наморщила лоб.

— Кабан, скачущий перед человеком с рыбой, — знак бога войны Ареса и других богов смерти. Они опустошают поля, символизируют войну и разрушения. Многие авторы тех времен приписывают кабану дьявольские черты, — добавила она.

«Ну, это слишком, — подумал Кайе, — бог войны, бог смерти, дьявол!»

— Не испытывайте мое терпение. Если речь действительно идет о новой эре, как можно опираться на эзотерику? Новое время должно начаться с рождения представителя Водолея и большой войны. Кто поверит в такое!

Словно не слыша его, Небриха продолжал:

— Вы полагаете, Михаэль, патер Берле так боится расшифровки послания картины, потому что в ней зашифрован рецепт приготовления макарон? Нет, речь идет о большем!

Грит Вандерверф подвинулась и встала рядом с Кайе. Он почувствовал тепло ее тела.

— На книге в руках утконоса написано «*Posse pop mori*», Михаэль. Бессмертие как тема вечного круговорота. Кто бессмертен, тому не нужен Бог, Михаэль. Он сам становится Богом. Католическая церковь уже знала об этом и позаботилась о том, чтобы их — не Христово! — учение было бессмертным. Очевидно, в картине скрыто послание, угрожающее церкви.

— Тогда получается, уничтожить картину хочет церковь?

Антонио де Небриха покачал головой:

— Необязательно. В конце концов, патер Берле мог действовать самостоятельно, ведь определенные симпатии и антипатии запечатлеваются в душе. Нельзя разделять свои интересы и интересы высшие. Возможно, тут есть связь с тайной, окружающей Якоба ван Алмагина.

Грит Вандерверф насторожилась. Она мягко отодвинула Кайе в сторону и нетерпеливо повернулась к Небрихе:

— Что Берле рассказал об Алмагине?

Кайе вспомнил, что Грит уже задавала ему этот вопрос.

— Почему тебя это так интересует, Грит?

— Простое любопытство.

В мастерскую вошел сотрудник музея, огляделся и направился к реставратору.

— Сеньор Кайе, пришли господина из службы охраны. Не могли бы вы их проинструктировать?

Кайе кивнул.

— Ах да, Антонио! Я сделал копию. Вот она.

Небриха отвернулся от картины и нахмурился.

— Конечно, я посмотрю. — Он бросил косой взгляд на Грит и добавил: — В должное время.

Прежде чем Кайе вышел в сопровождении сотрудника музея, Грит тайком пожала ему руку. На пороге мастерской реставратор еще раз обернулся и посмотрел в серые глаза Вандерверф. Они были полны холодного огня.

— Еще четыре охранника. Полагаете, этого достаточно, Михаэль? Антонио де Небриха торопливо семенил рядом с Кайе.

— А вы считали, они пришлют целую гвардию только из-за наших опасений, что сумасшедший патер Берле может уничтожить картину? По мнению руководства музея, четверых более чем достаточно.

— Да не бегите вы так, я же старый человек.

Кайе притормозил и подождал, пока коллега догонит его.

— А Грит просто ушла?

— Я говорю вам, вы недооцениваете ее. Она о чем-то умалчивает. И слишком хорошо осведомлена о картине.

Кайе кивнул:

— Я тоже так думаю. Диагональ с рыбой в центре... Грит обескуражила меня.

Реставраторы медленно шли рядом.

— Более того, она полагает, что аисты — посланцы весны, как Водолей — весенний знак зодиака. Это неоспоримо. Во времена Босха люди жили алхимией и астрологией, как мы живем космосом и знанием о межпланетных путешествиях. Их окружала магическая природа. Огонь, землю, воду населяли существа, о которых мы не имеем никакого представления. Мир, несмотря на эти элементы, оставался прозрачным. Ученые умели облекать его в формулы, рассчитывать и абстрагировать. Нам следует быть внимательными к числам и их соотношениям. 33 — число совершенства. 33 года Христос жил на земле, 33 года правил царь Давид, и идеальный возраст святых в исламском раю составляет 33, как и количество женщин в воде. Я считаю значимой еще одну взаимосвязь. Женщины стоят тремя группами, две одиночки и три группы по два человека. Числа 33 и 99 связаны между собой через 3. Число 99 стоит перед числом 100, числом полного совершенства. Если мы сложим всех участников нашего конного хоровода, то получим 99, если одна из них женщина, и 100, если все они — мужчины. Число 100 — число абсолютного добра в древнегреческом мире. В христианском мире это

просто большое число. В народе говорят «я сто раз тебе повторял», если имеют в виду «часто». Сто может указывать на век, столетие. Кайе был изумлен. Под таким углом зрения он картину никогда не рассматривал. И контраргументов у него не нашлось.

— И все это рассказала она?

Небриха кивнул.

— Конверт еще у вас, Антонио? Она знает о нем?

— Конечно, нет.

Кайе почесал затылок, затем вошел в мастерскую и встал перед «Садом наслаждений».

— Почему тут столько животных? — вдруг спросил он.

— Век Рыб был эпохой противоречий власти, представленной такими животными, как грифы и пантеры, эрой покоя и мира, представленной лошадьми, эрой плодородия, что выражено образом козы, и голода, вызванного демоническим влиянием, которое воплощает медведь. Белка — символ веры и означает Христа, олень — образ жизненной силы и любви. Скопление аллегорий и символических ценностей средневековой живописи, соблюдать которую Босх был обязан.

Кайе пребывал в нерешительности: столько информации, затронуты такие разные темы. Разве может все это быть скрыто в одной картине?

— Если я вас правильно понял, сеньор Антонио, хоровод свидетельствует о том, что эра Рыб, в которой господствовал Христос, заканчивается, и на горизонте видна новая эпоха. В то время как уходящая эпоха полнилась противоречиями, новая будет спокойной и безопасной, как купание в пруду, в котором люди могут наслаждаться бытием.

Небриха остановился и с удивлением посмотрел на

— Именно так я бы интерпретировал среднюю часть триптиха. Пойду еще дальше и возьму на себя смелость утверждать, что нижняя часть картины содержит учение адамитов, тогда как средняя... назовем это пророчеством мудрецов. Что включает в себе верхняя часть, я пока не знаю. Только одно мне бросилось в глаза: эти черные амфибии могут быть водолеями. В конце концов, никто не знает, как они выглядели. Мне непонятен их воинственный вид: воины с оружием, в броне, идущие в боевом порядке.

— Знаете, Антонио, чего я не понимаю? Зачем так все усложнять? Шифровать информацию в картине... Так называемая эра Водолея наступит независимо от того, нарисуют адамиты картины или нет. Ведь Земля не остановится, христианство будет существовать и в следующем тысячелетии.

— Возможно, нас хотели предупредить. Вам знакомы астрологические расчеты, согласно которым 18 августа 1999 года планеты образуют крест в созвездии Тельца, Льва, Скорпиона и Водолея? Даже серьезные ученые прогнозировали на это время бури и землетрясения, а также возможность смещения земной оси. Четыре зверя на картине образуют крест, вверху — бык, внизу — лев, справа — группа, несущая заднюю часть тела скорпиона, слева — своего рода плывущий утконос, которого можно рассматривать как символ Водолея.

— А, предсказание Апокалипсиса! Теперь фантазия захватила вас целиком.

Предположения Небрихи становились все более смелыми.

— В левой части картины я не вижу никакого водолея. Кроме того, если я верно информирован, животные занимают неправильные позиции в круге зодиака. Бык и лев не должны находиться друг против друга.

— Что касается водолея, то я удовлетворен птицеобразным существом. Клювом и телом оно напоминает мне алхимический сосуд, аламбик. Таким образом, в картине присутствует знак воды. Я уже говорил, что никто не знает, как выглядел водолей. Что же касается порядка построения зодиакальных символов — тут я пас. Почему они не совпадают, объяснить не могу.

У Кайе кружилась голова. Мало-помалу картина становилась для него таинственной возлюбленной, медленно и нежно раскрывающей свои тайны. Она приковывала и одновременно отталкивала. Чувства Кайе необычайно обострились. И реставратор ощущал, что его будто увлекает в бездонную пропасть.

— Чего-то не хватает. Мне кажется, Антонио, об этом знают только патер Берле и Грит Вандерверф. Не могу объяснить, но чувствую.

— И еще, Михаэль. Прежде чем уйти, Вандерверф сказала, что мы упустили из виду сову, сидящую на роге единорога и следящую за

происходящим. Это и есть намек, ключ. Символ группы людей, которую она хотела назвать «люди-посевы». Люди, готовые уже сейчас господствовать в эре Водолея, когда эра Рыб приблизится к концу.

Кайе стоял перед «Садом наслаждений» и пристально смотрел на сову, на единорога и на движение всей группы.

— Если все, что до сих пор говорилось о картине, верно, то сова действительно может быть ключом. Ведь на увеличенном снимке вы обнаружили сову, и она относится к адамитам. Сова — символ Афины, богини-женщины, и символ ночи, тьмы. Все сходится.

Антонио де Небриха снова опустил на стул.

— Может быть, Михаэль, может быть. Полной уверенности у нас нет, но кое-что скрывается здесь.

Он помахал серым конвертом с фотографиями, открыл его и достал снимки.

Кайе будто вышел из транса. Он взглянул на Небриху, склонившегося над снимками, и направился к двери.

— Ах да, Антонио, совсем забыл сказать: я ничего не нашел на фотографиях.

Коллега, исследовавший снимки с помощью лупы, казалось, не слышал его. Кайе пожал плечами и вышел из комнаты.

**КНИГА ТРЕТЪЯ. И ВКУСИЛИ ОТ
ДРЕВА ПОЗНАНИЯ...**

Мы сидим уже четыре дня, и ничего не меняется. — Небриха подсел к письменному столу Кайе и взглянул на план здания, который разложил перед собой коллега, расставляя крестики красным карандашом.

— Руководство музея выделило нам трех дополнительных охранников. Здесь, перед мастерской, на входе внизу и у двери в подвал. Впереди у входа и в коридорах персонал реставрационных мастерских. В помещения мастерских разрешено входить только мне и вам. Исключение составляют два реставратора, восстанавливающие Гойю. Они будут работать до начала следующей недели. Потом в Прадо открывается выставка Веласкеса, и тогда нам придется этих трех охранников отдать.

Кайе откинулся на спинку стула и взглянул на Небриху. С тех пор как занялся «Садом наслаждений», коллега помолодел. Он даже брился каждый день.

— Ах да, вот эта штука. — Кайе указал на микрофон в ухе и маленький передатчик на столе. — Переговорное устройство, с помощью которого я могу в любое время связаться с охраной. Сверхсовременная вещь. Взяли в жандармерии.

Небриха поднял вверх большой палец.

— Непросто в наши дни получить что-то бесплатно. — Небриха запнулся. — Вы видели сегодня Грит Вандерверф?

Кайе старался не встречаться с коллегой взглядом. Он видел Грит каждый день. И вчера они были вместе в ресторане, ели рыбу; вечером они прогуливались по площади Де Майор, после чего Кайе проводил ее домой. Он посмотрел на часы — Грит обещала позвонить около десяти.

— Нет, а почему вы спрашиваете?

Антонио де Небриха наморщил лоб и облизнул губы. Затем взял в руки скоросшиватель Кайе и стал щелкать им.

— Послушайте, Михаэль, я понимаю, Грит — женщина привлекательная и не может не нравиться такому мужчине, как вы. Но каждый день, когда покидает свой кабинет, Грит заходит ко мне и

спрашивает, не обнаружил ли я что-нибудь на третьем снимке. Вы не находите это странным?

Кайе вздохнул — старая песня.

— Это вас...

— ...не касается, я знаю. Но готов поспорить: эту даму интересует картина, а вовсе не вы.

— Что вселяет в вас такую уверенность?

Небриха полез в карман куртки, достал листок бумаги, развернул его и прикрепил к стене. Затем отошел в сторону, чтобы лучше видеть рисунок.

Кайе повел бровью:

— Круг и крест, это ответ?

— Да, это ответ, Михаэль. Знак Венеры. Круг и над ним крест: я обнаружил его на третьем увеличенном снимке.

Кайе присвистнул.

— Вы уверены, Антонио?

— Да, его можно различить перед штурвалом лодки, в которой стоит человек-дерево.

— Позвольте вопрос, Антонио. Как открытый знак Венеры в сцене ада связан с Грит? Меня смущает то, что повреждения на картине незначительны, но везде, где они есть, вы что-то находите. Одним словом, Антонио, я смотрел фотографии и ничего не обнаружил.

Произнося последние слова, Кайе навис над коллегой. Небриха не шелохнулся.

— Понимаю ваши сомнения. У меня они тоже были. Однако нельзя исключать, что патер Берле точно знал, где скрыты знаки, и действовал весьма целенаправленно.

— Согласен. Возможно, в рукописях на сей счет имеются указания. Но почему знак Венеры указывает на опасность, исходящую от Грит Вандерверф?

— Вы знаете, что может означать знак Венеры, Михаэль?

— Догадываюсь. Мы говорили о значении пруда в средней части картины. Из него выходят женщины.

Небриха усмехнулся:

— Что, если в картине разрабатывается именно этот аспект? Роль женщины в будущем. Знак Венеры — знак женщины. И сегодня то же:

сила женщины в знаке Венеры.

К такому выводу Кайе никогда бы не пришел самостоятельно. Но он старался мыслить здраво.

— Ну хорошо, хорошо. Надо подумать. Но что в этом послании необычного? Кто-то в XVI веке нарисовал знак Венеры, замазал его краской в надежде, что когда-то в будущем найдут метод сделать знак видимым. Зачем такие сложности? Не являются ли все эти знаки, буквы, линии и я не знаю что еще обычными штрихами, которые можно обнаружить на каждой второй картине под слоем краски?

— Возможно. Тем не менее нельзя отрицать, что Грит Вандерверф лучше меня ориентируется в них. Вряд ли они случайны.

— А вы подбрасываете ей крохи информации.

Небриха кивнул и провел рукой по лицу:

— Наживка. Я хотел узнать, насколько хорошо она информирована. Вы не обратили внимания, что Вандерверф обладает огромными знаниями? Мне потребовалось сорок лет, чтобы так продвинуться.

— Вы сейчас подумали об адамитах.

— И о них тоже. И о Якобе ван Алмагине. Что за тайну хотел открыть нам патер Берле? Нужно еще раз спросить его об этом.

Антонио де Небриха тяжело вздохнул. Кайе чувствовал, что коллега борется с собой. Пригласить патера к себе, чтобы расспросить его, весьма рискованно — ведь он может окончательно уничтожить картину.

В этот миг раздался сигнал передатчика. Кайе вздрогнул и потянулся к уху. Тут же вынул микрофон, чтобы коллега тоже мог слушать, и подозвал его к себе. Голос на другом конце провода звучал тихо и искаженно:

— Сеньор Кайе, поступил звонок из комиссариата, они посылают к нам комиссара Риверу.

— Зачем?

— Следить за порядком.

— Хорошо, впустите. Проверьте удостоверение и лично приведите его ко мне.

— Слушаюсь, сеньор.

— Хорошо.

Кайе нахмурился:

— С чего бы это? Уловка страховой компании? Теперь придется принимать гостя. Вообще-то это дело руководства музея. Я просто реставратор.

Последние слова Кайе пробурчал совсем тихо. Неожиданно он поднял голову и кивнул Небрихе, который уже собирался уйти:

— Оставайтесь, Антонио. Еще один вопрос. Меня весьма интригует то обстоятельство, что прежде я никогда не встречал имени Петрониуса Ориса. Я просмотрел разные справочники. Ничего. Если утверждения Берле верны, у этого художника были собственные произведения. Вы что-нибудь о нем знаете?

— Нет, никогда о нем не слышал. Впрочем, тут нет ничего необычного. Школы живописи поставляли специалистов, которые овладевали такими тонкостями, как складки платья или растения, рисовали задний план или архитектуру. Это экономило время, и художник мог сосредоточиться на другом. Чаще всего ученики и их помощники оставались неизвестными. Возможно, мастер Босх использовал Петрониуса Ориса именно для таких работ, а когда подмастерье покинул его мастерскую, он продолжал делать то же самое у других художников, и о нем ничего больше не слышали.

Кайе слушал внимательно. Тот факт, что Петрониус Орис бесследно исчез в анналах истории, беспокоил его. Он должен был оставить след в истории искусства, даже если стал жертвой инквизитора. Но тогда не было бы рукописи. С другой стороны, вообще нельзя быть уверенным, что вся история — не игра воображения сумасшедшего патера.

— Петрониус Орис писал портреты, Антонио.

— Или его использовали для других работ. Я часто думаю о том, что необузданная фантазия «Сада наслаждений» требовала усилий нескольких мастеров. Возможно, Орис поставлял идеи для картины. Возможно, некоторые образы созданы не Босхом, а подмастерьем. Поставщик кошмаров!

— Слишком много всяких «возможно», — прервал друга Кайе. — По-моему, мы снова гадаем на кофейной гуще. С таким же успехом я мог бы прочесть роман.

— Возможно, — проговорил Небриха, сорвал листок со стены и вышел из мастерской.

Кайе решил встретить комиссара. Кроме того, он хотел еще раз взглянуть на картину. Знак Венеры — прямо в центре ада?

II

Кайе вошел в мастерскую и застыл на пороге. Перед «Садом наслаждений» кто-то стоял. Реставратор не сразу узнал Грит.

— Грит! Как ты вошла сюда? Что ты здесь делаешь?

Женщина обернулась и с улыбкой показала пропуск, на котором красовалась ее фотография.

— У меня есть специальное разрешение руководства музея.

Кайе не находил слов.

— Я говорила вам, что смогу быть полезной, если патер Берле действительно прорвется к картине. Возможно, мне удастся удержать его от совершения преступления.

Женщина улыбалась слишком приветливо и широко. Кайе молчал — ведь раньше сюда мог пройти лишь тот, о ком реставратор договорился с руководством музея. Кайе по радио спросил охрану, проверяли ли они Грит Вандерверф.

Грит, казалось, не слышала вопроса. Она повернулась к картине.

— Разве не восхитительно? Райский сад! Люди в нем и то, как они резвятся и излучают восторг... Над картиной витает дух довольства и радости.

Грит взяла Кайе под руку, но тот по-прежнему молчал.

— Не будь глупым, Михаэль. Если бы я попросила тебя, ты бы ответил отказом. Ведь так?

Реставратор кивнул, не в силах противиться. Однако в нем зрел гнев: Грит открыто соблазняла его.

— Я хочу кое-что прояснить: пока патер Берле на свободе, здесь никто не должен находиться, кроме меня и Небрихи!

— О, ты превратился в охранника. Это что, продвижение по службе?

В Кайе все кипело. Ирония Грит Вандерверф переполнила чашу терпения реставратора. Голос его стал резким.

— Ты что, думаешь, я влюбленный идиот и меня легко обвести вокруг пальца? Речь идет о большем, чем твои соблазнительные формы. Черт побери, ты не могла придумать ничего лучшего, чем подрывать предпринятые мной меры безопасности?

Грит отпустила руку Кайе и испуганно посмотрела на него:

— Что с тобой?

— Что со мной, что со мной! — Голос Кайе срывался. Он попытался взять себя в руки и принялся ходить взад-вперед. — Кто-то пытается уничтожить картину, которую я считаю гениальной, а ты смеешься надо мной. Ты можешь хоть на минуту подумать о шедевре Босха, а не своем психологическом бреде?

— Лучше бы тебе взять свои слова обратно! — прошипела Грит и, повернувшись, направилась к выходу.

Кайе и сам испугался. Он уже сожалел о приступе гнева. Пока Грит Вандерверф двигалась к выходу, реставратор раздумывал, не извиниться ли ему.

Грит остановилась.

— Я пришла, чтобы рассказать тебе, что меня озадачивает в картине. Или ты ничего не хочешь услышать?

В ее голосе звучало упрямство.

— Извини, погорячился, — пробормотал Кайе. — Что ты хотела рассказать?

Грит отпустила ручку двери и остановилась, не поворачиваясь к нему.

— Это тебя не интересует!

— Конечно, интересует. Не злись. Когда я неожиданно увидел тебя здесь, у меня сдали нервы.

Кайе подошел к женщине ближе. Одна мысль не давала ему покоя: чего она хочет от него?

Грит сделала шаг вперед. Остановилась, закрыла глаза.

Кайе поперхнулся — Грит требовала поцелуя. В конце концов он сдался. Но ее губы были холодны и сухи. Когда все закончилось, Грит как бы между прочим спросила:

— Вы что-нибудь обнаружили на третьей части картины? Небриха темнит. По-моему, он не переносит меня.

— Ты ошибаешься, — солгал Кайе, вспомнив о предостережениях Небрихи. Ему было интересно, почему Грит появилась здесь, а не в кабинете. — Похоже, других открытий не будет.

— Жаль. — Грит поджала губы. — Я бы хотела присутствовать при расшифровке этой тайны.

— О какой тайне ты говоришь? И что собиралась рассказать мне?

Грит торопливым жестом прервала его, схватила за руку и потащила к картине.

— Михаэль, для художника-мужчины на картине слишком много женских тел, значение которых непонятно.

В Кайе мгновенно проснулось любопытство.

— Ты должен мне кое-что объяснить. Видишь мужскую и женскую части картины?

Мысли Кайе перепутались. Чего она добивается?

— Соберем все воедино, — продолжала Грит. — Бог-Отец был отодвинут в сторону еще в процессе творения, и он восседает на троне на самом краю картины. А мир содержит женские округлые формы повсюду. На створке «Земной рай» Иисус касается Евы и отворачивается от Адама. Она кокетничает, но не покоряется. В центре группа женщин, которым нашептывают о секретах любви.

Неожиданно Кайе вспомнил рассказ патера Берле — сцену службы адамитов, в которой объяснялась средняя часть триптиха. И там тема любви была на первом плане.

— Кроме того, женщины стоят в центре картины. Никто, кроме них, не купается в пруду. А если мы посмотрим на сцену ада, там женщин почти нет или...

Кайе словно впадал в транс. Он пристально вглядывался в картину, его переполняли странные предчувствия. Значит, Небриха действительно обнаружил знак Венеры. И значит, Грит знает об этих взаимосвязях или хочет возбудить его любопытство.

— ...они изображены там неверными монахинями или блудницами. Они попали под влияние мужчин и потеряли свою женственность. Все остальные — мужчины. При этом надо помнить, что по средневековым представлениям ад должен быть переполнен женщинами. Только в 1475 году признали существование у женщин души, которое католическая церковь раньше категорически отрицала.

Кайе смотрел на Грит со стороны, пытаясь прочесть по ее лицу, чего на самом деле она хочет.

— И все же, Михаэль! Патер Берле до сих пор покушался на картины, связанные с женщинами, воспевающими любовь и эротизм. Какое послание заключено в этой картине, мы не знаем.

— Если оно вообще есть.

— Хорошо, мы не знаем этого мнимого послания. Но если речь идет лишь о женщинах, Берле не отступится от желания уничтожить картину. Он снова придет сюда, я уверена.

— Почему?

— Он болен, Михаэль, психически болен. Я долгие годы работала с такими пациентами и как женщина чувствовала ненависть к себе. Он действительно считает себя патером Берле. Одному Богу известно, почему он взял это имя. Ведь он испанец и мог бы здесь, в Испании, зваться, к примеру, Торквемадой. Звучало бы логичнее.

Кайе лихорадочно гадал, как выяснить истинные намерения Грит.

— Я хотел у тебя кое-что спросить. Ты рассказывала о группе мудрецов. Ты действительно веришь в ее существование? Такую группу людей нельзя не заметить.

Грит выпустила руку реставратора и пристально посмотрела на него. Затем медленно обошла вокруг собеседника.

— А знаешь, Михаэль, что передать информацию в будущее почти невозможно? То, что пытаются сделать сейчас, сохраняя данные для будущего, — напрасный труд. Пройдет время, и никто уже не сможет прочесть эти данные. Потому что компьютерная техника будет развиваться и дальше, банки данных устареют или будут уничтожены. Или информационный поток разрастется так, что для расшифровки потребуются легионы специалистов. Нельзя дать прогноз даже на пятьдесят лет вперед.

— Проблема в первую очередь для историков.

Грит посмотрела на картину и повернулась спиной к Кайе. Ее плечи и часть спины были открыты. Кайе обратил внимание, что кожа на позвоночнике темнее, чем в других местах.

— Проблема, обычная для всех. Мы знаем о жизни наших родителей, а о дедах и прадедах не имеем ни малейшего представления. Истории отдельных государств умирают медленнее, поскольку существуют архивы, но все равно умирают. А что остается? Неясные высказывания, анекдоты, на основе которых мы можем воссоздать более или менее ясную картину.

— Разве это не наше право — забывать?

Грит резко обернулась и обожгла Кайе взглядом. Глаза ее заблестели.

— Как далеко назад мы можем оглянуться? На две тысячи лет?

Кайе прокашлялся:

— На десять тысяч. Когда возникла письменность.

Грит Вандерверф кивнула и опустила глаза, будто хотела смирить свой гнев.

— А что было прежде? Что мы знаем об этом? Прошли миллионы лет, пока мы, люди, не осознали себя и не обрели свой язык. Может, уже тогда существовала потребность вырваться из настоящего и узнать о прошлом. Миллиона лет достаточно, чтобы изучить циклы этого мира и собрать знание о нем. Что, если какая-то группа людей была избрана еще тогда, чтобы сообщить, как развивалось человечество?

Она говорила тихо, быстро и как-то навязчиво, так что по спине реставратора побежали мурашки. Грит по-прежнему смотрела вниз, будто читала рукопись.

— Разве в Библии не говорится: сообщалось... написано... Ты не думал, кто сообщал, кто написал? Долгое время все передавалось из уст в уста, пока не изобрели буквы, чтобы все записать. Одна традиция сменила другую. Письменные зарисовки овладели мыслью. Эти зарисовки существуют. И наша картина — одна из них.

Кайе почувствовал, что вспотел.

— А почему ее не прочли и не объяснили раньше?

Грит покачала головой:

— Потому что церкви удалось сделать то, чего раньше в таком масштабе не происходило — истребить избранных. За два века инквизиция вытравила то, что собиралось тысячелетиями.

— По-твоему, есть тайный союз, который из века в век, из года в год передает свое знание и знание это скрыто в триптихе?

— Прежде об этом не думали. Картину считали необычной, но безобидной. С тех пор как патер Берле обнаружил рукопись...

Кайе кивнул:

— Он решил, что должен вмешаться... Звучит убедительно. И все же, Грит, это фантазии. Если бы Берле не совершил покушение, мнимое послание осталось бы скрытым под слоем краски до окончания века.

— Или пока где-то не всплыла бы рукопись Петрониуса Ориса. Ты знаешь, что архивы Ватикана собираются открыть? Если там найдется что-либо, указывающее на послание адамитов, у фанатиков возникнет потребность в действиях.

— Но та битва давно прошла. Кому может угрожать картина, если она предсказывает конец патриархата или церкви?

В глазах Грит вспыхнуло что-то, однако она сразу же овладела собой.

— Подумай, если послание существует, то Берле должен уничтожить его. Он в это верит.

— А ты откуда все это знаешь, моя маленькая адамитка?

Грит Вандерверф открыто посмотрела ему в глаза:

— Хорошо. Все не так таинственно, как ты, вероятно, думаешь. Существует достаточно женщин, которые верят в самые загадочные вещи, и считают себя ведьмами, и занимаются черной магией. Я встречала таких в первые годы учебы. Очень увлекательно, сам можешь представить. Особенно когда ты — а мне было двадцать — живешь в мире, полностью контролируемом мужчинами, и ищешь пути защитить себя от них. Одна женщина сказала мне, что ключ к решению наших проблем скрыт в некоей картине. Я давно забыла об этом, но когда мне поручили опеку над патером Берле, мне стало ясно как дважды два, почему он так ненавидит «Сад наслаждений».

В этот момент по радио раздался сигнал. Кайе отвернулся, нажал кнопку и закрыл рукой второе ухо. Грит что-то сказала ему, однако реставратор ничего не расслышал.

— Сеньор Кайе, пришел комиссар, но...

Связь прервалась.

— Охрана, ответьте, алло?

Неожиданно что-то зашумело, и в наушнике снова послышался голос:

— Все в порядке, мы проверили его. У нас были помехи.

Кайе успокоился. Он спрятал устройство в карман и хотел последовать за Грит, которая уже вышла из мастерской. Реставратор бросил последний взгляд на картину. Целая и невредимая, она сверкала яркими красками в центре мастерской.

Может, Грит пошла в его кабинет? Нужно встретить комиссара. Кайе позвонил охране на входе и сообщил, что направляется к себе в кабинет, чтобы поговорить с комиссаром Риверой. Затем вышел из мастерской, преследуемый запахом духов Грит.

III

Кайе устремился вниз по лестнице к реставрационным мастерским. Грит и комиссара Риверу в своем кабинете он не застал. Когда Кайе повернул в проход, ведущий к мастерской, у него едва не остановилось сердце. Как реставратор и предполагал, охраны у дверей не оказалось. Кайе ускорил шаг. Когда он распахнул дверь, лицо его горело.

Яркий свет ослепил реставратора. Он медленно вошел в помещение и застыл как вкопанный. На столе перед «Садом наслаждений» лежало маленькое распятие, по краям которого горели свечи. Фигура Христа была разломана посередине. Кайе подбежал к картине, задул свечи и отшвырнул все в дальний угол. Когда глаза реставратора окончательно привыкли к темноте, он исследовал картину.

Кайе медленно приходил в себя. «Сад наслаждений» был цел и невредим. Он провел рукой по лицу. Ни комиссара, ни Грит. Где они?

Неожиданно за спиной хлопнула дверь, Кайе вздрогнул и поспешно обернулся. У дверей стоял охранник в голубой форме, фуражка глубоко надвинута на глаза.

— Где вы были? — набросился Кайе на охранника.

— Природа изменяется. Правда убивает! — пробормотал охранник, и в первый момент Кайе не понял смысла сказанного.

Он внимательно взгляделся в мужчину.

— Вы!

— Совершенно верно, сеньор Кайе. Не ждали меня?

— Ждал, но не думал, что вам это удастся.

— Все оказалось проще, чем я предполагал. Хватило одного звонка. Они даже проверять не стали. Невероятная халатность.

— Вы и есть предполагаемый комиссар Ривера!

— Удачная идея, не правда ли?

Мысли лихорадочно проносились в голове Кайе. Наверняка в кармане Берле бутылка с кислотой, и при удобном случае он выплеснет ее на картину. Его нужно остановить... Но что значит это представление с разломанным Христом?

— Что вы сделали с охранником?

Патер Берле хрипло рассмеялся:

— Отослал пообедать. Они такие доверчивые.

Патер поправил фуражку. Глаза его блестели, и Кайе понял, что Берле опять использовал свои гипнотические способности. Уголки губ патера слегка подергивались.

Кайе попытался преградить Берле дорогу, переключить его мысли на что-то другое.

— Зачем вы пробрались сюда? Что вам нужно от меня, патер Берле?

Берле, медленно надвигавшийся на реставратора, остановился. Беспорочно бегающие глаза уставились на Кайе. Взгляд его был пуст, как у слепого.

— От вас я ничего не хочу, но вы мешаете мне. — Берле улыбнулся одними губами.

— Если желаете, я позову Грит Вандерверф. Она поговорит с вами.

Патер встрепенулся, будто его укололи. Глаза священника вспыхнули, голос стал пронзительным:

— Я видел ее! Змея! Ее прислал сатана! — Патер поднял руки к небу.

— Почему змея? — спросил Кайе.

Берле резко повернулся и заговорщически понизил голос:

— Она — женщина. Она не хочет признать, что вместе с ее родом в мир пришел грех. В состоянии невинности...

— Замолчите! Хватит с меня ваших рассказней!

Взгляд Берле уткнулся в пол, патер принялся медленно раскачиваться из стороны в сторону.

— Вы нашли третий знак в сцене ада, Кайе?

Патер расхохотался:

— Тогда уже поздно!

— Что поздно?

— У вас больше не будет возможности исследовать картину.

На лице Берле появилась злобная улыбка, и в голове Кайе зазвенел сигнал тревоги. Хоть бы кто-то из охранников вернулся с обеда! И Грит, почему она не появляется?

Лицо Берле, казалось, застыло. Неожиданно Кайе вспомнил, где он видел эти черты: в сцене ада на триптихе. Человек-дерево смотрел на него с картины так же пусто, вдаль, поверх зрителя. Выгоревшее тело, безжизненное и мертвое.

Берле обошел Кайе и собрал лежавшие в углу обломки распятия. Затем сложил фигуру Христа.

— Что значит это представление с распятием? — спросил реставратор.

Патер повернулся к нему спиной, осторожно сложил все части на столе и указал на распятие, посередине которого проходила линия разлома.

— Это мой смертный приговор. Они разломали Христа, потому что он не имел для них никакого значения. Мужской идол. Они разбили мужскую веру и разрушили самого человека.

Берле говорил запинаясь, будто подыскивал слова.

— Кто положил этот крест, патер Берле?

Священник кивнул, его рука исчезла в правом кармане куртки. Кайе затаил дыхание. Но патер снова вынул руку из кармана и показал ладонь.

— Кто положил крест, кто положил крест?.. Вы что, действительно так наивны, Кайе? Вы сами сделали это! Вы хотите уничтожить нашу святыню, и эта змея с вами.

— Вы сошли с ума!

Берле закашлялся:

— Кто же еще? Я не разбил бы Христа!

Может, Берле прав? Разве Петрониус Орис не получал такое же предостережение? И разве на его жизнь не покушались?

— Хорошо, предположим, это была она. Но зачем?

— Сеньора предупреждает меня, чтобы я не трогал картину. — Патер смотрел реставратору прямо в глаза. — Вы еще не занимались родословной этой женщины? Не проверяли, откуда она?

Кайе удивленно покачал головой.

— Она — последняя из рода Вандерверф, который раньше звался Ван дер Верф и имеет трехсотлетнюю историю. Ничего необычного, сеньор Кайе. Но сейчас будет интереснее. В середине XVI века эта семья связывает себя узами брака с семьей Ван Синт-Ян. Ничего не напоминает? Ван Синт-Ян — католическое имя Якоба ван Алмагина. У

Якоба есть потомки. А если Якоб принадлежал к адамитам, то можно предположить, что между семьей Вандерверф и Синт-Ян все решала религия. Последние часто меняли место жительства, а потом осели в Голландии. Там они обладали привилегией свободного вероисповедания.

Кайе был поражен. Грит — потомок загадочного ученого, или это фантазии безумного патера?

— Так это Якоб ван Алмагин предупреждал Петрониуса Ориса с помощью разломанного креста?

— Предположительно да!

Берле подошел ближе к картине, хотя Кайе и старался оставаться между триптихом и патером.

— Знаете, читая рукопись, я обратил внимание, что история до определенного места написана одной рукой. Затем она неожиданно обрывается, и повествование продолжает другая рука. Стилистически все абсолютно одинаково, можно подумать, будто Петрониус Орис не мог писать сам и диктовал кому-то, но потом...

И тут Кайе поймал его:

— Вы полагаете, с Петрониусом произошло несчастье? Вы прервали свой рассказ, чтобы умолчать об этом?

Берле рассматривал сцену ада. Кайе показалось, что патер хочет загипнотизировать сам себя. И тут голос Берле вновь притянул реставратора к себе и захватил все его внимание.

Все полетело кувыркком в Хертогенбосе, и с Петрониусом случилось несчастье, как признание того...

IV

...что даже смерть стучится в дверь жизни вежливо. От стука молотка, сколачивающего две балки, Петрониус открыл глаза. Он долго лежал так, направив взгляд в низкий каменный потолок, весь в белых трещинах, и слушал тяжелые удары молотка, вбивавшего металлические гвозди в доски. Подмастерье облизнул губы, сухие и потрескавшиеся. Когда Петрониус захотел перевернуться, чтобы встать, резкая боль пронзила его от плеча до левого бедра. Он не мог вспомнить, как попал в эту дыру. Здесь невыносимо пахло мочой, нечистотами, заплесневевшим хлебом и сеном.

— Эй, парень, чего вертишься, будто лежишь на кровати с балдахинном? Здесь нужно соблюдать аккуратность и уважать соседей.

Боль в плече лишила Петрониуса голоса. Он закрыл глаза и постарался лежать тихо и дышать равномерно. Справа он почувствовал тепло другого тела, прижавшегося к нему.

— Где я? — прохрипел он. — Что все это значит?

Петрониус проверил, может ли пошевелить пальцами, и понял, что левая рука почти онемела, пальцев он не чувствовал.

— Послушай-ка его, Гриит! — протявкали тот, кто лежал ближе к выходу из подвала — оттуда проникало немного света. Петрониус не мог повернуть голову к говорившему. — Такое мерзкое отродье, и не знает, кто он?

В нескольких шагах раздался женский смех, потом шепот:

— Нужно пробудить его жизненные силы. Пропусти меня, Руфф. Я позабочусь, чтобы он узнал, что произошло.

— Проклятая стерва, — буркнул мужчина, лежавший рядом с подмастерьем. — Заткнись!

Затем сосед повернулся прямо к Петрониусу, дотронулся до его плеча и спросил:

— Не знаешь, что за тобой послали целый кавалерийский дозор? Правда, всего один раз.

У парня, лежавшего рядом, невыносимо воняло изо рта. Он захохотал и ударил Петрониуса по плечу так, что у того потемнело в глазах.

Петрониус, должно быть, задремал. Когда юноша открыл глаза, с камня над ним падали капли. Стук молотка прекратился. Парень рядом безжалостно храпел, а через короткие отрезки времени шумно выпускал газы. Во сне Петрониус, видимо, повернулся на другой бок. Теперь он мог видеть серые прямоугольники света. Они были такими яркими, что слепили глаза. Петрониус осторожно попробовал опереться на руку, но боль едва не лишила его чувств.

— Наконец проснулся, мой сладенький, — проворковала рядом женщина.

В сумерках подмастерье увидел всклокоченные волосы и грязный нос. Соседка придвинулась ближе, так что их лица оказались рядом. Ловкие пальцы стали расстегивать его рубашку и штаны. Она могла бы быть просто красавицей, если бы ее помыть и одеть в чистое белье, но в своем нынешнем состоянии Петрониус почувствовал такое отвращение, что отодвинулся от женщины как можно дальше.

— Отстаньте, сеньора, — прошептал он. — Будьте так любезны и скажите, где я?

Боль в груди затрудняла дыхание. Петрониус запинаясь, с трудом выдавливая слова. Правой рукой он отталкивал настойчивую руку женщины.

— Как хочешь, — недовольно пробурчала она. — Можно подумать, я уродина. Какой нелюбезный.

— Где я? Скажите, пожалуйста.

Проститутка внимательно посмотрела на юношу, и в ней проснулось что-то, похожее на сострадание. Уголки губ расправились, женщина бросила на Петрониуса понимающий взгляд:

— Меня зовут Гриит. Тебе, видать, и впрямь паршиво, если не знаешь, где находишься.

Петрониус едва сдерживался, чтобы не застонать от боли.

— Ты не из наших, по рукам видно. Ну да ладно. Красивые руки тоже могут держать нож. Ты сидишь в тюремном подвале под лестницей ратуши.

Сквозь решетку капал дождь. Теперь Петрониус мог различить мостовую площади и серые камни, несколько повозок и прохожих.

Парень по имени Руфф заворочался. Гриит быстро переползла через спящее тело и легла с другой стороны. Прижалась к парню и

оперлась на его руку, но прежде чем закрыть глаза, подмигнула подмастерью.

Петрониус перевернулся на спину и уставился в каменный потолок, сквозь щели которого просачивался мокрый день.

— А что я здесь делаю?

Руфф уже проснулся. Он недоверчиво посмотрел на Петрониуса, затем резким голосом пролаял:

— Тебя повесят, приятель. По приговору городского совета. Вот так просто. Я бы хотел посмотреть...

Петрониус замер. Что он говорит? Повешение? Петрониус не верил своим ушам. Спасся от одного покушения, чтобы умереть в петле?!

— Плевать мне на твои желания!

Сосед нагло усмехнулся:

— Черт возьми! Приятно будет посмотреть на твои судороги. Может, в штаны наделаешь.

Руфф пролаял это с такой ненавистью, что у Петрониуса закралось подозрение: он может и не дожить до казни. Сосед плюнул подмастерью в лицо, и Петрониуса едва не вырвало от омерзения.

— А теперь один совет, парень. Оставь мою девочку в покое, не то я лишу городские власти удовольствия повесить тебя.

Его жест не оставлял никаких сомнений.

— Руфф! — раздался неожиданно голос от входа, негромко, но отчетливо и резко.

Прислонившись спиной к решетке и зажав между ног палку с необычным набалдашником, сидел нищий.

— Руфф! Оставь свои шуточки. Если с головы художника упадет хоть один волосок, я повешу твои потроха на городской стене для просушки! А остатки скормлю щукам в реке. Ты понял?

Слава Богу, Длинный Цуидер жив! Петрониус попытался вскрикнуть, но смог только захрипеть.

— Послушай, друг Петрониус! Я брошу тебе сверток. Ты должен смазать рану, даже если будет очень больно. А тебе, Руфф, если ты не поможешь, я выколю глаза. Я еще вернусь.

Петрониус услышал, как на пол упал сверток. Потом почувствовал, что две руки расстегнули рубашку и нежно намазали

чем-то вязким и клейким плечо, грудь и бок. Боль едва не лишила юношу рассудка.

Гриит оторвала от рубахи полосу ткани и перевязала рану. Руфф отодвинулся в дальний угол подвала. Он сидел там неприкаянно, словно сова, скрестив руки и ноги и опершись подбородком на колени, и смотрел на Петрониуса.

Подмастерье проснулся в полной тьме. Он даже подумал, что ослеп. Петрониус медленно выходил из состояния полузабытья и возвращался в мир боли.

— Ты проснулся? — прошептали рядом с его ухом.

В первый момент Петрониус не понял, сон это или явь, пока его правая рука не нащупала женское тело Гриит.

— Еще больно?

Петрониус покачал головой и хотел убрать руку, но Гриит крепко сжала ее.

— Нет, — сказал он. — Что произошло?

— Необязательно говорить шепотом, — заметила соседка. — Руфф спит как убитый. Я перевязала вас и смазала рану мазью. У вас была температура, но сейчас она упала. Вы понимаете меня, Петрониус?

Последние слова прозвучали так неожиданно, что подмастерье не знал, что ответить.

— Я спрашиваю вас, понимаете ли вы меня, ясна ли ваша голова?

— Конечно, — пролепетал Петрониус.

— Не знаю, как долго будет спать Руфф. Он очень ревнив. Я должна передать вам, что Зита в безопасности. Вы поняли? В безопасности.

— Что с Зитой? Откуда вам о ней известно? — спросил Петрониус и хотел приподняться, но в этот момент кто-то так ударил его в левый бок, что он едва не закричал от боли.

— Больше я ничего не знаю.

Петрониус вглядывался в окружающую темноту. Он так широко раскрыл глаза, что во тьме на потолке поплыли пурпурные круги. Вдруг в одно мгновение круги лопнули.

— Вот я и поймал тебя, неверная дрянь, потаскуха!

Над Петрониусом размахивал кулаками Руфф.

— Я покажу тебе, что ожидает тебя в аду!

Гриит стонала под ударами, а Петрониус ничем не мог ей помочь. На его здоровую руку наступил Руфф, а левая не слушалась. Петрониус извернулся и укусил Руффа. Парень одним движением стряхнул юношу и ударил его в грудь. Перед глазами подмастерья заплясал хоровод звезд. Он услышал лязг ключей и бряцание оружия.

— Охрана! — прохрипел Петрониус.

Его слова возымели неожиданное воздействие. Руфф немедленно оставил Гриит и отодвинулся в сторону.

— Если произнесешь хоть слово, я прикончу тебя, — пробормотал он и зарылся в солому позади Петрониуса.

Перед решеткой появился огонь факела, бросавший на мостовую пляшущие тени. Двое солдат склонились над подвалом и осветили его.

— Петрониус Орис из Аугсбурга, ты здесь? — послышалось с улицы.

Подмастерье медлил, но Руфф принял решение за него:

— Он здесь, и чем быстрее исчезнет, тем будет лучше для нас обоих.

Ключ вставили в замок и дважды повернули. Один из охранников открыл ворота и потребовал, чтобы Петрониус вышел. Художник старался изо всех сил, однако от напряжения рана болела все сильнее. Руфф подталкивал подмастерье сзади. Свет факела осветил лицо солдата, безучастно наблюдавшего за спорщиками. Наконец Петрониус вылез из дыры и, покачиваясь, стал на ноги.

— Все кончено, мой друг! — издевался Руфф. — Желая, чтобы время пролетело быстро.

Охрана закрыла решетку и окружила подмастерье. Позади он слышал всхлипывания Гриит. Стража повела юношу через площадь к месту казни. Петрониус закрыл глаза и закусил губу. Его сопровождал хриплый смех Руффа.

Услышав обращенный к нему вопрос, Петрониус понял, что на его шее вот-вот затянется веревка.

— Где картина Иеронима Босха? Предупреждаю, на этот раз вам не избежать петли. Мне достаточно пальцем пошевелить.

Петрониус сидел за письменным столом из полированного дуба. Сквозь железные решетки на окнах светило солнце. За спиной пленника беспокойно ходил инквизитор.

— Вы ответите на вопрос, обещаю. Будете визжать, моля о милости, пока на губах пена не выступит. И тогда вы заговорите.

Патер остановился, будто осознал, что вид из окна, солнце и зелень деревьев уводят мысли пленника от возможной пытки. Петрониус молчал и прищурившись смотрел на стекла, покрытые бусинками капель.

— Даю вам последнюю возможность. В конце концов, вы образованный человек, а я не чудовище.

Произнося эти слова, инквизитор подошел к секретеру, стоявшему в углу, открыл его и достал бумагу, чернильницу и полдюжины перьев.

— Вы были у адамитов. Опишите все. Ничего не упускайте и ничего не прибавляйте. Мне достаточно ваших впечатлений о том, как все происходило. Мы оба знаем, что выдумки народа — не что иное, как пустая болтовня, ветер из уст доносчиков в уши глухонемых. Я хочу узнать от вас правду.

Патер осторожно положил на стол перед Петрониусом бумагу и письменные принадлежности. Художник поднял глаза на Берле. Их взгляды встретились, и Петрониус заметил во взоре патера гнев и огонек безумия.

Страх Петрониуса остался на виселице. Солдаты действительно отвели его к месту казни, где ждали палач и двое подручных. Подмастерью позволили прошептать одетому в черное человеку последнюю молитву и надели на шею веревку. Палач заставил юношу стать на табуретку и затянул петлю. Петрониус стоял на цыпочках и не знал, чего ему хочется больше: жить дальше или подвести под земным существованием черту.

Именно в этот момент из крошечной тьмы появился инквизитор с письмом в руке. Размахивая бумагой, хриплым голосом он остановил палача. Печать бургомистра подтверждала, что преступник поступает в распоряжение Берле. Однако секунды в петле, чувство, что скоро прекратится подача воздуха и придет медленная смерть, многое прояснили Петрониусу. Жизнь кончается тогда, когда приходит время, и время это определяет не слабый червь — человек, а высшая сила.

По мнению Петрониуса, палач и его помощники сдались слишком быстро. Слишком быстро склонились над бумагой с печатью. Наверняка тюрьма, казнь и вмешательство инквизитора были инсценированы, чтобы сломить его измученный дух.

Патер Иоганнес подошел к Петрониусу вплотную, так что почти касался его лица, и тихо прошептал:

— В городе что-то происходит, Петрониус Орис, чего вы не можете понять, да и я вижу лишь часть. Это охватывает нас, протягивает к нам свои когти, и мы не можем защититься, потому что не знаем, в чем дело. Вы должны все записать, Петрониус Орис. Каждую мелочь. Ради меня, ради вас, ради города, который медленно погибает из-за всех этих событий. Вы ничего не заметили, поскольку недолго находитесь в Ден-Босе. Город разлагается, как разлагается тело, когда внутренности переполняет черная желчь. Снаружи ничего не видно, однако внутри она разъедает все, пока не останется лишь оболочка. Вы видите тень того, чем город был раньше, и скоро он превратится в пыль.

Петрониуса охватило отвращение, он уставился прямо перед собой, потом резко встал, и его плечо врезалось в подбородок священника.

— Оставьте меня. Вы несете вздор, в который сами не верите.

В уголках рта патера показалась кровавая слюна...

Комнату переполнял солнечный свет, потоками струившийся из окна. Он контрастировал с обстановкой комнаты, где, кроме стула, стола и секретера, находилось еще огромное черное распятие. Секретер был украшен инкрустацией из перламутра и янтаря.

— Я достал вас из петли, Петрониус, не для того, чтобы вы снова упрямылись. Если не напишете отчет добровольно...

— «...я добьюсь своего с помощью пыток». Оставьте, мне ваша песня знакома, — со вздохом закончил Петрониус. — Зачем вам мои

впечатления? Я думал, Зита, или сестра Хильтрут, может представить вам более богатый материал.

Патер Берле усмехнулся:

— Вы более авторитетное лицо. Независимый, не привязанный ни к кому и ни к чему. Уже переросший глупость юности, но недостаточно старый, чтобы впасть в упрямство. Кроме того, вам известно, как нужно смотреть на картину и что скрыл в ней богохульный еретик. Итак, пишите, Петрониус. Это единственная причина, по которой я не отдал вас палачу.

Петрониус выдохнул и скривил губы.

— А что убедит вас в моей правдивости?

Патер Иоганнес подошел к окну и посмотрел на поля, простирающиеся до самых городских стен. Крестьяне за плугами, влекомыми волами, пахали мягкую землю.

— Вы всегда служите не тем господам. Всегда селитесь под дырявой крышей, сквозь которую просачивается дождь. Поворачиваетесь не в ту сторону и идете налево, а не направо. Есть люди, выбирающие ложный путь, потому что такова их тропа страха и невзгод в юдоли печали. Вы молоды, Петрониус, и смотрите вперед, за фасад этого мира. Вы узнали средства и пути, которые могут повлиять на мировые события и судьбы. Почему бы не порвать с прошлым, которое останется в вас лишь воспоминанием?

— Сделать это будет нелегко, — возразил подмастерье. — Плечо сильно болит.

Патер не ответил, он направился к двери, но на пороге остановился и обернулся. Голос Берле был ледяным, и подмастерье, которого и без того лихорадило, замерз.

— В вашем распоряжении все время мира. Почти все: начните работу, заполните бумагу строчками и с помощью вашей рукописи сможете перешагнуть эпоху самых страшных преследований... Первые еретики умрут, не прочитав написанного. Одно движение моей руки, и они будут гореть на костре. Для самых важных, влиятельных подстрекателей-адамитов требуются подготовка и гарантии. Пишите ради своей жизни, Петрониус, если хотите еще раз увидеть Аугсбург. Что же касается плеча, я пришлю сестру; она будет ухаживать за вами и перевязывать рану. Начинайте.

С этими словами патер Иоганнес вышел за дверь, которую за ним сразу же закрыл монах. Петрониус подошел к окну и бросил взгляд на улицу.

За окном висела серая туча, дождь барабанил по стеклу. Крестьяне и волы согнулись под потоками дождя, пласты земли осели и провалились в борозды.

Петрониус не шевелился. Его левая рука безжизненно висела, хотя он почти не чувствовал боли. С чувством полнейшего отвращения художник смотрел на бумагу и перья: надо ли ему писать? Он должен быть осторожным. Если Петрониус и понял что-то, находясь в Ден-Босе, то это была мысль, высказанная патером Берле перед портретом Авигеи: *Veritas extinguit* — правда убивает.

VI

Петрониус чувствовал себя отменно. Он стоял в лодке, будто воплощение святого Христофора, который посадил на плечо божественное дитя и перенес его через реку. Паруса были подняты, и лодка неслась над мрачной водой, которая казалась замерзшей, черной, гладкой и неподвижной. Петрониус возвышался над этой рекой, словно дерево. Он и был деревом — с корнями, ветками и сучьями. Голым и сбросившим кору, будто жук-короед сделал свое дело и выел сердцевину, и дерево осталось голым и белым. Петрониус повернул голову и посмотрел на себя. Он был зрителем и видел самого себя, человека-дерево с плоским лицом. Он почувствовал себя опустошенным и понял во тьме ночи, что тело его внутри пустое, как дупло. Как сосуд пороков и похоти, трактир глупцов, которые разорвали его волюнку, знамя шутов и скоморохов, которые смеялись над ним, и от их смеха оставалась только боль в мышцах. Он застыл на месте, засохшее древо познания, и знал, что это познание — не что иное, как пустая видимость и обман. Пустота сожрала его и оставила только скелет, тощий и обреченный погибнуть, как только река жизни, по которой он плыл, придет в движение.

— Петрониус!

Снова прозвучал голос, вернувший юношу к действительности. Петрониус принялся искать источник звука. Он понимал, что должен покинуть всё: дерево, которому был рад, реку, которая была его жизнью, познание, поселившееся в душе.

— Петрониус!

Подмастерье открыл глаза. Мир оказался перевернутым. Крест напротив него висел наперекосяк, секретер лежал на боку.

Позади тихо хихикнули. Чья-то рука коснулась его плеча и нежно погладила по затылку.

— Петрониус!

Художник отчетливо услышал голос позади себя. Он медленно осознал, что заснул, положив голову на письменный стол. Он поднял голову, и все стало на свои места. Лоб его был мокрым, с правой брови стекали капельки жидкости. Художник провел рукой и понял, что

испачкался чернилами. Очевидно, он заснул, когда писал. На бумаге, будто знак дьявола, образовалось большое чернильное пятно.

— Ты бредил во сне.

Петрониус обернулся; теперь он узнал голос, пробудивший его от сновидений.

— Зита!

Художник вскочил и сделал шаг в сторону Зиты. Девушка стояла перед ним в одежде монахини-доминиканки, спрятав руки в длинные рукава. Она покачала головой и указала на дверь, приложив палец к губам.

— У стен есть уши!

Петрониус не знал, какому чувству отдаться. В висках стучало. Хотелось обнять девушку, прижать ее к себе и закричать от радости.

Зита улыбнулась ему, в ее глазах тоже светилась радость встречи. Она достала из длинных рукавов платок и вытерла чернила с бровей подмастерья. Затем посадила Петрониуса на стоящий рядом стул и начала раздевать его.

— Инквизитор думает, что я в Брюгге или Генте, но я послала туда другую сестру, а сама осталась здесь. Я должна была увидеть тебя. Никто не знает обо мне, и патер Берле тоже.

Теперь улыбка исчезла с ее лица. Зита осмотрела рану под левым плечом, протерла ее мокрым платком и смазала мазью.

— Рана почти зажила. Хорошо. Удар пришелся между плечом и ребром. Это просто порез.

Петрониус наконец обрел дар речи:

— Длинный Цуидер дал мне мазь, и меня намазали ею.

Зита беззвучно засмеялась:

— Знаю. Гриит мне все рассказала. Так ты устоял перед искушением?

Петрониус с удивлением посмотрел на монахиню:

— Как хорошо ты осведомлена.

Почистив и перевязав рану, Зита опустилась перед Петрониусом на колени и помогла ему одеться.

— Ты доставил нам немало проблем. Зачем убежал от инквизитора? Настоятельница чуть не убила тебя.

Юноша едва не лишился дара речи. Нападение на него было частью плана? А если так, то какую роль в нем играл он, Петрониус?

— Я больше ничего не понимаю...

Лицо Зиты стало серьезным, она нахмурилась, глаза потемнели. Затем она опустила глаза, будто что-то искала в пыли деревянных досок. Наконец встала и подошла к окну, за которым стучал дождь и выл ветер.

— Тебя должны были убить, Петрониус, — прошептала девушка так тихо, что художник едва расслышал слова. — Ты узнал о нас слишком много. К счастью, попытка провалилась.

Зита говорила сбивчиво, глядя на стекла, по которым сбегали потоки дождя. Петрониус чуть подался вперед, чтобы лучше слышать. Неожиданно его щеки коснулся легкий ветерок.

— Вот ирония судьбы — именно патер Берле спас тебя.

— А кто хотел убить меня? Кому я мешал? — спрашивал Петрониус. — Разломанный крест был предостережением? Кто хотел меня предостеречь? От чего?

Зита заплакала. Она закусил губу и обеими руками так сильно вцепилась в подоконник, что хрустнули пальцы.

Снова легкий ветерок коснулся щеки подмастерья, так что зашевелились волоски на руке. Жестом он приказал Зите замолчать. Взгляд юноши обшаривал комнату, ища причину движения звука. Окна и двери были закрыты, сквозняк шел от стены. Взгляд художника, от которого не уйдет никакая малейшая деталь, наконец обнаружил щель между распятием и стеной. Подмастерье молча встал и подошел ближе. Пальцем сдвинул распятие и обнаружил отверстие, дыру толщиной в палец. Оттуда и шел поток воздуха.

Петрониус указал пальцем на стену, и Зита все поняла. Отверстие выходило в комнату, где патер или его шпионы могли подслушивать разговор. Зита подошла к письменному столу, пожала плечами и написала:

«Не задавай вопросов, Петрониус. В этой комнате ты в безопасности до тех пор, пока будешь писать. Ты должен все написать, непременно. Это единственная возможность покинуть город живым.»

Ее губы шептали буквы и слова. Петрониус прошептал ответ:

— Я должен узнать, Зита. Или ты пришла закончить начатое дело?

Зита замотала головой из стороны в сторону. Затем приблизилась к Петрониусу и прошептала ему на ухо:

— Я ничего не знала ни о распятии в твоей комнате, ни о смерти Питера. Я случайно подслушала, что тебя хотят убить. Поговорила с хозяйкой и пригрозила ей кисточкой, и она не нанесла тебе смертельный удар.

Петрониус поморщился. Перевязанное плечо болело.

— Ты понимаешь, о чем говоришь? — вырвалось у Петрониуса громче, чем он хотел.

Подмастерье быстро взял перо и нацарапал на бумаге:

«Тебе повезло, я знаю имя заказчика.»

Зита сразу приложила палец к губам и подошла ближе.

— Ты подозреваешь не того.

Соглядатаю должно было показаться странным, что больше не слышно принужденного разговора, что в комнате шептались и скрипело перо.

«Если я и могу еще на что-то полагаться, так это на глаза и уши. Я слышал его голос! И, падая, узнал одежду.»

Петрониус обмакнул перо в чернильницу с черными чернилами и написал на листе с большой кляксой три слова:

«Якоб ван Алмагин.»

Зита закрыла лицо руками и вздрогнула. Петрониус быстро подошел к Зите и обнял. Волосы девушки пахли тимьяном и гвоздикой.

— Я не понимаю, зачем ему. Не было никакой необходимости. Только... — Зита посмотрела в глаза Петрониусу, ища правды, — только если ты знаешь его тайну.

Она говорила громко, забыв о договоренности. Петрониус почти физически ощутил, как за стеной насторожились, чтобы не пропустить ничего из сказанного в комнате.

Теперь выводы делал Петрониус. Он торопливо нацарапал на бумаге свой вопрос:

«Откуда тебе известно, что Якобу ван Алмагину есть что скрывать?»

Художник с нетерпением ждал ответа Зиты на вопрос.

Неожиданно в комнате стало невыносимо душно, как перед грозой. В воздухе повисла тяжесть, после которой обычно сверкает молния. Петрониус с удовольствием открыл бы окно, но не желал

подходить к Зите, чтобы не нарушать возникшую атмосферу. Он хотел узнать, что известно девушке и откуда.

Зита искала взглядом глаза художника, словно проникая в его душу. Тихо, едва слышно, она произнесла:

— В конце концов, я тоже женщина.

Зита была права, только женщине Алмагин мог открыть свою тайну. Женщины узнают друг друга по типичным женским чертам в движениях, в осанке, по запахам, к которым мужчины нечувствительны.

Петрониус подошел к Зите и вместе с ней стал смотреть на крестьянскую пашню, сверкающую от дождя. Подмастерье рассказал Зите на ухо о своих трудностях.

— Меня он предупреждал, потому что знал: я не в состоянии его нарисовать. Он и мастер Босх ошибались. Я видел несоответствие в его лице, и поэтому он хотел меня устранить. И не только меня. Ян де Грот умер, потому что ему была известна тайна. Патер Иоганнес сказал: правда убивает. *Veritas extinguit*. Речь шла о раскрытии тайны этого человека. И Питер, возможно, распрощался из-за нее с жизнью. Питер знал, кто такой Якоб ван Алмагин. Откуда, мне неизвестно. Со мной все получилось так же. Проблемы с портретом, готовая картина, разговоры и мой визит в лабораторию.

Зита повернула голову и пристально посмотрела на Петрониуса. В глазах ее сверкнуло что-то похожее на ревность.

— Ты был в лаборатории?

Петрониус закрыл глаза. Он покачал головой и притянул Зиту к себе.

— Случайно, — очень тихо произнес художник. — Ученый использовал для осуществления своего плана Энрика. Мне предстояло исчезнуть со сцены, подобно Яну де Гроту. Подозрение должно было упасть на Энрика, тесно связанного с патером Берле. Он был каналом, по которому сведения уходили к инквизитору. Алмагину это было известно, и он использовал подмастерье, чтобы устранить меня. Он ведь не подозревал, что я найду дорогу через бочку.

Зита залилась румянцем. Она смущенно смотрела в пол.

В проходе перед комнатой Петрониуса зазвенела связка ключей. Послышались два голоса. Зита испуганно посмотрела на дверь и тихо и торопливо заговорила:

— Завяжи с ним разговор. Ты должен написать отчет, свою историю. Обещай мне! Знай: триптих в Оиршоте через две недели освятят.

Девушка быстро собрала платок и другие вещи и запихала в сумку. Потом натянула на глаза капюшон и стала спиной к двери. Ключ вставили в замочную скважину и повернули. Петрониус поспешно спрятал исписанные листы под испачканный лист с чернильным пятном.

— Твоего мастера отпустили, его ни в чем не смогли обвинить. У тебя могущественные покровители.

Быстрым жестом Зита провела по волосам Петрониуса. Почти одновременно дверь отворилась, и вошел патер Берле в развевающейся сутане. Зита быстро взяла сумку и выскользнула из комнаты.

— Ну, Петрониус Орис, вы хотите пожить еще?

Подмастерье вздохнул, приоткрыл рот. Он судорожно думал, что сказать, чтобы отвлечь внимание патера от Зиты, но тот уже показал на исписанную страницу с пятном. Инквизитор взял лист и стал рассматривать контуры пятна, отпечаток которого еще сохранился на лбу подмастерья. Петрониус вырвал лист из его рук, смял и бросил на пол. Он не стал избегать взгляда патера, смотревшего прямо ему в глаза и пытавшегося что-то прочесть в них.

— По крайней мере... — начал подмастерье и подавился собственной слюной, — это начало.

Патер Берле поднял бумагу, расправил и прочитал:

— Якоб ван Алмагин. Похоже, вы действительно начали.

VII

«Я, Петрониус Орис из Аугсбурга, сижу в прохладной келье в заточении, в решающий момент моей жизни и пытаюсь окоченевшими от осеннего ненастья пальцами привести в порядок смутные мысли. Когда я оглядываюсь назад, то рассматриваю свои прежние устремления в этом мире как безудержное движение в потоке времени, которое колеблется между единой и вечной верой, данной нам матерью-церковью в утешение и надежду, и между суеверием, вызываемым суестью и нерешительностью, порочностью, ослеплением и ересью, распространяемой братьями и сестрами свободного духа. Изменивший единственному Богу, проклятый вечно гореть в чистилище, в этой рукописи я каюсь и исповедуюсь, возвращаюсь в лоно церкви в надежде быть снова милостиво принятым в сообщество верующих, дабы спасти свою душу. Данными словами я подтверждаю свою волю к возвращению и излагаю причины отклонений и ереси в словах, делах, поступках и произведениях моих. Покорно прошу у тех, кто будет читать эти скучные строки, прощения в сердце и милости в душе.»

Петрониус вскрикнул и швырнул перо через всю комнату так, что брызнувшие чернила оставили на стене темные пятна.

Лицемерие и фальшь, пропитавшие эти строки, доводили юношу до безумия. Он чувствовал себя опустошенным. И даже в дневных сновидениях запутавшегося духа его преследовал своим тупым взглядом человек-дерево.

Точно медведь в клетке, ходил подмастерье от окна к окну, одной и той же дорогой, наступая на одни и те же следы, поворачивался на одном и том же месте. Ни о Зите, ни об инквизиторе он ничего не слышал, хотя прошло уже десять дней. И мастер Босх не навестил его. А Якоб ван Алмагин, судя по всему, сидел в тюрьме, закованный в кандалы.

Плечо художника уже зажило. Его исповедь лежала стопкой бумаги на письменном столе. Казалось, никто ею не интересуется. Листы лежали, как Петрониус сложил их, нетронутые, склеившиеся от чернил. Юноше регулярно приносили еду и нужник. Последние

строки, своего рода введение, в котором он описывал ситуацию с арестом и таким образом исполнял свой долг, оправдываясь за написанное, еще не были готовы. И именно поэтому художник отчетливо осознавал ложь и видимость благополучия своего положения. Внутри кипела ярость, и Петрониус с удовольствием разнес бы все в этой комнате в пух и прах.

Последнее время ветер все чаще приносил в его келью запах паленого мяса и крики умирающих на костре. В такие минуты Петрониус поднимал глаза от рукописи и радовался, что не ощущает пламя костра на собственной шкуре.

Обхватив руками голову, подмастерье ждал, когда принесут еду. В желудке урчало. Петрониус прислушивался к движению за дверью, звону ключей, скрипу металлического замка, шепоту и беготне, кашлю, шарканью ног мужчин и женщин. Вдруг раздались крики, громкие приказы, несколько пар сапог прогрохотали по лестнице, заскрипели половицы. С шумом отворилась дверь комнаты Петрониуса, и поток воздуха подхватил листок бумаги со стола. Запах оружейного масла и грязной кожи смешался с затхлым воздухом кельи. Петрониус продолжал сидеть, не оборачиваясь.

— Петрониус Орис? — выкрикнул человек. Художник обернулся. Перед ним стоял палач со своими подручными; лица в черных масках были скрыты под черными капюшонами, виднелись одни лишь глаза. Каждый держал в руке меч.

— Да, — сказал Петрониус.

Все, конец!

— Ступайте с нами!

Художник почувствовал, как защекотало в горле, закашлялся и спросил:

— Куда?

Палач молча махнул рукой в кожаной перчатке. Двое помощников, опустив мечи, взяли Петрониуса под руки и подтолкнули вперед так, что он споткнулся на пороге и должен был схватиться за дверной косяк, чтобы не упасть. Петрониус не знал, радоваться ли окончанию своих мук и устремлений теперь, когда он уже выпал из колеи событий этого мира, или сожалеть, что не завершил историю своей жизни, хотя она и была такой лживой.

Они прошли по коридору к лестнице и спустились вниз. Петрониус думал, что их путь пройдет через улицу за городские стены, где в течение последних недель не остывало кострище. Однако палач постучал в дверь, расположенную в стороне от лестницы. Темная дверь отворилась, и они вошли внутрь.

На грязных, ободранных стенах висели лучины, свет которых тускло освещал ведущую вниз лестницу. В пересохшем горле художника запершило, и он закашлялся. В проходе пахло сыростью и плесенью. Снизу доносился сладковатый запах, Петрониус с ужасом узнал его — запах крови. Перед ним вышагивали палач и двое его подручных, позади еще двое завершали процессию, закрывая путь к отступлению. Подмастерье насчитал тридцать пять ступенек, пока они не дошли до помещения, где кончалась лестница. Раздался хриплый голос:

— Где эта собака?

У Петрониуса подкосились ноги, когда он увидел, кто произносит эти слова. Патер Берле!

— Вы удивлены, мастер всезнайка и плут? Думали, меня можно провести? Меня!.. Одно вы должны запомнить навсегда, дорогой Петрониус Орис. У меня повсюду глаза, и мои уши слышат разговоры даже за самыми толстыми стенами. Поэтому бессмысленно разыгрывать здесь комедию.

Глаза Петрониуса постепенно привыкали к красноватой темноте подвала. Патер Берле стоял в нескольких шагах от него, прислонившись к колонне, которая возвышалась посередине комнаты и поддерживала своды. То, что художник увидел в отблесках матового света, заморозило кровь в жилах. Скамейка для растяжки, подъемные механизмы дыбы, маски, железо, таз с раскаленными углями, испанский сапог, щипцы и плетки всех видов.

— Оглянитесь, художник. Для любой правды здесь найдется инструмент. Отвечайте на мои вопросы по чести и совести. Если запнетесь или солжете, вами займется палач. Вы поняли?

Петрониус кивнул. В красноватом блеске пылающего горна инструменты казались подмастерью демонами пыток, которые собрались вокруг, чтобы приветствовать его перед воротами ада. По заостренному лицу инквизитора пробежала тень, нос вырисовывался остро, как клюв хищной птицы. Перед глазами Петрониуса

разыгрывалась настоящая сцена ада, в его тело проникала тьма, которую он уже пережил однажды, когда горел дом его бабушки и дедушки и он не мог пройти сквозь стену пламени до порога. Тогда мальчика схватил отец и выбросил наружу, прежде чем смог перепрыгнуть сам. Но ощущение потери самого себя отпечаталось в душе Петрониуса и теперь с новой силой охватило его.

Дыхание художника участилось, зрачки застыли. Глядя на инквизитора, он растянулся бы на каменном полу, если бы один из помощников палача не удержал его за руку.

— Уже страшно, художник? Слишком рано! Сначала ответьте на мои вопросы. Вы говорили с Зитой?

Итак, их подслушивали. Поток воздуха за стеной и дыра за распятием не обманули его.

— Нет, — выдавил подмастерье.

— Вы отрицаете, что видели сестру Хильтрут?

Петрониус кивнул. Пот стекал с лица, туманя взгляд.

Он не мог видеть, как патер воспринимает его ложь.

— Где картина, которую тайно нарисовал ваш мастер?

— Мне известно только, что ее увезли, — последовал быстрый ответ.

Священник должен был знать, что Петрониус говорит правду.

— Где скрывается Якоб ван Алмагин?

Вопросы вонзались, как иголки, они означали, что ученый ушел безнаказанным. В своей рукописи подмастерье еще не упомянул Алмагина.

— Отвечайте, Петрониус Орис, или испытаете, что такое щипцы.

— Я не знаю. Я не встречал его в течение нескольких дней до моего ареста.

— Что изображено на картине, которую нарисовал мастер Босх?

— Не имею понятия, он никогда не показывал мне ее.

Задавая последний вопрос, инквизитор подошел вплотную к подмастерью и теперь изучал его лицо. Затем он отвернулся, скрестил руки на груди, словно хищник, сложивший крылья. Со зловещим спокойствием в голосе патер заявил:

— Вы лжете, Петрониус Орис! Лжете! Лжете! Вы забыли, что я приказал написать обо всем, что происходило в доме мастера Босха. Вы пренебрегли своим поручением и будете наказаны. И сейчас вы

пытаетесь уклониться от ответа, в то время как я терпеливо и по-дружески напоминаю вам о вашем обещании.

В глазах Берле зажегся опасный огонек. Инквизитор указал на инструменты пыток, висевшие на стене, и проговорил:

— Палач знает свое дело. Чтобы выяснить правду в необычное время, нужно прибегать к необычным средствам. Привяжите его!

Сообщники палача железной хваткой сгребли художника за руки и потащили к скамье, к верхнему и нижнему концам которой были привязаны кожаные ремни. Они засунули его конечности в петли и затянули их. Меж тем палач снял со стены два куска железа и держал их в правой руке над горном, а левой накачивал воздух в мехи, чтобы разжечь пламя.

— Где картина, еще раз спрашиваю вас? — увещевал Петрониуса инквизитор.

— Я не закончил рукопись. Я ничего не знаю о картине.

— Вы запираетесь, Орис, но железо откроет вам рот. Палач подошел ближе и указал на раскаленные прутья, сложенные буквой «Л»:

— Вам выжгут сейчас букву «Л», что означает «лжец», на руке, художник. После этого мы снова побеседуем.

Рот открылся сам собой, и у Петрониуса вырвался протяжный крик, когда палач, для которого все это было обычной, рутинной работой, приложил раскаленное железо к внутренней поверхности левой руки. На глаза художника опустилась пелена, от боли перехватило дыхание, запах паленого мяса сжимал горло.

Затем палач подошел вновь, держа в руке новый раскаленный инструмент. По сигналу инквизитора он опустил его и провел по правому предплечью. Петрониус вскрикнул и погрузился в черную ночь небытия.

— Я ничего не знаю, — прошептал юноша, проваливаясь в леденящую душу тьму ада.

VIII

— Что они сделали с тобой?

Петрониус лежал на голых досках. Руки были подняты вверх, чтобы раны подсыхали. Ожоги горели, будто их натерли перцем. Над ним на коленях стояла монахиня, лицо которой было трудно различить под надвинутым на глаза капюшоном. Петрониус снова лежал в своей комнате на полу, закутанный в одеяло, что немного удерживало холод, идущий снизу. Он боли подмастерье едва не терял рассудок. Нежными движениями монахиня втирала мазь в раны. Каждое движение отдавалось в мозгу, выключая сознание.

— Петрониус, ты меня слышишь?

Художник пробудился от полузабытья и прислушался. Чей это голос?

— Петрониус, ты очнулся?

Теперь юноша узнал голос и открыл глаза. Их взгляды встретились. Зита улыбнулась.

— Ты с ума сошла? Зачем пришла сюда? — простонал он. Лицо Зиты стало серьезным.

— Он не может быть везде, а мы должны ухаживать за тобой. Сейчас он на допросе. — Девушка помолчала. — Ты вовремя впал в забытие, иначе они превратили бы тебя в кусок мяса. Тот, кто находится в бессознательном состоянии, не может отвечать на вопросы.

Петрониус кивнул, хотя понял лишь часть сказанного. Он хотел спать, ничего больше, только спать. Если бы не адская боль...

— Ты в силах идти?

Вопрос Зиты звучал настойчиво, и Петрониус постарался сосредоточиться на нем, удерживая открытыми глаза, которые упорно закрывались.

— Не знаю, — пробормотал он. — Помоги, пожалуйста, встать.

Зита подхватила юношу под руки и помогла подняться на ноги.

— Петрониус, — прошептала она ему в ухо, — соберись с силами. Нельзя позволить им снова отправить тебя в тюрьму. Это будет означать смерть. Надо уходить отсюда. Непременно. За

последние дни я узнала путь, которым можно уйти из города. Мне надо знать, сумеешь ли ты идти.

Петрониус тяжело дышал. Он облизал губы языком, который, казалось, увеличился вдвое. Клейкая слюна повисла на сухой, потрескавшейся коже. Боль в руках отзывалась в голове так, что становилось дурно. Дважды комок подступал к горлу. Во рту стояла горечь. Нужно бежать из этой кельи, из этого дома. Второго допроса он не выдержит.

— Пошли же! — выпалил он и поплелся к двери. — Давай.

— Подожди! — воскликнула Зита. — Мы должны подготовиться.

Она провела Петрониуса к стулу, усадила и проследила, чтобы он не упал. Затем поспешила к двери и постучала. В появившуюся щель Зита прошептала несколько слов и затем повернулась к Петрониусу:

— Сейчас придет сестра Конкордия.

Едва Зита произнесла эти слова, как заскрипела дверь и вошла сестра. Петрониус не отрываясь смотрел на крышку стола. Ему было все равно, сколько сестер в комнате, лишь бы они не оставляли его одного.

— У вас есть одежда?

Сестра Конкордия кивнула, достала из-под просторного одеяния еще одно и протянула художнику. Зита осторожно накинула сутану на Петрониуса. Тот не сопротивлялся.

— Рукопись, — прошептал он слабым голосом, когда его взгляд упал на стопку бумаги на столе. — Взять рукопись.

Но ни Зиту, ни Конкордию не волновало его желание. Петрониус неловко потянулся к столу.

— Быстро! Сестра Конкордия останется здесь вместо тебя. Она моя должница. С ней ничего не случится. А теперь не волнуйся и предоставь все мне.

Зита снова постучала в дверь, а монахиня растянулась на полу и притворилась спящей. Доминиканец, стоявший на посту в коридоре, открыл дверь, осмотрел их и пропустил. Близорукий старик поднял руку вверх и благословил их. Насколько Петрониус мог судить сквозь боль и страх, путь вел вниз по лестнице, но они повернули не налево, а направо и скользнули за каменный парапет спуска. Оттуда узкий проход вел к двери, через которую беглецы попали на улицу Куде-

Дизе, среднюю из водных артерий, пронизывающих Ден-Бос. В нос ударил запах соленой воды и гниющих растений.

Зита поторапливала Петрониуса. Она втащила его на мостик и взяла одну из привязанных лодок. Деревянная конструкция, державшаяся на пустых бочках, раскачивалась на воде так, что Петрониус, споткнувшись, упал прямо в плоскодонку. Ловким движением Зита набросила на юношу покрывало и оттолкнулась от берега шестом. Затем воткнула шест в болотистое дно и без напряжения пробежала вдоль борта лодки. Девушка толкала лодку перед собой, потом в последний момент вытащила шест и поспешила в носовую часть. От волн подмастерье впал в состояние между сном и бодрствованием.

Петрониуса переполняли мысли. Легкость, с которой им удалось вырваться из дома инквизитора, отсутствие охраны и случайных встреч казались ему странными. И почему его принесли назад в комнату? Разве палач не должен ждать, пока жертва очнется, чтобы продолжить пытки? Вопросы ускользали из сознания подмастерья, но он пытался понять их, когда пробуждался от беспокойного сна.

Петрониус почувствовал, как после бесконечной качки Длинный Цуидер и кто-то еще помогли вытащить его из лодки, положили между канатами и тюками и переодели.

На измученного юношу набросили брезент, потому что начался дождь, который вскоре полил потоками. Прохладная сырость облегчала боль, но вместе с холодом началась лихорадка — художника трясло, он стучал зубами. Петрониус даже не почувствовал, как Зита легла рядом и укутала его своим шерстяным плащом. Позже он ощутил тепло девушки, ее дыхание у себя на затылке.

— Наверное, это неправильно, — прошептала она ему на ухо, — но я люблю тебя. Давай уедем из этого города, от этой картины, куда-нибудь. Ты талантливый художник и везде найдешь работу у мастера, который позаботится о твоём содержании. Я буду тебя сопровождать. — Произнося эти слова, Зита ближе прижалась к юноше и обняла его. — Если ты возьмешь меня с собой...

В этот миг над головами беглецов раздались крики, прошлепали босые ноги. В воздухе просвистели канаты и глухо ударились о землю. Петрониус услышал шум большого судна, снимающегося с якоря. Один из матросов затянул песню, и команда сразу же подхватила

припев, который звучал грубо и фальшиво, но был таким реальным и живым в холодном воздухе. Матросы пели старую брабантскую песню о черной воде каналов и бесконечных болотах, о ветре и жертвах старым и живущим ныне богам.

В сознании Петрониуса вновь возник человек-дерево, чья лодка плыла по черной воде каналов. Рядом с ним в спешке скользили фигуры на коньках, хорошо знающие эту ледяную поверхность, голые, однако не чувствовавшие холода и ледяного ветра.

Он смутно услышал из-под брезента, как городская таможня ненадолго остановила лодку, как открылся шлюз, освободив путь из порта в море. Только когда судно от удара ветра в натянутые паруса накренилось на бок, Петрониус отбросил брезент. Перед ними расстилалась равнина Брабанта, ведущая в Утрехт. За спиной остались недостроенные башни собора Святого Иоанна. Они покидали Хертогенбос.

— Ты возьмешь меня с собой? — снова прозвучал вопрос. Петрониус обернулся и только сейчас заметил, что Зита сменила монашескую одежду на простое платье. От ее волос пахло тимьяном.

Художник закрыл глаза.

— Если ты опять не станешь монахиней.

IX

Убедившись, что на дороге нет людей, Петрониус повернул направо.

— Туда! — решил он и потащил Зиту, не дожидаясь ее согласия.

Дождь промочил их насквозь. Волосы и одежда прилипли к телу Петрониуса, а Зита напоминала ему голое дерево. Даже лицо девушки словно размылось и опухло от дождя. Луг перед ними весь утопал в воде, только несколько островков с травой торчали из этого моря. Петрониус с Зитой прыгали с кочки на кочку, добираясь до единственного возвышения, которое казалось сухим среди океана дождя. На четвереньках они ползли под лиственной крышей небольшой березовой рощи, пока Петрониус не убедился, что их не видно с дороги.

— Зачем нам сюда, Петрониус? Мы должны как можно быстрее добраться до Оиршота.

— Мне нужны чувства!

Воздух будто стал стеклянной водяной стеной, сквозь которую сверкала яркая молодая зелень. Мягкие гребешки травы в этом зеленом озере напоминали застывшие морские волны. В некоторых местах земля немного возвышалась, и холмики поросли редкими деревцами. В низинах рос камыш в человеческий рост, с черно-желтыми головками. Поднимался серый туман, будто земля и вода кипели.

Петрониус подставил руки дождю — холод благотворно действовал на него. Он смотрел на дорогу и залитые водой луга. Внезапно юношу охватила невероятная усталость.

— Ты не находишь, что все прошло удивительно гладко?

Вопрос Петрониуса повис в воздухе, как капли дождя на листьях березы.

— Ты о чем?

— Представь себе, что ты хочешь узнать, где спрятана картина. Я не говорю тебе. Ты предполагаешь, что я буду искать это место, когда окажусь на свободе. Что ты сделаешь, Зита?

Зита убрала волосы с лица, по которому постоянно стекали струйки дождя.

— Я дам тебе убежать и последую за тобой.

Петрониус закусил губу.

— Точно.

Они замолчали. Зита, дрожа от холода, прижалась к Петрониусу. Он обнял ее, насколько позволяли больные руки. Холод смягчал боль.

— Если нас преследуют, то должны пройти здесь, мимо нас.

Беглецам не пришлось долго ждать. Под темными сводами деревьев появился всадник. По фигуре было видно, что он разглядывает землю. Конь шел спокойно. На всаднике был тяжелый фетровый плащ, похожий на остроконечную палатку. Грива коня прилипла к шее.

— Вот он, — прошептал Петрониус.

— Разве мы оставили следы?

— Вероятно, опытному глазу они видны даже в дождь. Смотри, он идет прямо по пятам.

Преследователь слез с коня в том месте, где они свернули с дороги, присел на корточки и ошупал землю. Затем выпрямился и огляделся. Незнакомец смотрел в их направлении; казалось, его взгляд проникает сквозь заросли. Неожиданно он поднял правую руку и помахал:

— Зита, Петрониус!

Художник замер — их обнаружили. Зита встала первая и раздвинула заросли с улыбкой, которая очень удивила Петрониуса.

— Длинный Цуидер! — закричала она.

Неохотно выбираясь из укрытия, художник не верил своим глазам. Нищий на коне, в перчатках? Один только конь стоит больше, чем Цуидер мог заработать за все время своего пребывания в Ден-Босе.

Цуидер ждал их у обочины дороги. Его ухмылку было видно за десять шагов.

— Я так и знал, что смогу найти вас. Вы оставляете следы. Даже слепой обнаружит их своей палкой.

Петрониус посмотрел на коня, затем на одежду нищего. Из-под фетрового плаща торчат кожаные сапоги, на руках мягкие кожаные перчатки, камзол, как и конская сбруя, отделан металлом.

— Откуда у тебя эти вещи, Цуидер?

Вопрос прозвучал резко, и нищий озадаченно посмотрел на художника:

— Ты мне не доверяешь?

— Я ждал, что патер пошлет за нами шпиона.

Длинный Цуидер поперхнулся, затем понимающе покачал головой:

— Верное предположение. Иначе как нищий вроде меня добудет такую одежду? Но объяснение простое. Я помог вам сесть на корабль. Когда спускался на берег, то заметил парня. Он смотрел на борт судна, будто выискивая что-то. У меня зародилось подозрение, что это шпион, и я остался на ночь поблизости. Когда корабль отплыл, парень отправился за вами, но наткнулся на мою палку.

Произнося последние слова, нищий так махнул палкой, что она засвистела в воздухе.

— Кроме того, жизнь в Ден-Босе становится опасной. Патер Берле снова отдал приказ об аресте адамитов.

Петрониус помрачнел. Не обращая внимания, идут ли за ним Цуидер с Зитой, он направился в сторону Оиршота.

Тяжелые капли, падавшие с деревьев, били юношу по лицу. Во что он впутался? Безумцы приносят в жертву людей только потому, что те думают иначе и имеют другие представления о вере, проводят мессы, соблюдая собственный ритуал. И при этом все верят в одного Бога, в одно избавление, в один рай. И адамиты, и патер Берле.

Петрониус услышал позади стук копыт. Его нагонял Длинный Цуидер.

— Я ухожу. Брюгге и Гент — более свободные города, в них меньше власть католиков. Там не сжигают нищих только за то, что они сидят с протянутой рукой. Пойдемте со мной!

Петрониус обернулся. Зита по-прежнему казалась мокрой и размытой, а нищий снова облачился в свой фетровый плащ.

— У нас есть еще дела. Мы должны...

Страх комом встал у него в горле. Зита стояла перед художником в промокшей одежде, в одном льняном платье. Петрониус с самого момента побега не вспомнил о рукописи. Ни у него, ни у Зиты не было сумки, куда ее можно было спрятать.

— Зита! — с ужасом вымолвил он. — Рукопись! Где я оставил ее?

Зита улыбнулась. Вода стекала по ее лицу, на ресницах висели капли.

— Я не забыла о ней, Петрониус. Опасно держать рукопись при себе. Требовался не вызывающий подозрения посыльный, который понесет нашу рукопись. Мы должны были встретиться только в Оиршоте.

Цуидер ухмыльнулся и похлопал рукой по плащу.

Хруст веток заставил Петрониуса вздрогнуть. Они стояли недалеко от развилки дорог, ведущих в Ниимвеген. Напротив зеленела рощица, где беглецы только что скрывались.

— У леса есть уши, а у поля — глаза. На дорогах слишком много сброда и ищеек инквизитора.

Петрониус жестом потребовал отдать рукопись. Медленно, словно не желая расставаться с сокровищем, нищий распахнул плащ, снял с плеча сумку и протянул ее.

Художник пожал плечами, повесил сумку на шею и отвернулся. Затем опомнился, снова обернулся и протянул нищему руку:

— Спасибо. И удачи!

Длинный Цуидер ответил на рукопожатие. Зита подарила ему улыбку, а нищий подмигнул ей в ответ. Цуидер мгновенно вскочил на коня и двинулся к перекрестку. Он поспешил в Ниимвеген.

В кустарнике снова затрещали сучья. Петрониус схватил Зиту за локоть и потянул за собой. Сумка билась о бедро. Уже на перекрестке дорогу им преградил человек удивительнейшей наружности. Седые волосы свисали на лицо, войлочной маской приклеились к носу, и только глаза были хорошо видны. Темная, пропитанная водой одежда висела на незнакомце балахоном. То ли она была слишком широкой, то ли тело — очень худым. На пальцах левой руки виднелись следы пыток. Кости срослись неправильно, ногти были сорваны.

Петрониус невольно отступил на шаг, притянул к себе Зиту и сжал сумку. Он осторожно оглядывался в поисках палки. Ничего.

— Стойте!

— Если бы мы шли быстрее... — пробормотал художник, отпуская руку Зиты. — Беги налево, через поле.

X

— Картина там!

— Одни мы ее не нашли бы, Майнхард.

Петрониус оглянулся.

— Значит, в качестве проводника я оказался вам полезен, — ответил тот и, кряхтя, открыл дубовую дверь церкви Святого Петра.

Над рыночной площадью висел густой туман, на равнину перед городом опускалась ночь.

Итак, вместо разбойника Петрониус встретил считавшегося мертвым возницу Майнхарда. Он не сразу узнал на заросшем лице живые глаза Майнхарда, а когда-то полное тело возницы из Аахена стало тощим как палка.

Петрониус, как безумный, танцевал вокруг Майнхарда, пока не выдохся.

— Я думал, ты умер!

— Так решил и собака инквизитор. Но чтобы отправить Майнхарда из Аахена в ад, понадобится не пара святых монахов, хотя я едва не задохнулся под грудой одежды. Мастер Босх вернул меня к жизни. У вашего мастера золотые руки, и ему ведомы всякого рода методы врачевания. А теперь он послал меня показать вам дорогу.

— Он ждет нас?!

Петрониус повернулся к Зите и сквозь потоки дождя смотрел на нее. Она кивнула и опустила голову.

— Это я рассказала мастеру Босху.

— А как дела у стариков, Майнхард?

— Женщина чувствует себя хорошо, а вот фресочник умирает. Его единственным утешением является то, что он увез картину из города. Охрана поверила басне о заразной болезни. Бедняга жалко выглядел, когда приехал сюда.

Всю дорогу до Оиршота они обменивались впечатлениями о произошедших событиях. Мастер Босх спрятал Майнхарда в своем имении в Оиршоте, там возница отдохнул и подлечился. Только левая рука так и осталась изуродованной. Возница встретил картину за стенами города и доставил ее в Оиршот. Иероним Босх пошел

навстречу желанию Майнхарда сопровождать Зиту и Петрониуса и, если потребуется, защитить их.

Они вошли в собор, величественно возвышавшийся в центре города. Петрониус осмотрел огромную площадь перед собором, которую окружали хилые дома, что пригибались под тенью собора, будто он не только излучал великолепие, но и наводил страх и ужас. Чем темнее становилось на улице, тем более угрожающим казался вид церкви на фоне неба в потоках дождя. Башня напоминала падающего на город сокола.

Путники прошли ворота — охране Майнхард сказал, что это гости Иеронима Босха. Очевидно, у Босха в этом городе была хорошая репутация.

Чернота наступающей ночи окутала собор. Перед алтарем горел огонь, бросая красноватые отблески на Петрониуса, Зиту и Майнхарда. Петрониус и Зита дрожали от холода, но художник настоял, чтобы их прежде всего отвели к триптиху.

— Где он, Майнхард?

— Перед алтарем. Идите, я подожду здесь.

Петрониус потащил Зиту через пустую церковь. Каждый шаг отдавался эхом. Капли с одежды разлетались по полу и стенам. Черные призраки наступали на них с настенных картин.

На мольберте стоял триптих.

— Нам нужен свет! — прошептал Петрониус.

Почти на ощупь они пробирались к картине, загадочно блестящей в темноте. Зита пробежала вперед, ощупывая ниши в стенах; художник ждал и нетерпеливо смотрел на картину.

— Вот свечи! — радостно воскликнула Зита и протянула одну свечу Петрониусу. — Можно зажечь от лампы.

Петрониус, спотыкаясь, прошел к единственному источнику света в помещении и дрожащей рукой поднес фитиль к пламени.

— Если огонь горит ночью особенно ярко, значит, к покойнику, — изрекла Зита, когда заметила вспыхнувшее пламя свечи.

— Ты веришь в этот бред?

Зита не ответила на вопрос и зажгла свою свечу. Затем оба подошли к картине. Пламя беспокойно подрагивало.

Из тьмы появилась фигура: бледный человек-дерево, ноги на лодках, несущихся по замерзшему пруду.

Петрониус вскрикнул, опустился на пол и выронил свечу.

— Что с тобой?

Подмастерье сидел на полу, обхватив голову руками, будто ударился. Зита посветила на правую часть картины и увидела там человека-дерево, чье лицо было похоже на лицо Якоба ван Алмагина, не считая взгляда, мрачного и темного.

— Ты боишься картины?

— Не картины, а своих снов, Зита!

Петрониус медленно поднялся, поднес свечу и осветил часть триптиха сверху вниз и обратно.

— Вот уже несколько дней я вижу во сне образ человека-дерева. Я просыпаюсь ночью весь в поту, потому что перемещаюсь в тело этого существа; ворочаюсь, боюсь закрыть глаза и увидеть его снова. Я еще ни разу не видел этой картины. Никогда, Зита. Почему во сне ко мне приходит то, что нарисовано здесь?

Зита перевела взгляд с картины на Петрониуса. Даже в мерцании свечи она поняла, что у него лихорадка.

Юноша пристально смотрел на картину и беззвучно шевелил губами.

— Бог мой, Зита, это больше чем изображение ада. Мастер Босх показал нам Апокалипсис, пожар миров. Ты только посмотри на небо!

Художник осветил верхний край триптиха. В мерцающем свете свечи картина будто ожила. Горящие строения на заднем плане были как настоящие. Пламя колебалось на горизонте, погрузившемся в красновато-голубой свет. Посреди этого адского огня шевелились люди: они несли шести, взбирались по лестницам, пытались спастись, или, смирившись, ждали последних минут, пока жар и огонь не смилостивятся над ними. Сквозь пустые глазницы руин на озеро перед городом падал резкий свет, и вода отражала красноватое сияние. А пока город горел, армии опустошали страну, сметая все на своем пути.

— Содом и Гоморра! — отважилась прошептать Зита, не выпуская из виду Петрониуса. Юноша слегка пошатывался.

От изображенного на картине у девушки перехватило дыхание, по телу побежали мурашки, однако она встряхнулась, пытаясь побороть неприятное чувство.

— Весь мир скатывается в пропасть, — произнес Петрониус хрипло, — и огонь исходит из самой земли, а вода... вода тоже

загорелась и пылает. А ветряная мельница? Видишь ее, Зита? Лопастей уже нет. Воздух превратился в горячее дыхание. Огонь пожирает все. Город погружается в пылающее дыхание жары, превращаясь в пыль и пепел. Огонь поймал все четыре элемента и уничтожил их. Что будет потом?

У Петрониуса подкосились ноги, но Зита поддержала его. Юноша тяжело дышал, хрипел и с трудом произносил слова:

— Босх нарисовал мои кошмары, Зита! Ты понимаешь, мои кошмары, не свои! Как он узнал о моих кошмарах, как?

Звонкий смех, огласивший церковь, заставил Зиту и Петрониуса обернуться.

— Кто это? — спросил Петрониус.

Он дрожал, все его чувства обострились до предела. Холод, дождь, лихорадка, образы картины слились в мозгу в один сплошной туман. Смех раздался снова, эхом отражаясь от мощных стен. Сначала Петрониус подумал о видениях смятенного духа. Может, смеялся он сам и спутал свой голос с чужим?

— Черт! — вскрикнула Зита и прижалась к Петрониусу.

— Черт может застать везде, но не станет смеяться над нами, — прошептал Петрониус, пытаясь взять себя в руки и отыскать источник смеха.

Акустика собора пугала его.

— Кто бы ты ни был, выйди и покажись!

— Вы разрабатываете новую теологию, Петрониус Орис, или снова напали на след тайны? Вы не узнаете меня, вашу совесть?

Петрониус закрыл глаза, чтобы узнать искажаемый эхом голос. Зита подняла голову и тоже прислушалась. Неожиданно Петрониус понял.

— Якоб ван Алмагин!

— Да, — прошептала Зита, — это меестер!

— Вы осмотрели картину, Петрониус Орис? Вы видели Апокалипсис? Конец света. И в воздухе будет летать птица, огромная, как город, и огонь будет идти дождем, пока не сгорит земля и не высохнет вода, пока воздух не сгорит и пламя не уничтожит оставшихся людей.

Петрониус отпустил Зиту и повернулся, не открывая глаз. Он хотел определить, где находится Алмагин, связать голос с телом, но не

смог установить, откуда шел звук. Казалось, ученый летал по церкви, произнося каждое слово в разных местах. Как художник ни старался сосредоточиться, он не смог различить шагов.

Охрипшим голосом он выкрикнул в темноту:

— Что вам нужно от нас? Исчезните из нашей жизни, Якоб ван Алмагин. Нам больше нечего сказать!

Снова раздался смех — еще выше, еще резче, чем в первый раз.

— Не будьте таким примитивным, Петрониус. Нам еще надо поговорить. Я хотел бы узнать, давит ли на вас кошмар, видите ли вы меня во сне — человека-дерева, который был для вас сосудом и оболочку которого вы хотите стряхнуть с себя?

Петрониус закашлялся и упал на пол. Зита не удержала его. Ноги и руки художника горели, лицо, казалось, вздулось от жара. Он дрожал как осиновый лист. Юноша хватал воздух ртом, пытаясь собраться с мыслями, но они ускользали от него. Воск свечи, которую он все еще держал в руке, капал на пол. Перед внутренним взором Петрониуса возник образ человека-дерева.

— Ваше лицо, — пробормотал он упрямо. — Ваше лицо! — закричал юноша, пытаясь перекрыть свое эхо. — Это ваше лицо!

В воображении вдруг всплыла сцена рая и слилась с изображением человека-дерева. Петрониус умер и стал дуплом. Казалось, пришло его время, настал его час, как у дубов, которые погибают, выеденные грибком.

— Хотите узнать, почему у вас перед глазами стоят кошмары ада? Вы не поверите!

Петрониус закашлялся. Вязкая мокрота застряла в грудной клетке и никак не хотела выходить.

— Вы играли моими страхами, меестер Якоб.

— Не вашими страхами, нет. Вашими кошмарами. Они помогли нам больше, чем Ян де Грот. Он был ничтожным существом по сравнению с вами, негодным медиумом.

— Вы дьявол! — из последних сил выкрикнул Петрониус в пустоту, и слова эхом отразились от стен.

Звонкий смех заглушил крик. Подмастерье вспомнил о крюках в стене перед его окном, которые обнаружил нищий. Якоб ван Алмагин поднимался туда и обрабатывал юношу своей мазью, как и мастера

Босха! Но почему он не просыпался? Может, ему добавляли в пиво или другое питье порошок? Разве ученый не говорил о ядах?

Жар делал мысли неясными и сбивчивыми, но из многих деталей складывалась совсем иная картина.

— ы несправедливы к себе, Петрониус Орис. Вы внесли большой вклад в это произведение. Вы — духовный творец створки ада! Вы должны гордиться.

— И сдохнуть от этого! — прокашлял в ответ художник. Зита явно потеряла терпение. Она схватила Петрониуса и потащила к выходу.

— Майнхард, Майнхард! — позвала девушка, и возница тотчас же вышел из тьмы.

Он сразу все понял, взвалил горящего от жара художника на плечо и вышел из собора. Шел сильный дождь, и все трое мгновенно замерзли. Зита убрала со лба Петрониуса волосы. Немного позже они уже стояли во дворе имения Босха. Майнхард вошел через деревянные ворота во внут ренний двор, с трех сторон окруженный постройками. Только в окне второго этажа мерцал огонь — остальные окна казались мертвыми. Даже собаки не лаяли, хотя в городе они встречались на каждом шагу. Зита дрожала всем телом. Майнхард направился к двери в боковом флигеле и постучал. От дыхания шел белый пар. Прежде чем дверь открылась, Петрониус вскрикнул, его тело выгнулось в судорогах. Майнхард придержал его, не давая упасть.

— Конец! Конец! — ревел Петрониус.

Дверь отворилась, и все трое исчезли в темноте дома.

XI

Петрониус открыл глаза и сразу с облегчением вздохнул. Кто-то гладил его по лбу. Он увидел голубые глаза на белом как молоко лице. На голове шапочка. Женщина. Она заметила, что Петрониус очнулся, улыбнулась и опустила руку.

— Наконец-то вы проснулись. Мы уже думали, что с вы ушли от нас.

Воспоминания возвращались медленно. Оиршот, Майнхард, церковь Святого Петра, голос Алмагина, Зита, внутренний двор...

— Я в имении мастера Босха? — произнес Петрониус и обвел взглядом комнату.

Он накрыт белыми простынями, над ним желтый потолок. Сквозь открытое окно проникает прохладный воздух. В комнате кровать с балдахинном, на которой и лежит Петрониус. А перед ним сидит красавица.

— Вы разговаривали во сне, — произнесла женщина, но Петрониус не обратил на это внимания.

Ее голубые глаза успокаивали. На лице сияла улыбка. Петрониусу понравились волоски над верхней губой и на щеке, оттенявшие нежность кожи. Женщина спокойно позволила ему рассмотреть себя, слегка приподняв брови, отчего в лице появилась некоторая хитринка.

— Надеюсь, я говорил о вас, — ответил Петрониус. — Кто вы, госпожа?

— Вы очень любопытны. Значит, вам не так уж и плохо.

— Я хотел бы узнать, чья рука успокаивала меня.

Женщина снова улыбнулась, она излучала уверенность и спокойствие. Петрониус закрыл глаза, прислушиваясь к ее голосу.

— Вы убедили меня, Петрониус Орис. Меня зовут Алейт Гойартс ван дер Меервенне.

Петрониус широко открыл глаза. В одно мгновение эта женщина стала недосягаемой. Дочь досточтимого рода города Ден-Боса. Хотя Петрониус никогда не видел ее во время своего пребывания в доме мастера Босха, говорили о ней постоянно.

— Госпожа! Вы жена моего мастера!

— Успокойтесь. С тех пор как доминиканцы стали укреплять свое присутствие в Хертогенбосе, я перебралась сюда, в Оиршот. Я сидела рядом с вами, потому что Зита ушла отдохнуть. Она не отходила от вас три дня, и я отослала ее в постель. Лихорадка у вас спала, и раны на плече постепенно заживают.

Петрониус сразу почувствовал боль в предплечье. Руки казались чужими.

— Лежите спокойно. Мы привязали ваши руки, иначе вы бы себя исцарапали.

Петрониус расслабился, но теперь чувствовал ремни, которые не давали ему двигаться.

— Надеюсь, я не говорил ничего такого, что могло вам не понравиться?

Раздался сдержанный смех. Женщина притронулась рукой ко лбу Петрониуса.

— Вы очень разговорчивы. — Еще один короткий смешок, будто мыльный пузырь лопнул в воздухе. — Зита иногда очень смущалась.

Петрониус почувствовал, что его лицо залилось краской, но Алейт улыбалась.

— Для замужней женщины очень увлекательно. — Алейт встала и повернулась к двери. — Я обещала Иерониму сходить за ним, как только вы проснетесь. Кроме того, вам нужен хороший бульон, чтобы подкрепить силы.

Дверь со скрипом закрылась, и Петрониус остался один. Что он выболтал? Где Якоб ван Алмагин? Какую роль играл меестер в создании триптиха? Но прежде всего юношу волновала собственная роль в третьей части, которую он раньше никогда не видел. Художник закрыл глаза и постарался восстановить картину событий прошедших дней. Ночами он иногда просыпался и слышал шаги в пожарном люке. Разве Длинный Цуидер не сказал, что в его комнату легко попасть? Якоб Алмагин использовал яды, чтобы одурманивать Петрониуса. Это объясняло и исчезновение Яна де Грота.

Снова открыв глаза, Петрониус испугался. Перед ним в пальто с меховой оторочкой стоял казавшийся огромным мастер Босх. Он серьезно смотрел на подмастерье:

— Вам лучше, Петрониус?

— Нет причин жаловаться, если тебя приковали к постели.

Мастер Босх не обратил внимания на колкость. Его рука коснулась подбородка.

— Во сне вы говорили о картине!

— Ваша жена сказала мне об этом.

Петрониус закрыл глаза и попробовал ремни на прочность. Они были крепки, хотя и не передавливали кровеносные сосуды. Постепенно юношей овладело неприятное чувство. Действительно ли ремни были мерой предосторожности, чтобы он не расцарапал во сне зудящие раны?

— Вы видели третью створку?

Петрониус кивнул. Нужно ли поведать о встрече с Алмагином, которую он помнил смутно?

— Расскажите мне, — потребовал Босх, медленно приближаясь к кровати. Сел на край и добавил: — Пожалуйста.

Петрониус насторожился. Разве мастер не собирался рассказать ему о картине и ее содержании? Он снова закрыл глаза, вызывая в памяти воспоминания о полотне.

— Все, что вы предсказывали на двух первых частях триптиха, все, что адамиты хотели передать в послании для потомков, на последней доске вы отрицаете, мастер Иероним. Разве познание, подобно алкоголю, не разрушает тело великана? На его голове волынка, символ глупцов, символ пустоты и тщеславия, которое распространяется по этой земле. Вместо того чтобы плодоносить, мировое яйцо, творение повседневной жизни, полностью уничтожено, будто выеденное изнутри. Высокомерию, сладострастию, чревоугодию удалось то, чего не удавалось никому — разрушить созидание.

Мастер Иероним не усидел на краю кровати, он встал и зашагал по комнате, скрестив руки на груди.

— Я предупреждал меестера Якоба. Он ничего не хотел слушать! — Босх присел у ног подмастерья и пристально посмотрел на него. — Вы прекрасный художник и осознаете всю глубину этой картины.

Петрониусу не понравилась похвала, а замечания о предостережении Алмагина он вообще не понял. Почему мастер Иероним говорит ему о таких вещах?

Силы медленно покидали юношу.

— Справа от человека-дерева меня привлекает фонарь и диск мирового круга. Там семь химер напали на рыцаря; в руках у него кубок, из которого вываливается просфора, а его знамя несет жаба. Разве не оказался мировой круговорот на острие ножа? Разве не указывают эти атрибуты на желание проклясть старое? Старую веру, провозглашаемую просфорой, старую церковь и носителя этого старого порядка — рыцарство. Вообще рыцарство повсюду переносит мученическую смерть, что напоминает первую книгу Моисея: кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека, ибо человек создан по образу Божию²².

Петрониус замолчал и с трудом открыл глаза, его веки отяжелели. В ногах стоял мастер Босх и наблюдал за ним.

— Он черпал из вас, потому что меня уже разрушил. Вы пугаете меня, Петрониус Орис. Это предсказание — конец адамитов, конец нашей веры, наших принципов. Пророчество, которое он нашел в вас.

— Не понимаю.

Иероним Босх вымученно улыбнулся, опустив голову, обошел кровать и сел на сундук, стоявший рядом.

— Вы были источником третьей части, Петрониус Орис. Как вы думаете, почему я просил вас нарисовать ваши представления о рае? Почему вам было позволено писать портрет Якоба ван Алмагина? Почему происшествия на грани жизни и смерти вселяли в вас страх и ужас? Чтобы пробудить вашу фантазию!

От правды Петрониусу стало плохо. Вот почему он проводил целые дни с бешеной головной болью! Вот почему его преследовали жуткие сновидения! Юноша снова попытался высвободиться, но был крепко привязан к кровати.

— Вы должны были заметить, что у ада совсем другое качество, отличное от моего видения сцены рая и учения адамитов. Ад — ваше произведение, Петрониус Орис.

— Но почему я? Чего хотел от меня Якоб ван Алмагин? Мастер Босх подошел к окну, желая закрыть его. Неожиданно он резко обернулся, сжав губы в тонкую линию.

— У него есть знания, однако нет воображения. Тот, кто всю жизнь занимается правдой в разных ее проявлениях, теряет способность фантазировать. У Якоба ван Алмагина отсутствует творческая мысль. Ему нужны образы, чтобы зашифровать свои

мысли. Сначала он брал их у меня. Но смотрите, Петрониус, я похудел, стал похож на скелет, с трудом держу кисть.

Комнату наполнили затхлый воздух и удушливое тепло. Под ремнями, на лбу и на груди юноши выступили капельки пота.

— Вы должны были сопротивляться.

На лице мастера появилась горькая усмешка:

— Никто не может сопротивляться Якобу ван Алмагину. Его сущность — бездонная пропасть, в которую падаешь без остановки. Он медленно высосал меня, оставив одну кожу. Он убил бы меня, если б ему не требовался художник, чтобы изображать его образы и видения на полотнах. Потом Алмагин принялся за вас.

— И за Яна де Грота.

Глаза Босха округлились от испуга:

— Вы знаете?

Петрониус был слишком слаб, поэтому прошептал:

— Вы сейчас подсказали мне. Раньше я только предполагал.

— Якоб ван Алмагин исчез. Возможно, он в келье доминиканцев в Ден-Босе. Инквизитор не оставит его в живых.

Петрониус Орис закрыл глаза и попытался бороться со сном. Голос мастера Иеронима доходил до него словно издалека.

— Я встретил Алмагина, мастер Босх. Он использует вас, как использовал меня. Он всех нас провел.

Фрагменты головоломки сложились в единое целое. Эйфория от постижения тайны на короткое время охватила подмастерье. Он открыл глаза и посмотрел в лицо Иеронима Босха, склонившегося над ним, чтобы расслышать голос, который становился все тише.

— Якоб ван Алмагин обманул нас всех. Он — женщина. Я видел ее в подвале вашего дома. Видел, когда она переодевалась.

— Лучше бы вы этого не говорили!

Быстрым шагом Босх направился к двери, открыл ее и резко закрыл за собой. Петрониус остался в комнате один. Марлевая завеса опустилась на глаза и затуманила взор.

XII

Петрониус испуганно вскочил. Кто-то только что прикрыл его рот и со всей силой навалился на него.

— Петрониус, это я, Зита.

Теперь Петрониус почувствовал, что может дышать через нос, успокоился и лег. Его жизнь в последнее время состояла из сна и пробуждений. Художнику казалось, что он должен восполнить сон целого века. Он видел только Алейт, свою хозяйку, Зиту и Майнхарда. Мастер больше не появлялся, и Петрониус не знал, остался ли он в имении или уехал в Ден-Бос.

Зита слегка отпустила руку, но приложила указательный палец к губам. Петрониус понял и послушно кивнул.

Девушка медленно убрала руку.

— Ты ужасно храпел!

Ее голос звучал не ехидно, как обычно, а испуганно. Подмастерье удивился. Сел в кровати. Со двора доносились голоса. На улице слабо светило белое солнце уходящего лета.

— Якоб ван Алмагин! — прошептала Зита и потащила Петрониуса к окну.

Художник осторожно выглянул на улицу. Пергамент и стекла еще отсутствовали, их ставили только осенью. Под навесом фахверкового здания оживленно беседовали двое мужчин.

— Я ничего не вижу, — прошептал Петрониус на ухо Зите, — но узнаю его голос.

Алмагин говорил:

— Он должен исчезнуть, и чем быстрее, тем лучше.

— Этого вы не можете требовать от меня, меестер Якоб. Права гостя не нарушаются никогда. Пока он под крышей моего дома, вы не тронете его и пальцем. Я так решил.

— С каких пор вы стали таким сентиментальным, мастер Иероним? — Алмагин сухо рассмеялся. Петрониус видел только руки ученого. — Петрониус Орис представляет для нас угрозу. Если он действительно делал записи у патера Иоганнеса, там наверняка есть

имена. Сотни людей будут сожжены, когда рукопись попадет в руки кровожадного священника. Кроме того...

Мастер Босх прервал его:

— Вы совершили оплошность, выдав ему свою тайну.

Алмагин отпрянул, и Петрониус в этот короткий момент хорошо рассмотрел его. Меестер казался одичавшим, будто неделю провел на сеновале в хлеву.

— Кто это сказал? Откуда вам это известно?

— Он сам. Он говорил об этом в бреду.

— Кто сидел с ним? Кто слышал его? Вы? Кто еще?

Голос Алмагина звучал слабо, будто его сковал страх.

Петрониус представил, как ученый бросается на мастера и трясет его за плечи.

— С ним была Зита. Кроме нее, никто не знает.

— Зита... — повторил Алмагин. — Все равно мы недооцениваем его, он опасен. А если узнает...

— Он видит все во сне. Человек-дерево и голубая женщина-сокол призраками бродят по его снам. Я предполагаю, что когда-нибудь он все поймет.

Что он слышит!.. Петрониус усмехнулся. Теперь лгал его мастер. Но как мощно! Разве Босх не рассказал ему сам, что переработал его видения ада?

— Где парень сейчас?

Наверное, Иероним намекнул, что Петрониус лежит у них над головой и храпит, поскольку разговор под окном замер.

Юноша отошел от окна и прошептал Зите, чтобы она села в кресло за дверь. Они вместе подождут Якоба ван Алмагина. Вероятно, он скоро появится. И тогда в нужный момент Зита обнаружит свое присутствие.

Действительно, они услышали на лестнице звук осторожных шагов и шепот. Петрониус быстро скользнул в кровать. Ее полог еще покачивался, когда тихо отворилась дверь и появился Алмагин. Он оглянулся по сторонам и увидел художника. — Вы спите, Петрониус?

Вслед за ученым в комнату вошел Босх. Петрониус лежал, стараясь дышать ровно, затем изобразил пробуждение. Когда юноша открыл глаза, Якоб уже наклонялся над ним.

— Якоб ван Алмагин!

Ученый улыбнулся ему, и Петрониус заметил пушок на щеке, как у жены Босха.

— Что вам нужно? — насторожился подмастерье.

— Поговорить с вами, Петрониус. Ваше выступление в церкви — просто дьявольское представление.

Петрониус резко выпрямился, так что ученый отшатнулся.

— Я мог бы умереть в тот вечер, Якоб ван Алмагин, если бы мне не помогли. Вы провоцировали меня, и я не знаю зачем.

Ученый кивнул и отвернулся. Провел рукой по губам, будто ему нужно было подумать, прошел по комнате и остановился перед Зитой, которую уже заметил, но лишь на мгновение. Затем снова повернулся к Петрониусу. Мастер Босх стоял молча.

— С вами грубо обращались у патера Иоганнеса. Следы от ожогов останутся навсегда. Но в доме мастера Иеронима вам гарантировано гостеприимство.

— Я многим обязан моему учителю и надеюсь, что когда-нибудь отплачу ему тем же.

— Когда вы находились в заключении... — Алмагин подбирал слова или просто делал вид? — От вас потребовали записать ваши впечатления. Так?

Петрониус ждал вопроса. Первым делом, оказавшись в доме мастера, он отдал сумку Майнхарду, чтобы тот ее спрятал. Сейчас она лежала под сеном, в сарае. Никто не сможет найти ее.

— О какой рукописи вы говорите?

Петрониус ликовал, что ему удалось опередить ученого хотя бы на один шаг. Этот человек никогда не получит его записей.

Алмагин едва сдерживался:

— Вы знаете, о чем я говорю! Подумайте о том, что видения в сцене ада — не пустые угрозы. Я позабочусь об аде для вас. Рукопись должна быть у меня. Или вы надеетесь, что можете носить с собой записи об адамитах и обо мне? Вы глупец, Петрониус!

— Пока подмастерье в моем доме, — прервал его Босх, — вы будете вежливы по отношению к нему. Как подобает всем моим гостям!

Якоб ван Алмагин вздрогнул. Затем исподлобья посмотрел в ясные глаза Иеронима, который устремил взгляд мимо него на деревянные балки в стене.

— Хорошо, — уступил ученый. — Хорошо! Хорошо! Хорошо! Вежливость. Я буду вежлив.

С этими словами Алмагин покинул комнату и с шумом спустился вниз.

Мастер Иероним тоже собрался уходить, однако в дверях обернулся, посмотрел на Зиту, потом на Петрониуса и проговорил:

— Здесь, в моем доме, я гарантирую вам безопасность. Но когда покинете имение, вы окажетесь вне закона.

Мастер повернулся, собираясь уйти. Петрониус задержал его.

— Почему лицо Якоба появилось на створке ада?

Мастер Иероним остановился, и из темноты донесся его голос:

— Потому что он женщина и хотел бы сбросить с себя оболочку.

Мастер шумно спустился по лестнице. Едва он оказался внизу, Петрониус вскочил с кровати.

— Зита, рукопись! Она может спасти нам жизнь. Ее нужно дописать, рассказать обо всем, что здесь произошло, а потом спрятать так, чтобы мы всегда имели к ней доступ, но не носили при себе. Давай разделим ее: одну часть — Алейт, другую — Майнхарду, а остальное — нам. Зита подумала и согласилась.

— А где она лежит?

— Пошли. В маленьком сарае, где стоят кони.

Оба встали и тихо выбрались из комнаты. Только следы ремней на руках напоминали художнику, что все происходящее с ним — не сон.

XIII

— Пожар!

Крик ворвался в картины ада в голове юноши и заставил насторожиться. Он барахтался в когтях женщины-птицы, которая вырвала его из толпы проклятых и собиралась проглотить. Грязный платок лежал у дьяволицы на коленях, и в него капала слюна, стекавшая изо рта. Она оказалось той, что проглатывает мир. Петрониус подозревал, что найдет свой конец в брюхе птицеголового чудовища. Ее тело стало голубым... голубым, как цвет обмана. Как голубая дымка, как лживая голубизна неба, как голубое заблуждение. Он не мог уйти от этого дьявола — ястреба. Пожирательница душ овладела юношей и опутывала, оплетала его. Восседавая на треноге божественной троицы, она наслаждалась каннибальским пиршеством. Мужчины! Только мужчины заканчивали свой путь в желудке пожирательницы душ, когда над водным лабиринтом бушевал мировой пожар.

— Пожар!

Крик снова проник в сознание Петрониуса и прогнал хищную птицу.

— Пожар! Пожар!

Крики повторялись, пока Петрониус не очнулся и не понял, что сон и реальность совпали. Перед глазами еще стояла ведьма с ястребиной головой, в то время как в окно он увидел сарай, из которого валили сизые клубы дыма. Петрониус не мог отличить сон от яви: то ли образ женщины-птицы вышел из его затуманенного мозга и теперь отплясывал в действительности, то ли его на самом деле проглатывали и он переживал конец света. Некоторое время подмастерье не мог решить, стоит ли он в церкви перед картиной или находится в сарае, пока новый крик окончательно не вернул его в сегодняшний день, разрушив сон.

Петрониус лежал на соломенной подстилке с закрученными в тряпье руками. Едкий дым проникал в соломенную хижину и щекотал в носу.

Разве ему приснился разговор с мастером Иеронимом и Якобом ван Алмагином? Разве он не лежал на кровати с балдахинном?.. А теперь его колют соломинки в какой-то хижине. Густой дым заставил художника лечь на пол и искать выход. Потом он вспомнил, что они с Зитой пришли сюда и выкопали из-под соломы сумку с рукописью. Они хотели поделить страницы. Ему стало плохо от жары, спертых воздуха сарая и от напряжения. Зита массировала его затылок, втирая туда какую-то мазь. А дальше Петрониус помнил только лишь ужасные кошмары. Может, это был кошмарный сон, и сейчас он снова проснется?

Однако едкий дым, наполнявший помещение, был слишком удушливым, чтобы оказаться призрачным.

— Петрониус! — резко прозвучал женский голос. — Петрониус, ответь же!

Зита! Она ищет его.

Петрониус вместо ответа закашлялся. Он не сможет долго так выдержать. Художник начинал медленно осознавать, что дьяволица, которую он видел перед своим внутренним взором, не существует в этом мире: она есть порождение его разума, возникшее под влиянием картины.

— Скажи что-нибудь, я не знаю, где ты!

Петрониуса вновь сотряс приступ кашля, и тут художника схватила чья-то рука и потащила за собой. Ноги не слушались его, он ползком пробирался под низким потолком, пока не добрался до пролома, ведущего вниз. Зита в платье голубого цвета спускалась первой, ставя ноги Петрониуса на перекладины лестницы. Через десять ступеней он оказался на земле. Здесь, внизу, дым был слабее и не такой едкий.

— Где я, Зита? Что произошло?

— Вопросы потом. Мы все еще в имении твоего хозяина. В сарае. Ты потерял сознание. Здесь стояли лошади, но сейчас их нет. Я отдала рукопись Майнхарду, и он ускакал вперед.

Поблизости что-то зашуршало, Зита обернулась и вскочила. Перед ними стоял Якоб ван Алмагин и протягивал руку, будто просил подаяние.

— Рукопись, Петрониус Орис! Отдайте ее мне, и тогда вы можете исчезнуть из этого города, из этой страны.

Петрониус непонимающе смотрел на ученого. Рукопись? Откуда ей взяться у него? Рукопись!

Перед сараем раздались отчетливые звуки шагов и плеск воды. Люди по-прежнему выкрикивали непонятные слова, из которых Петрониус слышал только одно: «пожар».

Где-то позади Алмагина пламя проедало сухие балки в стенах сарая. Дым становился все гуще, так что ученый временами исчезал в нем.

— У меня больше нет рукописи!

Возникла пауза, заглушаемая треском огня.

— Послушайте, Петрониус, вы отдадите мне листы, которые написали по поручению патера Иоганнеса, или умрете здесь вместе с вашей монахиней. Выбирайте.

— Рукопись у меня, сестра!

Зита произнесла слово «сестра», будто ножом отрезала, и Петрониус удивился, что ей известна тайна Алмагина.

— Я знаю, что этим признанием подписала себе смертный приговор, но, меестер Якоб, вы ничего нам не сделаете.

Зита закашлялась.

Алмагин надвигался на них. Его правая рука была под плащом, и Петрониус предполагал, что там спрятан нож или другое оружие.

— Майнхард из Аахена направляется с рукописью в Ден-Бос, и если с нами что-то случится, он собственноручно передаст ее инквизитору. Я позаботилась о том, чтобы ваше имя встречалось там и чтобы было упомянуто о вашем переодевании в мужской наряд. Вам не найти Майнхарда. Если с нами все будет в порядке, то через четыре недели мы пошлем к Майнхарду посыльного, и он передаст вам рукопись. Но лишь тогда. А теперь дайте пройти!

Якоб ван Алмагин подошел к ним на расстояние нескольких шагов. Лицо его подергивалось в свете пламени, вырывавшегося из сарая. Петрониус видел трясущиеся губы.

— Вы выиграли, сестра. Но Якоб ван Алмагин еще нужен. Время моей отставки пока не пришло. Если выдадите мою тайну, отправитесь со мной в ад. Я обещаю!

Ученый отвернулся и выскользнул через боковое отверстие в стене.

— Магистр Якоб! А картина? Что будет с ней?

Алмагин обернулся и что-то выкрикнул, но в этот миг от задней стены оторвалась балка, и в сарай посыпался огненный дождь.

Якоб ван Алмагин надвинул на голову капюшон и исчез. Зита и Петрониус выскользнули через переднюю дверь.

Огонь яростно набросился на сарай, пожирая сухие доски и балки. Тяга была такой сильной, что у стоявшего рядом крестьянина сорвало с головы шапку.

Зита притащила Петрониуса к воротам — охрана открыла их, чтобы можно было передавать ведра с водой из находившегося неподалеку пруда.

Целые и невредимые, сопровождаемые красноватым светом горящего сарая, они добрались до дороги. Под одним из деревьев на аллее опустились на землю. Петрониус без остановки кашлял, а Зита внимательно изучала окрестности. Среди яркой зелени кустарников голубое платье девушки сияло, будто она была нимфой.

— Теперь настало время осуществить твои мечты, Петрониус! — произнесла Зита, наблюдая за дорогой.

Петрониус прислонился к дереву.

— Что тебе известно о моих мечтах?

— Многое. Ты говорил во сне. Рассказывал мне целые истории. А одним из твоих желаний было отправиться в Вену, ко двору Габсбургов, или во Францию, к Людовику XII.

Прежде чем Петрониус смог ответить, он услышал стук копыт, доносившийся с той стороны, куда они направлялись. Художник попытался встать, но ноги подкосились. Однако Зита пошла навстречу всаднику, будто ждала его. Через несколько мгновений в утренних сумерках возник Майнхард с четырьмя лошадьми.

— Я думал... — прошептал Петрониус, но не смог закончить: силы покинули его.

Почему Майнхард с его рукописью оказался здесь? Зита рассмеялась и закончила за него:

— ...что мы отправимся во Францию, чтобы избежать когтей бестии по имени Якоб ван Алмагин? У нее на совести слишком многие. Слишком многие, кто знал или подозревал о тщательно скрываемой тайне. Ты первый, Петрониус, кого она не убила. Разве это не оправдывает ложь?

Петрониус не совсем понимал взаимосвязи. Если бы рукопись не находилась в безопасном месте, она могла стоить ему жизни.

Возница подошел и подхватил Петрониуса под мышки. Одним махом он посадил художника на лошадь и привязал его руки и ноги к седлу. Петрониус воспринимал происходящее безразлично. Юноше казалось, что голова его плывет в огромном водяном пузыре, который медленно опорожняется. И тут он вспомнил про Питера. И неожиданно догадался, что в игре с разоблачениями открыты не все карты. Он разоблачил Якоба ван Алмагина тогда, в лаборатории, под домом Босха. Но и в Зите, по его мнению, оставалось достаточно загадочного. Только один человек мог подсыпать яд в кружку Питера. И этот человек теперь увозил его из Оиршота.

Если Петрониус правильно понял Зиту, она продолжила рукопись. Может быть, записала его фантазии, дополнила то, о чем сам он хотел умолчать. Ведь Зита угрожала этим Якобу ван Алмагину.

Зита погладила Петрониуса по лицу. Она ворковала, как голубка. Или то был приглушенный клекот ястреба, поймавшего добычу и теперь медленно поедающего ее? Петрониус украдкой наблюдал за Зитой. Она скакала рядом и улыбнулась ему, заметив пристальный взгляд. На седле девушки висела сумка с рукописью.

XIV

— О Михаэль! Чудесно, что я нашел вас здесь. Посмотрите!

Кайе вздрогнул — дверь в мастерскую распахнулась, и ворвался Небриха. Он бросился к коллеге, схватил его за руку и потащил к картине.

Толчок вернул реставратора в настоящее. Не замечая Берле, Небриха остановился у створки, изображающей ад.

— Последние дни я много размышлял. И меня осенило.

Его палец скользнул по сцене ада к огромным ушам, разделенным ножом.

— Слушать! — сказал он.

Затем палец проследовал к человеку-дереву.

— Видеть!

Наконец указательный палец обвел несколько сцен в нижней части картины.

— Чувствовать! — подчеркнул он. — «Я лес, который слышит, и поле, которое видит», — вот что означают рисунки Босха. Я говорю вам, Михаэль, Босх был пророком. Он знал, что его замыслы раскроют. Способность слышать и видеть в аду разрушена, уничтожена. Мы ходим по миру глухие и слепые, вот что в действительности он хочет сказать. Разве мы не погружены в развлечения? Они являются для нас пиком человеческого счастья. Босх описывает здесь вершину и конец человека. Люди привязаны к музыке, они пропадают в игорных домах. И голубой дьявол пожирает последнее, что есть у них — души. Умение слушать, видеть и чувствовать стало сегодня пороком.

Кайе не совсем понимал сложные намеки Небрихи. Он еще не опомнился от рассказа Берле. Реставратор снова нажал кнопку тревоги, но подтверждения не поступало.

Взволнованный голос Небрихи продолжал:

— Вот почему знак Венеры, Михаэль. Все указывает в одном направлении. Не лицо человека-дерева находится в центре картины. Если провести диагональ, то получится весло правой лодки. Весло! Вы понимаете? В первой картине отверстие в фонтане с совой, во второй — всадник с рыбой, а в последней — весло. Все сходится. Весло

означает курс, направление. Курс, который взял человек-дерево, неверный. Он ведет сюда, в ад, в то время как курс, который нужно проложить, иной. И поэтому в картину введен символ Венеры, который мы обнаружили на наших снимках.

Кайе стал ясен ход мыслей Небрихи.

— Разве Грит Вандерверф не называла поколение наших потомков «людьми-посевами», Антонио?

Патер Берле мгновенно обернулся и рассмеялся:

— Они давно позади нас, и были позади, сеньор Кайе. Якоб ван Алмагин уже в XVI веке пытался зарисовать знание о людях-посевах.

Небриха вздрогнул и обернулся:

— Вы... здесь? И в форме охранника?

Берле проигнорировал Небриху и понизил голос, будто не хотел, чтобы его услышали посторонние.

— Эта женщина-мужчина пережила всех. Всех! Босх умер в 1516 году. Картина высосала его силы целиком, а нападки патера Иоганнеса окончательно вымотали. И все же это был маленький триумф для Якоба ван Алмагина. Доминиканцы так и не смогли встать на ноги в Ден-Босе. Патер был устранен Якобом ван Алмагином раньше. В 1515-м он покинул этот мир.

Кайе провел рукой по волосам. Откуда Берле знает такие детали? Откуда взял все эти истории?

Словно услышав немой вопрос реставратора, Берле ответил еще тише, чем раньше. Кайе был вынужден наклониться, чтобы расслышать. В голосе патера появились угрожающие нотки.

— Петрониус Орис и Зита ван Клеве скрылись. Рукопись спасала их до тех пор, пока последняя часть не попала в чужие руки. Зита и Петрониус отправились предположительно в Испанию. В конце концов рукопись очутилась в Саламанке. И еще — перед их смертью что-то произошло. Не хватает последней части рукописи. Зита продолжила ее, об этом она сообщает, но рукопись обрывается к моменту их бегства. А все ссылки на Якоба ван Алмагина и на значение картины исчезли. Похоже, Алмагин завладел последней частью рукописи. В любом случае след Петрониуса Ориса теряется. Возможно, он изменил имя, но я думаю, что, как многие, подобные ему, он погиб на костре инквизиции. В библиотеке в Саламанке на то есть много указаний. А вот следов Зиты нет нигде!

В помещении воцарилась тишина. Реставратор нервничал. Тишину прервал Небриха:

— Таким образом, картина замолчала! До сегодняшнего дня. Сейчас она вновь заговорила, патер Берле. И если мы не узнаем всей правды, то в руках у нас останется хотя бы ключ. «Сад наслаждений» провозглашает конец католической церкви и господства мужчин.

Лицо Берле исказилось.

— Церковь истребляла мудрых женщин, посылала на костер, — продолжал Небриха. — Но уже в то время люди-посевы составляли с помощью Якоба ван Алмагина свой алфавит изменений. Женщины во все времена передавали свои знания дальше, патер. Они просто скрывали это, ведь так называемых ведьм сжигали на кострах инквизиции.

Кайе старался понять, прав ли Небриха, а если прав, то какую цель преследовало послание? Картина оставалась картиной, а действительность — действительностью, к чему бы ни приводили тайные послания, если они вообще были.

Небриха, опьяненный своим открытием, продолжал:

— Мы, мужчины, обманывали себя и были слишком уверены. Но Якоб ван Алмагин знал лучше. Мужчины на картине Босха двигаются по кругу, танцуют вокруг озера и празднуют призрачную свадьбу, в то время как часы указывают на их конец.

Кайе догадывался, на что намекает Небриха.

— Ну и что последует за этим? — тяжело дыша, спросил Берле.

— Картина рассказывает о женщинах, Берле. Потом будут женщины.

Взгляд Берле погас, как потушенная свеча. Патер сник и обхватил себя руками. Он весь дрожал, на лбу у него выступил пот. Кайе потряс его за руку, но Берле смотрел мимо него на картину, ее свечение странно усиливалось лучами солнца.

— Я не хочу возвращаться к женщинам, сеньор Кайе.

— Вот мы и подошли к важной точке! — раздался в дверях голос Грит Вандерверф.

Никто не заметил, как она вошла в мастерскую. Берле сунул руку под куртку, достал авторучку и судорожно сжал ее в кулаке.

— Да, дорогой патер. Возможно, картина действительно содержит послание. Жизнь — вечный цикл прихода и ухода, жизни и смерти.

Женщины знали об этом цикле. Они обладали знанием, силой и господством с давних времен. Вот здесь, — Грит указала на среднюю часть картины, — в знаке Льва. Десятки тысяч лет назад. Их господство изменилось, женщин вытеснили, они потеряли уважение, власть и влияние. Отдали поле боя мужчинам.

Кайе заметил, что патер повернулся спиной к Грит и судорожно сжимает в руке ручку. Вандерверф не верит в то, что говорит — реставратор не сомневался. Но тогда зачем Грит говорит все это?

— Знания о рождении и смерти всегда были в их руках, и так должно было остаться. Но в позднем Средневековье церковь начала уничтожать мудрых женщин, страшась, что в своем господстве не достигнет желаемой полноты, пока женщины уходят от ее влияния. Возникла угроза потери знания. Женщины стали искать возможность сохранить его. Письменность находилась в руках мужчин. Опасно заключать в слова все знания женщин, сведения, которые собирались тысячелетиями и передавались от матери к дочери. Знание было заложено в эту картину. Но не всё. Не хватило времени и женщин, желающих рискнуть. Однако важнейшая информация, самая важная, все-таки была таким образом сохранена.

Грит улыбнулась патеру.

— Non posse mori. Невозможно умереть. Вот основа материнских мыслей. Пока существуют матери и дочери, знание о том, кто приносит в этот мир жизнь и передает ее дальше, не умрет.

— Поэтому символ Венеры на последней картине...

Кайе сказал это для себя, скорее, прошептал, однако

Берле воспринял сказанное чрезвычайно страстно:

— Вы идиот, Кайе! Больше она ничего от нас не хочет. Ее теория осталась бы воздушным замком, если бы информация не была нигде спрятана.

— О символе Венеры мне известно уже давно, патер Берле. Вы не заметили, что на внешней стороне фигура Христа сдвинута на самый край картины. Его «сотворение мира»... — тут Грит стала высокопарной, — о нем не стоит говорить. Мир рожден из оплодотворенного яйца космической матки. Бог, бог-мужчина из Библии, был приглашен в качестве зрителя. Ему позволили говорить; действовать — дело женщины. Бог — всего лишь словоохотливый осеменитель. Женщины — матери рая. Потому и знак Венеры.

Грит преувеличенно торжественно жестикулировала, и теперь Кайе стало ясно, что она провоцирует Берле. Тот вздрагивал при каждом слове, как от удара плетью. Вандерверф собиралась загнать патера в угол. При этом она целеустремленно двигалась к картине и в конце концов прошмыгнула между патером и триптихом.

Грит указала на створку, изображающую рай:

— А теперь посмотрим сюда. Эта часть картины показывает рай женщины. Адам сидит, отодвинутый в сторону, под деревом жизни. Странно, но не он в центре картины, и кажется, Адам удивлен, изумлен тем, что Бог занят Евой. Все на этой картине сдвинуто в сторону. В центре только источник, и его цвет и форма заставляют задуматься. Источник, из которого вытекает жизненная влага, изображен по подобию стилизованных женских половых органов.

Рассуждения Грит были прерваны криком. Патер Берле прижал кулаки к щекам, не выпуская из руки авторучку. Кайе догадывался об опасности и снова и снова нажимал кнопку вызова подмоги. Он проклинал халатность охранников. Неужели Берле и тут использовал свои гипнотические способности?

— Прекратите! — кричал Берле. — Оставьте меня в покое!

— В чем дело, патер? — ехидно спросила Грит. — Что я такого сказала?

Берле тяжело дышал. Он медленно поднял голову и посмотрел на Грит и Кайе. Его глаза сверкали.

— Прекратите!

Он задыхался. Зрачки Берле дрожали, казалось, внутреннее возбуждение не дает ему успокоиться хотя бы немного.

— Ничего больше не хочу слышать! Это все ересь! Почему наш мир должен стать другим, будто он только ваш? Разве матриархат не погиб?

Грит спокойно смотрела на патера. Она изучала Берле холодным взглядом, от которого тот стал нервно мять пальцы.

— Он никогда не погибал. Он был вытеснен, поскольку мужчины думали, что актом зачатия смогут проникнуть в тайну жизни. Заблуждение, которое человечество могло бы пережить, если бы религия не стала пособником невежества.

— Тогда в ней есть пророчество! Только оно могло удовлетворить женщин, — вставил Кайе.

И в тот же миг пожалел о сказанном, потому что патер весь напрягся. Грит твердо продолжала:

— Всадник с рыбой в руке провозглашает конец эры Рыб. Вы, мужчины, ходили по кругу и зашли в тупик. Ваш век удовольствий и лжи прошел. Начинается эра Водолея. Женщины, выходящие из пруда в центре картины, — люди-посевы новой эпохи. Они идут по дороге к власти.

Неожиданно патер вскрикнул и снял с ручки колпачок.

— Это ложь! Я уничтожу картину, разрушу ее до основания. Никто не сможет распространять подобную ложь.

Берле сделал несколько шагов к картине, судорожно сжимая в руке авторучку.

— Патер!

Берле зашипел.

— Не делайте глупостей, патер! — заклинал его Кайе. Грит подошла к Берле, но священник сразу же отреагировал:

— Ни шагу! У меня кислота.

— Чего вы хотите, патер? — спросила Грит.

Сердце Кайе бешено стучало. Где охрана? Передатчик отчаянно звал на помощь.

Грит начала спокойно увещевать патера. Почти незаметно она пододвигалась к Берле и вдруг с криком бросилась на него. Патер отшатнулся, но кулак Грит снизу ударил по его руке. Жидкость из авторучки с бульканьем вылилась на одежду и кожу.

В этот момент в комнату ворвалась охрана и скрутила Берле, который бился и кричал в дикой ярости. Белая пена на его лице смешалась с черными пятнами.

Грит поправила юбку и протянула Кайе авторучку:

— Простые чернила.

Потом она опустилась на табуретку и закрыла лицо руками.

Визг Берле разносился по мастерским, пока патера привязывали к носилкам и выносили вон.

— Боюсь, мы никогда не узнаем, что в этой истории было правдой! — вздохнул Небриха и поплелся прочь из мастерской.

Грит сжала руку Кайе.

— Завтра на улицу Сан-Николас? Для дачи показаний? Хорошо, сеньор комиссар.

С покорным вздохом Кайе положил трубку и взял увеличенные снимки. При всем желании он ничего не мог разобрать даже при помощи лупы. Конечно, там, где Кайе хотел видеть буквы, лицо совы и где крест и круг образовывали символ Венеры, он мог их увидеть, если обвести контуры. Но как только реставратор убирал линии маркера, все формы исчезали в неопределенности. Будто ничего и не было. А если Кайе долго рассматривал снимки, то мог различить на поврежденных местах детали, которые сводили на нет все, в чем Небриха и он были уверены. Может, Антонио де Небриха хотел прочесть то, чего не было? Или они теперь оба бредят, как Берле?

В дверь постучали. Прежде чем Кайе успел ответить, дверь открылась, и в комнату вошел Небриха.

— Вас тоже пригласили в полицию, Михаэль?

— Да, завтра.

— И меня. А вы слышали что-нибудь о Грит Вандерверф?

Кайе покачал головой:

— Нет, ничего. Вы выглядите усталым, Антонио.

Небриха пододвинул к себе стул и сел.

— Я прокрутил все в голове еще раз. И не нашел ответа. Чего хотела эта женщина? Зачем она занималась лечением сумасшедшего патера и почему втянула нас в эту историю?

Кайе откинулся на стуле и посмотрел на коллегу:

— Что значит «втянула»? Опять предположения. Похоже, Берле увлек ее так же, как и нас. Я должен был точнее понять ее намеки относительно картины, прежде чем поверить. Это все химеры, случайные образы, которые вы представили в форме букв и слов.

Антонио де Небриха сидел, облокотившись на спинку стула. Он скрестил руки и положил на них голову.

— Знаки есть, я в этом убежден. Мы просто не видим их истинного смысла.

— Да что вы говорите!.. Правда перед нами, Антонио! Здесь лицо совы на средней части. Я могу различить его, если обвожу. Форма произвольна и случайна.

Небриха вскочил и забегал по комнате.

— И Грит Вандерверф подтвердила толкование картины. Значит, что-то есть. Если мы сумеем доказать лишь часть найденного, научный мир прислушается.

Кайе слишком устал, чтобы спорить.

Исследования, вопросы, телефонные звонки, допросы в полиции, оправдания перед руководством музея — все это измотало его. И конечно, Небриха, чьи исследования построены на сомнительных предположениях. Кайе вынужден был признаться себе, что поступил весьма легкомысленно, поверив коллеге.

— Вы покажетесь смешным, Антонио. Необходимо предъявить бесспорные доказательства. Если будете строить свою теорию на случайных совпадениях, это повредит вашей репутации и репутации музея.

— Сорок восемь часов назад вы еще верили в знаки, Михаэль, — попытался возразить Небриха.

Он словно просыпался от летаргического сна. Антонио взял увеличенные снимки со стола и перевернул их.

— При желании можно различить знаки. Они только...

— Проклятие, Антонио! Поймите же! — Кайе рассердился. — Вы прочли сокращение «PSSNNMR», а я вижу только буквы «V», «A», «B» и так далее. Если я захочу, то смогу найти в этих повреждениях весь алфавит. Но никто не станет серьезно думать, что здесь спрятано какое-то послание.

— Различия в знаках есть, выбранные мной взяты не произвольно, они стоят в определенном порядке, и вам это известно, Кайе.

Реставратор вскочил.

— Качественные различия между знаками! Смешно. Я хотел верить, что они есть, Антонио. Но их нет.

Кайе устремился к другому концу стола, взял увеличенные снимки и пристально посмотрел на них. Его вновь охватили сомнения. Да, Небриха прав. Есть различия, но откуда ему знать, какие различия относительноны и позволяют толкование надписей, а какие — нет?

— Черт возьми, Небриха! Я не знаю, чему верить. Знаю только одно: если опубликуете что-то из своих исследований, вам придется оставить работу. Коллеги-специалисты с восторгом передадут вашу должность другому ученому.

— А почему Грит Вандерверф и патер Берле так набросились на картину? Почему он хотел ее уничтожить? Куда исчезла Грит?

— Оставьте меня с вашими заговорщическими теориями. Это смешно.

Кайе расхаживал по комнате.

— Последний раз говорю вам, Михаэль. Задача картины — сеять сомнения. В конце концов на ней Сеть знак совы. Не за каждой птицей стоит так же много толкований. Для одних она олицетворяет мудрость, для других является воплощением зла. На картине рая она сидит у райской реки, у источника жизни, так сказать. Если серьезно относиться к толкованиям Грит, здесь сова предстает в совершенно ином свете. Об этом никто не рассуждал. Она символизирует молчание, Михаэль. Сова сидит в своей пещере и следит, чтобы хранилось молчание о значении и целях картины.

Кайе хотел ответить, но в этот миг зазвонил телефон. Он раздраженно взял трубку.

— Ответь мне, Грит!

Он посмотрел на Небриху. Тот понял намек и вышел из кабинета.

— Где ты, Грит? — прошептал Кайе.

XVI

Кайе лежал дома, на своей кровати, и смотрел в потолок. Однокомнатная квартира реставратора располагалась на улице Святого Винсента. Стул, стол, шкаф для одежды и кровать составляли всю обстановку. Кайе задвинул шторы, так что в комнату проникал лишь тусклый дневной свет.

— Конец патриархата! — бормотал он.

Мысль овладела им, хотя основа, на которой она возникла, могла быть полностью неверной. Где нет знаков, там нельзя спорить об их смысле. И все же все их открытия подходили одно к другому без сучка, без задоринки.

Одна из сцен на створке ада запечатлелась в его памяти. Банкет в игорном аду. Он лежал, словно распятый, под перевернутым карточным столом. Правую руку проткнул стилет. Демон схватил его за горло и душил. Может, этот человек дал ложные сведения от имени церкви, направленные против порядка этого мира, и за это был низвергнут?

Или был нарушен договор Нового Завета? Тридцать три женщины, резвящиеся в пруду, указывали на божественное триединство великой богини-праматери. Двойная троица как символ сильного всемогущественного возвращения праматери. Типичное трио девы, матери и старухи стояло за этой игрой цифр. Три мойры у греков, три горгоны и три фации, три норны у викингов. Повсюду всплывало число «три», число женщин-богинь. Оно связывало символ Рыб с жизнью Христа, которому было отпущено тридцать три года, и с числом завершения перехода к эре Водолея.

Кайе не отрываясь смотрел в белый потолок. Там перед ним снова возник триптих со всеми его сценами. Реставратор больше не ориентировался в запутанных вопросах и невероятных ответах.

Он бы так и лежал в темной комнате, если бы в дверь не постучали. В первый момент звук едва доходил до сознания Кайе, однако с каждой секундой становился все сильнее, и наконец внимание реставратора обратилось к двери.

Сердце Кайе стучало. Он быстро встал, прислушался, но ничего не услышал. Затем резко открыл дверь.

— Грит!

Перед ним в черных джинсах и в темной блузке стояла Грит Вандерверф.

— Наконец-то!

Грит молча прошла в комнату. Немного помолчав, кивнула и осмотрела его жилище:

— Милая квартирка.

Кайе пытался побороть волнение.

— Большинство комнат в этом здании — офисы. Днем здесь шумно, а вечером тихо. Сейчас практически никого нет. Как раз когда мне нужен покой.

Грит улыбнулась ему. Кайе пожал плечами.

— Как дела, Грит? Где ты скрывалась?

В ее глазах реставратор вдруг увидел томление, которое нельзя было объяснить лишь темнотой комнаты.

Воздух слегка дрожал, чувства Кайе были напряжены до предела. Он ощущал спокойное дыхание Грит, тогда как его пульс бешено прыгал.

— Почему ты пришла?

Грит улыбнулась:

— Чтобы увидеть тебя. Я тоскую.

Взгляд Грит скользнул по неубранной постели, в которой только что лежал реставратор.

— Что тебе нужно на самом деле? — постарался вывести встревоженный Кайе.

Он подошел к кровати, набросил одеяло, поправил подушку и накрыл кровать покрывалом. Грит наблюдала за Кайе и, когда он закончил, подняла руку к блузке и расстегнула верхнюю пуговицу.

— Тебя! — прошептала она.

Ее рука медленно двигалась дальше, расстегивая пуговицы. Он не верил своим глазам.

— С тех пор как мы познакомились, я всегда хотела тебя.

Она обняла Кайе за шею и прижалась к нему грудью так легко и нежно, что он ощутил прикосновение сосков.

— Нет!

Кайе попытался вырваться, но Грит положила голову ему на плечо.

— Пожалуйста, — проговорил Кайе, — пожалуйста, послушай, у меня много вопросов.

Наконец Грит отпустила его. Отошла на шаг в сторону и остановилась у края кровати. Одним движением до конца расстегнула блузку и сбросила на пол. На ней было темное нижнее белье. Кайе отвернулся. Он не хотел смотреть, не хотел, чтобы его соблазнили, нужно сохранить ясную голову, чтобы задать вопросы о картине.

— Пожалуйста, Грит, оденься. Я хочу поговорить с тобой. О картине.

Голос Грит звучал низко, но тепло. Кайе услышал, как расстегнулась молния, и во рту сразу пересохло. Кайе не хотел оборачиваться, но какая-то сила тянула его, и он посмотрел на Грит. В сумерках комнаты ее белая кожа отливала серебром. У Кайе пропал голос. Запах обнаженного женского тела пьянил его, все прочие мысли растворились. Грит не двигалась, словно статуя греческой богини, позволяя реставратору рассмотреть себя. И хотя Кайе не хотел этого, его взгляд скользил по ее телу, по белой коже, пока не закружилась голова.

— Я ничего не могу рассказать тебе о последнем послании, Михаэль. Оно существует лишь тут.

Она подошла к Кайе и постучала по лбу. Затем медленно расстегнула пуговицы на его рубашке и сняла ее.

— За последние дни я многое узнала о страхах мужчин перед сексуальностью женщин, о наших желаниях, о нашей тоске. Я рассказывала тебе, что знаю некоторых женщин, таких же сумасшедших, как патер Берле. И ты должен согласиться: мысль о том, что в картине спрятано решение всех проблем между мужчинами и женщинами, очень притягательна. В какой-то момент я сама поверила в это.

Грит расстегнула его брюки и сняла их. Кайе позволял ей гладить его, желание пробудилось.

— Вы боитесь власти, которую мы имеем над вами в такие минуты.

Грит говорила медленно, низким голосом и одновременно касалась кончиками пальцев его кожи, скользила по рукам, ногам, по

его напряженной плоти.

— Поэтому церковь прокляла тело и чувственность. Вы не хозяйева своих чувств. Вы всегда во власти женской притягательности. А церковь — это сообщество мужчин, переполняемых страхом.

Она наклонилась к нему и нежно поцеловала в губы. Кайе закрыл глаза. Грит что-то шептала словно издалека. Нежными движениями она касалась его тела, прижалась к нему и гладила. Кайе чувствовал, как холодеет кожа от ее прикосновений, и не находил слов.

— Об этом говорит средняя часть картины, Грит. О том, что женщины через свое тело обладают властью над мужчинами. А откуда ты узнала про знак Венеры?

Грит целовала Кайе. Ее губы скользили по его телу. Ему стало зябко, и он задрожал.

Но вдруг Грит села и вздохнула:

— Хорошо. Иначе ты не успокоишься. Я рассказывала тебе о моей учебе. В кружке нашей женской группы курсировал один слух. Речь шла о тайном послании картины Босха «Сад наслаждений», о знаке Венеры, о буквах и еще кое о чем. Похоже, у Арианы, основательницы кружка, имелись несколько страниц старинной рукописи. Я сама ее никогда не видела и долгие годы не думала о ней. Можешь представить себе, как я была потрясена, когда познакомилась с Берле и он начал свою историю о Петрониусе Орисе. Однако он отказался рассказать мне больше. А поскольку я прочитала в газетах о твоей работе, то решила свести вас. Не могла и подумать, что ты и твой ходячий «справочник Босха» так отреагируете!

— Ты использовала нас, желая выяснить, что в этом есть интересного.

Грит укусила Кайе за мочку уха и провела рукой по бедру.

— Прости меня. Я повела себя непрофессионально и забыла о своем задании. Кроме того, по глупости влюбилась в тебя. А теперь перестань думать наконец о картине. Нам не узнать истины, и, возможно, так будет лучше.

Грит скользнула к Кайе и приняла его плоть в себя так нежно, что он едва не лишился чувств. Ее голос опять доносился как будто издалека.

Только теперь Кайе почувствовал тепло ее тела. Почувствовал прикосновение волосков, светлых и почти невидимых.

— Грит! Мужчины скачут вокруг пруда. Но Иероним Босх неправильно расположил знаки Льва, Скорпиона, Тельца и Водолея. Они не стоят друг против друга и не образуют креста. Почему небесный крест нельзя вписать в хоровод?

Грит всем телом прижалась к Кайе, склонила голову ему на грудь.

— Вы, мужчины, как дети, — произнесла она тихо, закрыв глаза и обхватив Кайе руками. — Можете думать только о себе и своих символах. Никто не собирался вписывать в хоровод крест.

Она выпрямилась, упираясь руками в грудь Кайе, царапая его ногтями.

— Ну хорошо, я скажу тебе, что я вижу. Знаки зодиака образуют «омегу». Это символ материнства, открытый круг и больше ничего.

Кайе смотрел в покрасневшее лицо Грит.

— Откуда ты все это знаешь? Или Небриха прав, и ты адепт и ведьма из радикального феминистского кружка?

Кайе осторожно гладил ее грудь.

— А если и так?

— Я должен быть осторожнее.

Грит тихо рассмеялась:

— Почему?

— Природа изменяется, правда убивает.

Грит на мгновение застыла. Кайе почувствовал, как вздрогнули мышцы ее бедер.

— Высказывание, которое было верно пятьсот лет назад, сейчас не имеет смысла. — Грит водила пальцами по его шее. — Прекрати наконец, правдоискатель! Кроме Берле, никто не знает о рукописи. Возможно, полный текст есть в архивах Ватикана. Впрочем, это не важно. До сих пор не было доказательств ее существования.

— Но она должна существовать. Никто не смог бы придумать такую историю.

Грит приложила палец к его губам и прикрыла левой рукой глаза, ища утерянный ритм.

— *Natura mutatur. Veritas extinguit!* — услышал Кайе голос у своего уха и отдался ритму ее тела.

Примечания

1

Не понимаете? (исп.)

2

Добрый вечер, сеньора! (исп.)

Имеется в виду Третий орден Святого Франциска, учрежденный самим святым ок. 1221 г. Члены ордена занимаются педагогической, миссионерской деятельностью, уходом за больными. — Примеч. ред.

4

Во имя Отца и Сына и Святого Духа (лат.).

5

Выдающийся художник (лат.).

Сказал Он — и сделано, повелел — и создано (лат.).

7

Здравствуй, привет тебе! (лат.)

Пятая сущность (пятое тело) (лат.). У средневековых философов так назывался эфир, который в пифагорейской школе был присоединен в качестве пятой стихии к четырем стихиям Эмпидокла: земля, вода, огонь и воздух. — Примеч. ред.

9

Совершенство (лат.).

10

Размышление, созерцание (лат.).

11

Свобода, право (лат.).

12

Сознающий добро и зло (лат.).

13

Высшее благо (лат.).

Высшее зло (лат.).

«Химические элементы» (лат.).

Резиденция испанских королей. — Примеч. пер.

Первая часть католической молитвы, начинающаяся словами «Kyrie eleison» — «Господи помилуй» (лат.). — Примеч. ред.

«Славься» (лат.). Молитва, обращенная к Троице. — Примеч. ред.

«Верую» (лат.).

Люди понимающие (лат.).

21

Подъём, вершина (лат.).

Первая книга Моисея, глава 9.